ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

"КОЛЕСО ИСТОРИИ" (НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ)

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества

«Создание серии видеофильмов «История. Люди. Память» об объектах истории и культуры на территории Калининградской области»

№ 18-1-010049

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут

по посёлку Междуречье Черняховского района

«УРОК ГРОСС-ЕГЕРСДОРФА:

УМЕЕШЬ ПОБЕЖДАТЬ – УМЕЙ ПОБЕДАМИ СВОИМИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ».

За «грудою дел, суматохой явлений» кто сегодня помнит о Гросс-Егерсдорфе?

Нет уже ныне деревушки, близи которой произошло это сражение, ставшее прологом участия России в Семилетней войне 1756 – 1763 годов. Однако редкий экскурсовод не воспользуется возможностью указать туристам на скромный придорожный обелиск в посёлке Междуречье близ Черняховска.

Обелиск этот поставили нынешние жители области к 200-летнему юбилею сражения. Память нетленна, а за каждым шагом русской воинской славы стоят русские солдаты, с верой, честью и достоинством выполнившие свой долг, пусть и на чужой земле. Они, солдаты, не виновны в том, что оказались вдалеке от России.

Политические, династические, другие интересы, представляемые как государственные, вели русскую армию и её воинов в эти края.

И русские солдаты шли… Своим трудом, потом и кровью, наконец, самой жизнью расплачивались они за цели этих походов. Для большинства солдат, впрочем, как и до этой войны и значительно позже, важно было одно – постоять за Отечество. Помня о них, можно ли пройти мимо обелиска в Междуречье и не остановиться?

Кретинин. Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кёнигсберге. 1758-1762.

1. **Посёлок Междуречье**, а в довоенный период – Норкиттен, расположенный почти в центре Калининградской области, играл особую роль в истории Пруссии.

Шоссе – трасса Калининград – Черняховск, а не просто улочка в старом городе, причем, это именно шоссе, выложенное брусчаткой, русскими военнопленными в период Первой мировой.

На горе у шоссе высится нечто похожее на средневековый замок, в каком-то смысле, это он и есть. В 1275 году рыцари Тевтонского ордена под предводительством Конрада фон Тирберга разрушили крепость местного прусского нобиля (аристократа), это первое упоминание о какой-то крепости в районе Междуречья.

Замковая гора Норкиттена.

На горе Норкиттена существовала небольшая прусская крепость. Её валы возможно присутствуют и сейчас… только непонятно, где их искать среди местных невысоких холмов.

Рядом с ней (или непосредственно на ней) в 1380 году тевтонские рыцари возвели замок, который и получил имя – Норкиттен. Замок был небольшой и его постоянно грабили литовцы, в 1469 году рыцарь Феликс Вальдманн превратил его в поместье для своей семьи. После этого поместье многократно перестраивалось, пока в 1721 году князь Леопольд фон Дессау (1676-1747) не купил имение Норкиттен за 42 тыс. гульденов и возвел здесь видимо весьма большой помещичий дом (или дворец), который в свою очередь сильно пострадал от войск Наполеона в 1807 году. Одним словом, он тоже не дошел до нас, и вот уже в 19 веке на горе Норкиттена возвели нечто, что можно видеть сейчас.

Прусская провинциальная архитектура 19 века – все строения того времени – это псевдосредневековые сооружения из кирпича или огромных глыб как в данном случае. Неподготовленный зритель может и правда подумать, что это часть рыцарского замка 14 века. В таком стиле возводили как хозяйственные постройки – коровники, конюшни, мельницы и амбары – так и жилые. Хоз. постройки и правда похожи на старый замок.

Прусское название деревни – есть уменьшительно-ласкательное от слова «желанная». Поселение расположено на границе Наттангии, что в переводе с прусского языка означает «край текучих вод», с Надровией (слово произошло от названия реки Дровы или прусского «дравис» – дерево) – в устье речушки Ауксинне (Auxinne ^ Goldfließ), в переводе с прусского и немецкого языков соответственно, Золотая река, а после – Голубая. Сюда привозили соль, перегружали на баржи, и далее сплавляли по Прегелю. Рядом с поселением прусский нобиль, владелец волости, избрал своей резиденцией гору, на которой поставил крепость.

Могила (погребение) Мантаса.

С этого замкового холма открывается вид на реку Голубая (бывшая Ауксинне) и соседнюю гору (ее называют именно горой), называется она Мангарбен, вернее называлась.

Недалеко от посёлка Междуречье в сторону поля сражения при Гросс-Егерсдорфе по левой (противоположенной) стороне от дороги, расположился посёлок Привалово, бывший Мангарбен, согласно одной из гипотез, немецкое название посёлка напрямую связано с именем Монте Гарбис – древнепрусское имя Геркуса Мантаса.

В этих краях 1272 году Геркус Мантас, предводитель 12-летнего Великого Прусского восстания, едва не кончившегося уходом крестоносцев восвояси, был убит.

Литовский историк Ромас Батура считает именно этот пункт местом гибели Герко Мантаса, данная местность, по мнению этого учёного, и является горой Манте-Грабс – Могила (погребение) Мантаса.

В недавние 90-е годы прошлого столетия какие-то энергичные литовцы установили на этом холме памятник своему, вернее прусскому народному герою, которого они считают своим национальным – Геркусу Монте. Прославился сей Монте тем, что в 1260—1274 годах возглавил восстание пруссов против тевтонского ордена. Восстание начиналось весьма удачно, но потом было подавлено, и Геркуса Манто казнили – повесили на дереве и проткнули мечом. Многие исследователи усмотрели в казни Монте ритуальное жертвоприношение, возможно сам герой восстания попросил убить себя именно таким образом. По скандинавским сагам верховный бог Один повесился на дереве Иггдрасиль и проткнул себя копьем, его поступок мог стать предметом подражания, известно по рассказам немецких средневековых хронистов, что пруссы и литовцы вешались почти по любому поводу – затруднительному состоянию дел или просто от тоски. По свидетельству арабских авторов, жрецы в Русском каганате, который предположительно находился в Пруссии, также осуществляли жертвоприношения людей и животных через повешение.

Про самовольно установленный литовский памятник на горе Мангарбен прознала местная администрация, и его снесли, видимо посчитав этот поступок попыткой «застолбить» тут литовскую национальную идентичность и тем самым покуситься на российскую территориальную целостность, так как литовцы, надо признать, имеют определенные виды на территории востока Калининградской области, считая их почему-то своими.

Само место казни Генриха Монте литовцы выводили из названия горы Мангарбен, ибо иногда оно могло звучать как Ман/Мант-гарбен, т.е. в названии горы усматривалась связь с именем вождя прусского восстания. Также место казни Монте могло быть связанно с языческим центром пруссов Ромува, находящимся неподалеку, иногда считается, что вождя пруссов казнили именно там.

Руины кирхи Норкиттена.

Рядом с шоссе можно увидеть руины кирхи Норкиттена, она была возведена в 1733 году князем Леопольдом фон Дессау, он же перестраивал и замок на горе. Удивительно, но еще в конце 80-х на закате эпохи СССР кирха имела крышу, и использовалась под склад для удобрений, но сейчас она выглядит так, как будто ее руины стоят уже целые столетия. Объяснение этому феномену простое, как и почти все старые бесхозные немецкие постройки в области кирха является сейчас источником стройматериалов для местных жителей, отсюда и такая "удивительная" сохранность.

Памятник культурного наследия местного значения. Кирха была уникальна своей эллипсовидной формой. Таких было всего две: в Дессау и здесь - в Норкиттене – нынешнем Междуречье. Её история, как, впрочем, и самого места, на котором она была построена, по-особому примечательно.

Первая церковь здесь появилась ещё в эпоху Реформации – в 1540 году – об этом есть упоминание.

В 1609-м на её башне был установлен флюгер.

В 1730-м во время сильной грозы башня обвалилась, разрушив церковный неф.

В 1731-33 гг. по указанию князя Леопольда Максимилиана фон Анхальт-Дессау возводится новая церковь: Евангелическая кирха, построенная из обожжённого кирпича и оштукатуренная.

Во время Семилетней войны башня кирхи получила значительные повреждения, и в 1761-м году была снесена, взамен ей, чуть в стороне была поставлена фахверковая колокольня.

Само убранство кирхи было весьма скромно: алтарь и кафедра представляли единую конструкцию. Позднее добавилась купель и орган.

Во время Второй Мировой войны кирха сильно не пострадала.

В послевоенное время использовалась в качестве склада.

В начале 60-х была отремонтирована крыша, окна с южной стороны заложены кирпичом, с западной и восточной стороны были прорублены проёмы для въезда автотранспорта.

В 80-е годы здесь хранили химические удобрения.

Летом 1989 года крыша кирхи рухнула. В 1995 обрушилась западная стена и притвор.

В 2010 руины переданы РПЦ.

По материалам журнала Балтийский альманах, интернет-ресурса «Подземелья Кёнигсберга», Записок путешественника «Надровия, или Малая Литва. Дорога в Черняховск» 2007 года.

«Дессауская земля».

В XVIII веке на городище прусского нобиля выросло доменное хозяйство. Владельцами были князья Дессау. Во время военной службы началась долгая и преданная дружба короля Пруссии Фридриха Вильгельма с князем Леопольдом Альхат-Дессауским, будущим фельдмаршалом короля. В начале XVIII века часть земли в Норкиттене, обезлюдевшей после эпидемии чумы, была выкуплена князем Леопольдом за 42 тыс. гульденов и построена им здесь необычной формы церковь Святого Георга (покровителя воинов-христиан). Сюда стали приходить жители окрестных деревень. После чего весь район стал называться «Дессауская земля».

В четырёх километрах от Междуречья расположен **небольшой посёлок Каменское, в прошлом Заалау.** По обеим сторонам реки Прегель стояло несколько «парных» крепостей. Они дублировали друг друга или, в случае необходимости, оказывали взаимную поддержку. Так, например, крепость Велау (Знаменск) поддерживалась крепостью в Таплакен (Талпаки), а крепость в Норкиттене имела связь с крепостью Заалау.

Тевтонский орден появился в этих местах в 1275 году. При разделе территории между Орденом и Епископатом в середине XIV века Заалау попал в церковную собственность – буквально через тройку лет здесь уже стоял дом капителя (Соборный капитул). Неоднократно разорялся и горел в результате набегов литовской конницы. В

результате пришлось построить каменное здание – «капитальбург» (крепость капитула). Ко времени введения запрета Папой Римским междоусобных войн Великокняжеской Литвы и орденской Пруссии – Литва приняла католическую веру, стала христианской – стояла надёжная крепость.

Одновременно происходила колонизация верхнего течения реки Прегеля. Сюда прибывали колонисты из Германии и перемешивались с местным прусским населением. Возле замка появилось крошечное поселение – «лишке» с двумя конкурирующими трактирами.

Название «Заалау» происходит от прусского слова «заль» - соль. С незапамятных времён жители этих мест добывали из земли соль. Они сушили её, увязывали в тюки и возили для продажи и обмена на юг, в Бартию. В окрестностях Таплакен – Заалау имелись залежи каменной соли, которую следовало охранять. Соль в средние века ценилась дороже золота.

После церковной реформации 1525 года крепость в Заалау стала использоваться для размещения районных административных органов. В начале – каммерамт, потом домен и амтманн.

В 1721 году Заалау, как и Норкиттеном завладел Леопольд фон Дессау, использовал здание в хозяйственных целях.

Сейчас в Каменском от крепости остались внушительные руины. Повезло церкви! Её построили в 1734 году, в советское время она использовалась, как клуб и кинотеатр, что и спасло здание от разрушения.

Земли старика Дессау располагались между Велау (Знаменск) и Инстербургом (Черняховск). Король Фридрих Вильгельм предложил своему другу князю Леопольду Анхальт фон Дессау купить эти земли и вдохнуть в них жизнь. Восточная часть Пруссии после эпидемии чумы 1710-1712 годов была опустошена.

Согласно контракту от 27 февраля 1721 года, князь Леопольд Анхальт фон Дессау купил первое владение в Прусской Литве Бубайнские владения у вдовы Юстины доротеи Бемин, урождённой Клейнин, за 4 722 талера 52 гроша и100 дукатов (275 имперских талеров). Имение имело кульмске права. Перед покупкой оно было отдано в залог и после большой чумы в 1710-1712 годах было в плачевном состоянии. Окружной начальник Райнхардт назвал эту местность «сибирской пустыней». Город Кёнигсберг, как главный владелец имения, получил в качестве компенсации 10 000 гульденов.

За все земли было заплачено 100 896 имперских талеров. Король освободил князя от уплаты налогов с тем, чтобы он вкладывал в строительство и обеспечение вновь прибывающих переселенцев со всей Европы. Управляющий имениями

Райнхардт имел также право сдавать земли в аренду. Земли богатели год от года. Приводились в порядок и леса. Особой заботой лесника Штельбогена была берлога последнего медведя Восточной Пруссии около Кумпхена (пос. Зеленцово).

Весь XIX век князья Дессау занимались разведением скота, земледелием, строительством дренажа и другими сельхозработами. Из поколения в поколение земли эти назывались «землями старика Дессау».

По материалам журнала Балтийский альманах, интернет-ресурса «Подземелья Кёнигсберга», Записок путешественника «Надровия, или Малая Литва. Дорога в Черняховск» 2007 года.

ДЕССАУ ЛЕПОЛЬД I князь Ангальт (1676 г. - 1747 г.)

Названный «Старый Dessauer» (der alte Dessauer) обладал хорошими способностями как полевой командир, но, главным образом, запомнился талантливым инструктором по строевой подготовке, чем и модернизировал прусскую пехоту.

Оригинальная наружность Дессау, его высокий рост, огромные усы, суровое лицо, громкий голос, неряшливая одежда и прямой, не склонный к придворным интригам характер не способствовали его успеху при дворе. Он был отличный солдат, но плохой политик и придворный, вследствие чего при дворе королей он часто впадал в немилость, благодаря интригам врагов. Недостаток образования у Дессау заменялся обширным природным умом и громадной опытностью.

Незадолго до своей кончины Дессау по желанию Фридриха II составил записку «О развитии и судьбах прусской армии со времени великого курфюрста». В продолжение своей службы Дессау участвовал в 22 сражениях и 27 осадах.

В течение всего мирного царствования Фридриха Вильгельма I Дессау трудился над формированием и обучением прусской армии на свой образец. Будучи хорошим инженером, он составил первый проект регламента для прусских инженеров, руководил постройкой многих крепостей и составил описание произведенных им осад. Сам прекрасный кавалерист, Дессау учил конницу атаковать палашами без стрельбы с коня.

Главной заслугой Дессау является установление им железной дисциплины, сковавшей в одно целое весь сброд прусской наемной армии. Палка явилась одним из главных средств воспитания прусского солдата. Сам Дессау был груб в обращении с генералами и офицерами и жесток с солдатами, но несмотря на это армия обожала Дессау, ценя в нем качества полководца.

Князь Леопольд I Ангальт-Дессауский.

Родился в Дессау 3 апреля 1676 году в семье Иоганна Георга II (Johann Georg II., Fürst von Anhalt-Dessau) и Генриетты Катарины Насау-Оранской (Henriëtte Catharina van Oranje). ***Его родителями были: князь из Дома Асканиев и нидерландская принцесса из рода Ораниев.

Был одним из десяти детей, единственным выжившим сыном. Потому и воспитывался он, как сын фельдмаршала.

Нужно сказать, что его отец был человеком деятельным. После окончания тридцатилетней войны, забот по восстановлению хозяйства страны у него хватало, как и своих собственных. Так в 1669 году ему перешёл город Гросальслебен (Großalsleben).

Занялся постройкой летней резиденции своей жены – замка Ораниенбаум (1681-1685), названного им в её честь. Георг принялся развивать фабричную промышленность и сельское хозяйство, проводил реформы налогообложения. Он устроил в городе так называемый «летучий мост» через Эльбу.

Отец у Леопольда был интересным человеком с самыми разнообразными интересами. Однако сын пошёл своим путём. Его с детства привлекало дело военное, а потому именно ему он и предался всей своей душой.

Леопольд стал полковником прусского полка в 1693 году и в том же самом году унаследовал собственное княжество. До конца своей длинной жизни он выполнял обязанности верховного принца и прусского чиновника одновременно.

Первая кампания Леопольда была кампанией 1695 года в Нидерландах. Делами княжества управляла в основном его мать, вдова принцесса Хенриетте Катарина. Фактически она действовала как регент с момента смерти его отца, пока Леопольд не достиг совершеннолетия, но и после продолжила управление Анхальт-Дессау в течение некоторого времени.

«Движимый честолюбием и материальными соображениями, молодой князь поступил на службу курфюрста Бранденбургского и принял участие во 2-й Нидерландской войне с Францией. Во главе полка он в 1696 г. отличился при осаде Намюра и был произведен в генерал-майоры. После заключения Расвикского мира Дессау начал обучение и тактическую подготовку своего полка, постепенно распространил свой метод обучения на всю прусскую пехоту. Он ввел однообразный калибр ружей, железный шомпол, усовершенствовал штык и обучил однообразному мерному шагу.

Упростив приемы заряжания и введя трехшеренговый строй, Дессау добился того, что прусская пехота стала давать шесть—восемь выстрелов в минуту, тогда как австрийская делала два—три.

В Войне за испанское наследство Дессау отличился при осаде Кейдейрверта и Венло. В 1703 г., командуя вспомогательным корпусом в армии принца Людвига Баденского, Дессау участвовал в сражении при Гохштадте, в котором армия принца Баденского была разбита и бежала с поля сражения. Лишь один Дессау сохранял порядок в корпусе и, построив его в каре, выдержал ряд атак конницы, чем спас от полного разгрома отступавшие войска.

В 1704 г. Дессау командовал прусскими войсками в Швабии в армии принца Евгения Савойского и в сражении при Гохштадте, когда противник превосходящими силами обрушился на крыло, которым он командовал, увлек войска и выиграл сражение.

В 1705 г. в сражении при Кассано Дессау, командуя восемью тысячами прусских войск, отразил натиск превосходящих сил противника. Когда в разгар сражения был ранен Евгений Савойский, Дессау принял на себя главное командование.

Дессау действовал в Италии и Южной Франции совместно с Евгением Савойским до 1708 г. Он рассчитывал получить за поход в Италию и подвиги при Кассано и Турине звание генерал-фельдмаршала, однако его расчеты не оправдались. Дессау покинул прусскую службу и вернулся в армию лишь в 1710 г., снова приняв участие в Войне за испанское наследство.

В 1710 г. он выступил с вспомогательными прусскими войсками в Нидерланды, чем ускорил взятие крепости Дуэ и существенно содействовал овладению крепостью Ат, упорно обороняемой французами. После возвращения в Берлин в 1712 г. Дессау получил звание генерал-фельдмаршала и тайного советника.

В Берлине Дессау был представлен Петру Великому, на которого он произвел большое впечатление своим прямодушием.

В 1715 г. во время Северной войны Дессау, имея под своим командованием 25 тысяч прусских, 8 тысяч саксонских и небольшое число датских войск, взял Стральзунд, обороняемый 9 тысячами войск под командованием Карла XII». Р. Кнотель, К. Рехлинг «Старый Фриц...»

В начале господства Фридриха Вильгельма I принц Дессау был одним из самых влиятельных членов прусского управляющего круга. В мирное время, и особенно после ссоры в суде (его вмешательство в случай с наследным принцем Фридрихом, который был осужден на смерть за дезертирство, но его усилия восстановили будущего Фридриха Великого в прусской армии) и поединка с генералом Фридрихом

Вильгельмом фон Грумбковом в 1725 году, он посвятил себя обучению прусской армии.

Таким образом, Леопольд, при поддержке короля Фридриха Вильгельма Прусского, станет одним из самых великих инструкторов по строевой подготовке Европы.

«После вступления на престол Фридриха II Дессау, сохранил за собой все должности и звания (был окончательно отстранен от дел лишь в 1745 г.) Овдовевший 70-летний фельдмаршал вступил в свою последнюю кампанию, которая была предназначена стать самой успешной в его долгой карьере.

Так, с началом Силезской войны (1740 г.) он был вновь призван на театр военных действий. В 1742 г. ему было вверено командование войсками в Верхней Силезии, с которыми он участвовал в сражении при Часлау. В 1744 г. Дессау с 17-тысячным корпусом прикрывал Берлин, а затем принял командование над армией и очистил Силезию от неприятеля. В сражении при Кессельдорфе Дессау разгромил объединенные австросаксонские войска, после чего в скором времени был заключен Дрезденский мир. Его привычка молиться перед сражением, поскольку он был набожным лютеранином, отражена в картине.

Карьера Леопольда закончилась этой большой победой. Он удалился с действительной военной службы, и короткий остаток жизни провёл в Дессау». Р. Кнотель, К. Рехлинг «Старый Фриц...»

*** Молодой принц Леопольд влюбился в Анну Луизу Фехс (Фесен согласно некоторым источникам) (Дессау, 22 марта 1677 – Дессау, 5 февраля 1745), дочь аптекаря в Дессау. Его мать попыталась разбить отношения, послав своего сына за границу в расширенное путешествие, но напрасно. Спустя один год после официального становления взрослым (совершеннолетия) в 1697 году, он женился на своей любимой Анне Луизе в Дессау 8 сентября 1698 года, формируя союз, который был морганатическим (неравным по положению супругов, "утренний подарок мужа новобрачной") до имперского декрета от 29 декабря 1701.

У пары было десять детей.

По материалам публикаций

http://ru.knowledgr.com/00462195/%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4I%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86Anhalt%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B0%D1%83

http://all-generals.ru/index.php?id=1128

https://cont.ws/@metafor/723957

Аскании – один из самых древних родов Европы, известен с VI в., назван по замку Аскания (возле Ашерслебена, был снесен в 1444). Коренные земли Дома находятся в Ангальте (Анхальте).

(Ascania – латинская форма замка Aschersleben). Аскании – Августейшие потомки графа Адальберта фон Балленштедт.

В 1100 году семья Ангальт завладела графством Аскания.

Графство Анхальт образовалось из Schwabengau (Швабская область) и Gau Serimunt в 11-12 веке как владение рода Askanier и было составной частью Священной Римской империи Германской нации. Название графство происходит от названия замка Anhalt, около города Harzgerode. Графство неоднократно делилось на ряд других княжеств Anhalt-Aschersleben, Anhalt-Bernburg, Anhalt-Dessau, Anhalt-Kethen, Anhalt-Zerbst и ряд других и снова объединялось. Объеденное княжество Анхальт образовалось в 1570 году которое возглавил князь Joachim Ernsts.

В 1180 году граф Аскании и Ангальта Бернард получил титул герцога Саксонии и территории Люнебург и Виттенберг.

Так, в XII в. владельцы Аскании стали маркграфами Бранденбургскими и курфюрстами Саксонскими, благодаря чему род вошел в число влиятельных германских родов. Они также были владельцами герцогств Саксен-Виттенберг и Саксен-Лауэнбург. Представители Дома были принцами и герцогами Ангальт, носили титул Высочеств.

В XIV в. Бранденбург перешел к Гогенцоллернам, Саксония - к Веттинам. Во владении Асканиев осталось только герцогство Ангальтское.

Сыновья герцога Бернгарда основали в 1252 ветви: Ангальт-Ашерслебенскую (угасла в 1315), Ангальт-Бернбургскую (первую, угасла в 1439) и Ангальт-Цербстскую, от которой отделились ветви Ангальт-Дессауская (в 1586), Ангальт-Бернбургская (вторая, в 1603, угасла в 1863) и Ангальт-Кетенская (в 1650, угасла в 1818). От второй Ангальт-Бернбургской ветви отделилась в конце XVII в. ветвь Ангальт-Бернбург-Хоймская (угасла в 1812). В XIX в. герцоги Ангальт-Дессауские объединили под своим управлением все земли Ангальта и стали герцогами Ангальтскими. Единое герцогство Ангальтское было в числе учредителей Германской империи. Герцоги Ангальтские утратили престол в 1918. http://rodoslovia.ru/germ.html

На протяжении XVIII века Графство Анхальт было втянуто не в одну войну: 1701-1714 война за испанское наследство; 1740-1742 1-я Силезская война; 1744-1748 2-я Силезская война; 1756-1763 Семилетняя война (3-я Силезская война).

Во время своего правления (1751–1817) князь Леопольд III Фридрих Франц (Leopold III Friedrich Franz) проводил многочисленные реформы в областях

образования, здравоохранения, социального обеспечения, дорожного строительства, ландшафта, лесного хозяйства и бизнеса.

Анхальт-Дессау стал не только одним из самых современных мелких государств Германии и образцом для многих других реформаторов, а также значительно повысил экономическую производительность страны.

Инициированное Леопольдом III Фридрихом Францем новое искусство – строительство садово-паркового искусства – есть отражение его просвещённого духа. К первым местным паркам вне Англии принадлежали парки Анхальт-Дессау. Они были доступны с самого начала их возникновения для каждого. На площади примерно 200 км² были устроены аллеи, в большинстве случаев из фруктовых деревьев. Уже в 18 веке на их основе возникла так называемая садовая империя. Парки были разбиты вокруг замков семейства. Целью благоустройства было создание нового эстетического общего ландшафта в пределах небольшой страны, в котором, в соответствии с заимствованным из античности представлениями об идеальности, красота связана с полезностью. Так пахотные земли, пастбища, фруктовые аллеи и лесные опушки стали частью общего художественного комплекса. На примере садово-ландшафтного дизайна должны были преподаваться сельскохозяйственные, мифологические, архитектурные и художественно-исторические программы. Это нашло своё отражение, к примеру, в 19 различных мостах на территории парка Вёрлитц, которые должны были демонстрировать посетителям парка развитие искусства строительства мостов со всеми техническими возможностями от переправы и простого ствола дерева до тогда современнейшего чугунного моста. Образцовое английское парковое искусство также было новым и поучительным как для помологических (Помология – научная дисциплина в агрономии, которая занимается изучением сортов плодовых и ягодных растений, сортоведение) усилий князя, так и для новой архитектуры в стиле классицизма и неоготики. https://www.liveinternet.ru/users/555552011/post173870759

Основываясь на политике толерантности Леопольда III в Дессау выпущена Первая немецкоязычная еврейская газета «Sulamith», а также значительно увеличилось участие в жизни государства еврейского населения.

Леопольд III Фридрих Франц вместе с Карлом Августом фон Ваймаром и Карлом Фридрихом фон Баденом ценились просвещенными современниками как образцовые властители:

в 1774 году была открыта школа филантропов;

проведена в 1785 году земельная школьная реформа;

Общественный книжный магазин ученых открытый в 1781 году сделал научных авторов независимыми.

В 1796 году основано открытое общество Chalkographische, которое представляло доступ к произведениям живописи более широкой публике.

Финансирование всех этих мероприятий велось не только из налогов собственной страны, но и из доходов от продажи бранденбургских и восточно-прусских товаров князей Анхальт-Дессау, которые считались уплатой за их прусские службы.

Формирование немецкой общности.

Эпоха формирования немецкой нации за пределами Германии из немцев, поляков, литовцев, французов, голландцев, швейцарцев и представителей других народов завершилась к концу XVIII века. Образовалась единая общность на территории провинции Пруссия именуемая пруссаки. Со временем для всех пруссаков общий язык станет немецкий.

При ордене завоёванная земля предоставлялась в первую очередь участникам походов, лицам дворянского сословия и крестьянам. После падения Ордена, колонистов в провинцию «заманивали» посулами, льготами и всевозможными поощрениями: давали им жильё, землю, инвентарь, оказывали финансовую поддержку, с тем, чтобы заложить «яйкос» (корень), без которого невозможно ни развитие экономики, ни формирования общества.

Заселение восточно-прусских земель – главная из стратегических задач Гогенцоллернов. Как гласит старая немецкая пословица: «Где ничего нет, там и император теряет своё право».

В XVII веке курфюрст Фридрих Вильгельм переправил несколько сот экземпляров на немецком, французском и голландском языках Потсдамского эдикта во Францию с целью пригласить в Бранденбургско-Прусское государство преследуемых за веру гугенотов. Привлечение людских резервов в страну укрепило её экономическое состояние и положение. Гугенотам предоставлялись большие привилегии и льготы, создавались для них «все условия для трудовой деятельности, в которой они обучены».

Курфюрст был очень заинтересован в том, чтобы привлечь в своё государство специалистов, деловых людей, «не лентяев», желательно имеющих побольше имущества, денег и товаров для продажи.

В результате возникли и стали развиваться промышленность, железные и литейные заводы. Предместья городов украсились фруктовыми садами, плантациями.

Была оказана помощь в разведении породистого скота и в осушении болот.

Некоторые немецкие историки характеризовали политику Гогенцоллернов по переселению народов, не из соображений выгоды, а лишь религиозным долгом перед терпящим нужду протестантским братьям.

«…Есть все основания говорить о том, что переселившиеся в Германию гугеноты были «импортированной элитой», которая своими передовыми способами производства и организационными знаниями дала важные импульсы к модернизации относительно отсталым немецким территориям, принимавшим их…» - Томас Клингебиль. «Прусские паломники отечества. Гугеноты в Бранденбурге, Померании и Восточной Пруссии».

Долгое время переселенцы хранили традиции своих предков, носили национальную одежду, поддерживали земляческие отношения, имели свой союз, женились и выходили замуж только за своих.

Постепенно процесс ассимиляции захватывал их, и всё же, став прусскими немцами, они долго помнили о своей истории и поддерживали связи со старой родиной.

На территории восточной части Королевства Прусского среди литовско-прусско-немецкого населения почти 60% всех жителей составляли изгнанники.

Король Фридрих I, хотя и непоследовательно, но продолжал политику колонизации. Ужасная эпидемия чумы в Пруссии в 1709-1710 годах потребовало от Фридриха I более широкого размаха действий, чтобы заполнить опустевшие земли, но у него не хватило для этого энергии и целеустремлённости. Ликвидация последствий эпидемии стала уделом нового короля Фрдриха Вильшельма I.

В конечном итоге, переселенческая деятельность короля Пруссии Фридриха Вильгельма I оказалась успешной. Население Пруссии при нём выросло вдвое, приблизительно до 600 тысяч человек.

Вербовку колонистов продолжил Фридрих II, учредив специальные агентства, которые печатали объявления в газетах о льготах переселенцам, а также направляли особых служащих в различные уголки Европы для ведения нужной пропаганды. Вербовщики ехали в места, где случались большие пожары, возникали голод, эпидемии, «где государи с ничтожным бюджетом разорялись, тщась сравняться в роскоши с двором Людовика XIV». Королю удалось заманить в Бранденбугско-Прусскую страну около 130 тысяч новых переселенцев.

В период Семилетней войны Пруссия утратила своего населения почти на 70 тысяч душ. Но экономическая политика Фридриха Великого быстро восполнила потери. При этом военная политика, силой оружия, расширяла границы государства.

Удержать в составе королевства захваченные территории невозможно без их быстрого освоения и последовательного онемечивания.

Известен указ короля под названием «Высочайшая декларация», в силу которой «должны быть построены новые деревни в удобных местах, при широкой помощи наличными деньгами, которую Его Величество всемилостивейше соизволил оказать землевладельцам». Кроме льгот и финансовой поддержки указ сулил колонистам личную свободу, заботу о школьном обучении, обязывал верных вассалов построить для переселенцев одну или несколько деревень, выделить наделы и т.д.

В итоге за своё 46-летнее правление Фридрих II приобрёл за счёт эмигрантов из других стран 300 тысяч новых подданных.

Население восточной провинции к началу XIX века выросло до 988 тысяч человек.

«Всё что можно было бы производить не должно ввозится!» - король Фридрих Великий.

Вводится таможенный сбор на схожую продукцию. Основываются мануфактуры, развивается с/х культура. Приток рабочей силы ведёт совместно хозяйство с местными жителями. Созданы 460 колоний – хуторов. Заключаются арендные договора без права на вечное владение и наследование.

Планы домов предписывались. Образцы домов публиковались: фасады, декор в виде чертежей, рецепты штукатурок и покраски, рекомендации к простоте, цветовой гамме и сочетанию (не допускались подражание цветам растительности). Стоимость домов была указана.

Колонисты со временем поглощали прусские деревни в связи с расширением немецких. Беженцы их Голландии – менониты появлялись в медвежьих углах, строили сельские храмы меньших размеров, нежели городские. Единообразия построек при таком освоении земель не было. В прусской Литве – пёстрые литовские дворы, с планировкой под суровый приморский климат, с единой крышей.

Переселенцы несли из разных краёв свои национальные обычаи. Национальные общины долгое время не смешивались. Сельское строительство в дворянских «дарованных» поместьях формировала небывалую вершину царственных династий местных блюстителей, которые не ограничивали по размеру свои поместья, создавали дворянские парадизы.

1661 год – новая конституция курфюршества. Манифест о вольности дворянства в создании усадеб с парками, павильонами, библиотеками и 115 правильными помещичьими деревнями.

«Мне новые сыны – вам щедрая отчизна». В Восточную Пруссию спешат колонисты из Зальцбурга, Мазурии, Силезии, Нассау. Около 70 000 менонитов и гугенотов, швейцарцев и 16 000 зальцбуржцев дали жизнь новым 13 городам и восполнили утрату в следствие чумы и эпидемий.

Формирование немецкой общности. Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй Мировой войны. 1996 год.

Городище Бочаги.

Через посёлок Привалово (Мангарбен), в районе Норкиттена, проходит дорога в Бочаги, где хорошо бы поискать руины «орденсхауз» рядом с Замковой горой (Шлоссберг).

В посёлке Бочаги располагалось городище Варапилс-Шлоссберг, известное также как городище у Норкиттена. Во второй половине XIII века Ромове (главное святилище у пруссов) из Наттангии переносится в Надровию (Варапилс-Шлоссберг), где находилось, скорее всего, до конца завоевания Пруссии Тевтонским орденом в конце XIII века.

Как правило, если христианские храмы строились на городищах, то эти объекты имели для местного языческого населения важное культовое значение. Так было в Западной и Восточной Европе, это правило действовало и в Пруссии.

Особое место, которое в прусской археологии занимает городище Бочаги, подчёркивается отсутствием на его площадке культурного слоя.

Пробные раскопки, предпринятые здесь в 1958 г. Ф.Д. Гуревич, выявили два слоя мощных булыжников, покрывавших площадку городища. Каменные вымостки и отсутствие находок (т.е. - ритуальная чистота) весьма характерны для прусских святилищ.

***Гуревич Фрида Давыдовна (1911; г. Рига — 1988; Ленинград), археолог. Окончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена (1931). Кандидат исторических наук (1939). Преподаватель социально-экономических дисциплин в Ленинградском энерготехникуме (1932), ассистент на кафедре специальных экономических дисциплин Сибирского горного института в г. Томске (1932–1933), завуч и преподаватель совпартшколы на одном из заводов в Ленинграде (1933), научно-технический, младший, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде и Москве (1937–1986). Вела раскопки в Калининградской обл., исследовала 24 памятника, возглавляла Калининградский

отряд Славянской археологической экспедиции (1949–1951, 1956, 1958). Автор более 80 научных работ, в том числе монографии «Из истории юго-восточной Прибалтики в I тыс. н. э.» (По материалам Калининградской обл.) (1960). Награждена медалями, Почетной грамотой Президиума АН СССР.

Священное значение этого пункта подчёркивает находка валуна со стилизованным знаком молнии, в 1985 г. обнаруженным в 0,55 км к югу от городища археологом В. И. Кулаковым.

По своему устройству городище Бочаги является более мощным аналогом святилища у пос. Липовки, которое мы посетили в Натангии. Нет сомнений в том, что в западной части Надровии, на месте современного пос. Бочаги на пороге орденской агрессии существовало общее для всех западных балтов святилище Ромове, упоминаемое в текстах Петра из Дусбурга и Симона Грунау.

Подобной мощи земляных укреплений вы не увидите не только в Балтии, но и вообще во всей Северной Европе. По внутренним сторонам этих валов видны вертикальные стены, что является следами укрепления, возведённого здесь в 15 веке военачальником Вальдманном. Между этими валами по сей день заметны руины капеллы, некогда возведённой здесь крестоносцами.

Ромове — одно из главных языческих святилищ у средневековых пруссов.

Ромове было религиозным, а также культурным и политическим центром. Сфера его влияния включала не только Пруссию, но и земли литовцев, куршей и земгалов.

Самое загадочное место Калининградской области – это главное святилище пруссов. Ромува – это была фактически столица всего балтского язычества. Местному жрецу Криве Кривайтесу подчинялись не только пруссы, но и племена литовцев. По мнению большинства специалистов, занимавшихся историей балтских племен, Ромува находилась на месте современного хутора Бочаги - «Замковая гора» (Шлоссберг).

Расположен он рядом с поселком с многообещающим названием Междуречье (Норкиттен). Он, действительно, находится между двух рек – Преголи и Голубая (Ауксинне).

Само место казни Генриха Монте, вождя прусского восстания, могло быть связанно с языческим центром пруссов Ромува. Неподалеку, считается, казнили вождя пруссов именно там.

В названии горы Мангарбен усматривалась связь с именем вождя прусского восстания.

Петр фон Дусбург, написавший свою «Хронику земли Прусской» в 1340 г., так описывает гибель прусского героя, завершившую третье восстание пруссов: «После

ухода этого правителя (Дитриха графа фон Майссен, орденского военачальника) натангов, как никогда, обуял страх. Нигде не было настолько потаённого места, где бы они чувствовали себя в безопасности. Вот почему случилось так, что, когда Генрих Монте (так пришельцы с запада именовали Герко Мантаса), вождь их, с некоторыми своими союзниками ушёл в леса и остался один в шатре своём, в то время как товарищи его пошли на охоту, к этому месту неожиданно подошли братья Генрих из Сконеберга, комтур Христбурга и Хельвик из Гольтбаха с несколькими воинами, и при виде Генриха они очень обрадовались и, схватив его, повесили на дереве и повешенного пронзили мечом».

Видимо, вождь прусского восстания, исчерпав возможность бороться с захватчиками вооружённой силой, решил обратиться к прусским богам и совершить жертвоприношение для обретения пруссами свободы. За жертвенными животными, видимо, и отправились его спутники. Видя безвыходность своего положения, оказавшись в окружении большого числа врагов, Герко сам стал жертвой богам. Именно так, как погиб он, некогда принёс сам себя в жертву великий царь скандинавских богов Один. По скандинавским сагам верховный бог Один повесился на дереве Иггдрасиль и проткнул себя копьем, его поступок мог стать предметом подражания.

Это страшное событие произошло весной или осенью 1273 г, два года спустя городище было захвачено и разграблено войском под предводительством Великого Магистра Конрада фон Тирберга.

По свидетельству арабских авторов, жрецы в Русском каганате, который предположительно находился в Пруссии, также осуществляли жертвоприношения людей и животных через повешение.

Однако в народной памяти не стёрлось воспоминание о центральном святилище Пруссии. С 1990 г. на день Ивана Купалы с разных концов Балтии сходятся здесь почитатели древних культов и до первых петухов горят здесь праздничные костры и слышаться старинные ритуальные песнопения». *От Восточной Пруссии до Калининградской области, 2002, Калининград.*

Чтобы найти прусскую Ромуву нам нужно перейти по мосту через реку и сразу за ней повернуть направо, на юг. Дорога идет через старые немецкие населенные пункты. В Бочагах, куда мы направляемся, всего 2-3 жилых дома.

Внезапно среди деревьев появляется громада крепостного вала. Возможно, это первая линия укреплений легендарной Ромувы. Слева, там, где проходит дорога, несомненно стояла воротная башня, скорее всего деревянная, еще левее, где виден защитный бортик, находится глубокий обрыв высотой около 30 метров. Сам вал очень короткий, чуть более 50 метров, и невероятно высокий – около 15 метров справа, там,

где он заканчивается, еще один обрыв к реке в 30 метров высотой. Итак, входим на Замковую гору по узкому перешейку, справа и слева глубокие обрывы к реке Ауксинне (р. Голубая).

Орденский священник Петр из Дусбурга XIV века, в своей «Хронике земли Прусской» писал:

«Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда. Хранил он также по древнему обычаю негасимый огонь».

Само название Ромува возможно происходит от балтского корня rom, ram, означающего «тихий, спокойный». Но всем несомненно нравилось созвучность Ромувы и великого города Рима, поэтому название святилища возводили к нему.

Вопрос происхождения святилища Ромува является чрезвычайно загадочным, так как доподлинно неизвестно, когда и каким образом появилось первое подобное капище в Пруссии. И неизвестно, куда оно потом исчезло, хотя общепринятой считается точка зрения, что Ромуву разрушили христиане, причем дважды, но эти сведения о главном прусском святилище известны только из поздних источников, главным из которых является «Прусская хроника» Симона Грунау (1470-1537 гг.).

Симон Грунау подробно описал прусскую Ромуву, но непонятно, насколько его информация может быть правдивой. Грунау представил религию пруссов, как пришедшую извне (вместе с неким народом кимвров), как он писал с острова Кимбрия. Именно оттуда пришли мудрые правители Видевут и Брутен, создавшие «Священное царство» в восточной Балтии. От имени Брутен якобы и появился этноним «брутены»- «пруссы».

Из «Прусской хроники»:

«В 521 г. Брутен и Видевут созвали мудрых и спросили их, кому быть властителем. Все указали на старшего из братьев - на Брутена. Последний отказался от власти в пользу брата, желая служить богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога. В честь него страна была названа Брутенией (Пруссией) и богам принесены

благодарственные жертвоприношения. Брутен соорудил богам Патолло, Патримпо и Перкуно особое строение».

По мнению Симона Грунау, Видевут и Брутен основали святилище Ромува между двух рек, т.е. в Междуречье, там рос огромный дуб, который стал основой их культа, это был «большой, толстый и могучий высокий дуб, в котором находился призрак дьявола и внутри были изображения божеств, [и из которого] также исходили речи дьявола, [он] был постоянно зеленым, зимой и летом». Только это святилище, по мнению Грунау, находилось не в Надровии (нынешнем Междуречье), а существенно западнее, в районе города Мамоново, рядом с поселком Липовка. Там тоже есть свое «междуречье», почти в деталях похожее на Ромуву в Надровии.

В Хронике земли Прусской Петра из Дусбурга (1326 год), считается, что святилище в Липовке было уничтожено еще 1017 годом польским королем Болеславом Храбрым, поэтому впоследствии Ромуву перенесли в Надровию.

Верхушка вала Ромувы в районе нынешнего Междуречья необычно «острая», тут всего два-три метра ширины, и необычно узкий вал при такой существенной высоте. Это почти стена, археологи, изучавшие валы городища, писали о поздних каменных стенах 15 века, их возвели во время Тринадцатилетней войны, якобы они видны снаружи, с внутренней стороны валов, при этом о каких-либо конструкциях внутри вала речь не шла.

Высокий внешний вал здесь не один, за ним примерно на расстоянии 50 метров находится второй вал, только он существенно меньше размерами, его высота около 5-6 метров. Дорога между двух валов идет буквой Z, здесь видимо тоже стояла воротная башня. Судя по пустым промежуткам, незанятым валами, башни имели очень значительные размеры. Сомнительно, чтобы эти крепостные ворота строили пруссы, скорее на месте старого городища был возведен замок тевтонских рыцарей, о чем косвенно упоминают источники.

Можно предположить, что этот невысокий вал был насыпан первым, может быть именно пруссами, в то время как высокий внешний возвели уже крестоносцы, не удовлетворившись старыми прусскими укреплениями.

Река образует здесь некий «мешок», при этом само городище существенно поднято от уровня реки, его площадка со всех сторон ограничена обрывами, на северо-востоке хорошо видны два вала. Прямоугольное строение в центре существует и сейчас.

В центре обширной площадки бывшего городища хорошо сохранилась немецкая хозяйственная постройка 19 века. Возможно на ее месте и рос вечнозеленый дуб пруссов. Здесь жрецы вайделоты и жгли людей и коней, для того чтобы умилостивить своих богов.

Скорее всего в Ромуве существовали какие-то строения, тем более о них писали хронисты. Поддерживать вечный огонь в сыром балтийском климате можно только в каком-то помещении, и сами жрецы тоже должны были где-то жить. Возможно, это были большие хижины, наподобие жилых. Сигизмунд Герберштейн описывал в начале 16 века подобные жилые дома литовцев в «Записках Московии»:

«Живут они в низких и очень длинных хижинах (casa) (домах, внешне напоминающих длинные овины или хлева для скота); посредине в них поддерживается огонь, и когда у него восседает отец семейства, он (может) (все время) видеть скот и всю домашнюю утварь, ибо у них в обычае держать скотину под той же крышей, под которой живут они сами, без всякой перегородки (коня, свинью, быка и т. д.), стоящих вокруг. Крайне редко у них можно увидеть отгороженные спальные комнаты».

Так что вытянутый силуэт здешнего немецкого строения 19 века вполне может соответствовать приблизительному облику прусско-литовского длинного дома.

Общий вид городища от реки, действительно, невысокая гора с обширной плоской площадкой наверху. Возможно по ее верхнему периметру шли дополнительные валы.

Высота здесь и так приличная, где-то 15-20 метров, склоны городища обрывистые, поэтому можно допустить, что надобности в дополнительный валах и не было, тем более эта сторона выходит к реке.

Интересно, что многие подобные святилища славян и пруссов были окружены водой, возможно это не случайно, и такое расположение выбиралось не только в целях обороны, может быть вода вокруг капища имела и какое-то ритуальное значение. При этом стоит отметить, что оба места, в которых могли находится центральные прусские святилища – это Шлоссберг (Бочаги) и Грюнвальде (Липовка), были значительно удалены как от берега, так и от полуострова Самбия, который считался центром прусской земли и был больше всех населен, т.е. святилища находились в стороне от наиболее населенных территорий пруссов.

Может быть и правда вайделоты искали «тихое» место…

По материалам https://maximus101.livejournal.com/143114.html

https://glukovarenik.livejournal.com/2190311.html

Религия пруссов.

Симон Грунау писал, что боги пруссов находились в специальных дуплах или окошках, вырезанных в дубе. Всего там было трое основных богов – Патолло, Патримпо и Перкуно. Вокруг дуб был окружен тканевыми занавесами.

Из всех прусских богов только имя Перкуно (Перкунас, Перун) звучит привычно, выглядел он на рисунке 16 века как человек средних лет с огненной головой, Патоло изображался как «старый человек с длинной зеленой бородой, и цвет его [одежд] был совершенно смертелен, он был увенчан белым сукном в виде тюрбана», Патримпо был «богом счастья в битвах, а также в других делах, и изображался как «юноша без бороды, коронованный пучками листьев и готовый радоваться» Патоло и Патримпо требовали человеческих жертв, Симон Грунау писал, что «и этот дьявол также желал, чтобы в честь его убивали младенцев, и это также делали. Патолло и Потримппо находили удовлетворение в человеческой крови, поэтому для их почитания ее проливали перед дубом»

Поздние переписчики Симона Грунау, например, Мартин Муриниус (1582 год) описывали Ромуву в «Хронике прусских магистров» так:

«Столицей Криве Кривейта было Романово или Ромново, названное от Рима, первейший и главный город древних пруссов. Там же неподалеку ему был на большие средства воздвигнут храм (kosciol) под дубом, раскидистым на диво людям. Этот дуб считался священным и, ненарушимо сохраняясь дьявольскими чарами, был зелен и летом и зимой. По правую руку от дуба поставили идола, звавшегося Перкунос, по-нашему Перун, и в жертву ему пруссы и соседние жмудь и литва днем и ночью жгли вечный огонь из дубовых [поленьев]. Для этого были приставлены вейделоты (то есть служители храма), священной обязанностью которых было следить, чтобы этот огонь, который они [жгли] для священного идола Перкунуса, никогда не угасал. А если бы этот огонь угас по недосмотру кого-нибудь из них, таковой карался смертью.

И это означало, что язычники от поклонения своим гнусным богам отказаться не желали, избегая заниматься делами, столь угодными Господу. Другой идол, называвшийся Патримпос, то есть домашний бог (латинники говорят dii paenates), изображен был в виде продольно извивающегося ужа (weza wzdluz zwitego) из меди, во славу которого каждый из пруссов, жмудинов и литовцев, людей одних и тех же заблуждений, живого ужа в доме держал и молоком кормил. В третьем углу стоял третий дьявольский идол, звавшийся Пателло, в честь которого каждый у себя в доме хранил голову умершего человека».

Какой можно сделать вывод из текстов хроник? Нужно отметить, что общим моментом является, кроме названия Ромов, Ромува, Ромново, присутствие здесь главного жреца – Криве и священного огня, про имена богов самый первый известный

хронист – Петр из Дусбурга ничего не упоминает, он даже не писал о священном дубе, хотя упоминает наличие у пруссов священных деревьев в широком смысле: «Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не смели в них рубить деревья, или пахать, или ловить рыбу». Священные рощи пруссов также упоминаются в житиях погибших в здешних лесах христианских мучеников, поэтому можно предположить, что священный дуб вполне мог присутствовать на капище, тем более почитание деревьев было очень распространено среди языческих народов. И о почитании змей/ужей литовцами известно уже очень давно.

Иногда в рассказе Симона Грунау видят сходство с описанием Адамом Бременским шведской Уппсалы – одного из главных святилищ языческой Скандинавии. Там тоже стояли идолы трех главных скандинавских богов – Тора, Одина и Фрейра, и делается предположение, что Симон Грунау скопировал описание Ромувы у Адама Бременского.

Нужно отметить здесь главную вещь – религия пруссов по описанию Симона Грунау и Петра из Дусбурга не похожа на германо-скандинавскую. У германцев не было такой отчетливой теократии, их жрецы не имели абсолютной власти, как это было у пруссов (и у западных славян), не было также ярко выраженного культа огня, характерного для всех балтов (кстати, культ огня практически отсутствовал и у балтийских славян), почитание лошадей, свойственное пруссам (и в меньшей степени славянам) тоже не было характерной чертой германцев. В свою очередь у пруссов отсутствовал культ такого популярного германского божества как Один. Поэтому нужно признать, что религия пруссов, описанная средневековыми хронистами, существенно отличалась от германо-скандинавских образцов.

Больше всего параллелей у прусского язычества с культами балтских славян. Славянские Поренут, Руевит и Поревит весьма созвучны прусским Перкунасу, Патоло и Патримпо, это, не говоря о существовании у всех славян культа громовержца Перуна (Перкуноса). У балтийских славян также присутствовало авторитарное жречество, жрецы бога Святовита с острова Рюгена обладали властью сопоставимой с прусским Криво Кривайтисом. Даже само имя прусского жреца Криве имеет явные славянские корни и созвучно названию славянского племени кривичей, ближайших соседей балтов.

Существует популярная точка зрения, что если есть связь между культами балтов и западных славян, то это означает, что последние и принесли свою веру пруссам. Однако всё ровно наоборот – скорее пруссы повлияли на религию балтийских славян. Верования пруссов выглядят более архаичными и имеют больше параллелей с религиозными системами кочевников Центральной и Восточной Европы – с культами гуннов и аваров, которые видимо и стали основным базисом для развитого славянского и балтского язычества. Вполне логично думать, что кочевые

племена (преимущественно тюркские), создавая огромные государственные образования в Восточной Европе, такие как Аварский и Хазарский каганаты, повлияли на культуру и религиозные представления местных племен. Именно поэтому у пруссов в 5-7 вв. появилось такое трепетное отношение к лошадям и огню, сравнимое с представлениями иранских и тюркских племен, и немыслимая ранее централизация жреческой власти, когда одному прусскому Криве подчинялись племена почти всей Прибалтики.

По материалам *https://maximus101.livejournal.com/143114.html*

https://glukovarenik.livejournal.com/2190311.html

Братская могила на холме.

В годы второй мировой войны посёлок Междуречье представлял собой хорошо укреплённый вражески пункт Норкиттен.

6 марта 1945 года началось наступление русских войск на посёлок Норкиттен со стороны Преголи и нынешнего посёлка Сиреневка. В боях принимало участие два батальона пехоты с приданной им артиллерией. Одной из рот командовал капитан Н. И. Сёмин. Под сильным огнём противника русские бойцы переправились через реку Преголю, скрытно передвигаясь по лугу, и поднялись в атаку перед главной дорогой на Кёнигсберг. При преодолении дороги наши войска стали нести первые потери. Гибли русские солдаты: один – в районе кирхи, двое погибли напротив здания конторы совхоза, три солдата – напротив автобусной остановки и один около здания нынешней почты. Русские войска наступали, немецкие отходили к посёлкам Привалово, затем Бочаги. Возле посёлка Бочаги погиб один сержант и капитан Н. И. Сёмин. Похоронной командой все погибшие были преданы земле на месте гибели. В первые послевоенные годы в посёлке существовало несколько захоронений: в посёлке Бочаги было захоронено 2 человека, в посёлке Междуречье – 1 человек около почты, 3 возле магазина и на высоком холме ещё 3 человека.

К 10-летию Победы 9 мая 1955 года было принято решение все захоронения объединить в одно – на холме. Останки бережно перенесли на холм захоронения 9 человек: одного капитана, двух сержантов и шести рядовых. Строительная бригада совхоза «Междуречье» перенесла сюда же останки русских воинов, которые скончались от ран в госпитале недалеко от Междуречья в посёлке Светаевка. На холме появилась большая Братская могила, установлен простой кирпичный обелиск.

В 1965 году к 20-летию Победы школой была заказана мемориальная доска с 9 обозначенными фамилиями. На первом месте стояла фамилия капитана Н. И. Сёмина. На открытии мемориальной доски приехала вдова капитана Сёмина с дочерью из

Горьковской области и старушка мать рядового Медведок, у которой на фронтах войны погибли муж и семеро сыновей. Этот был младший – 1927 года рождения.

В 1985 году к 40-летию Победы памятник был реконструирован: поставлены три гранитные плиты с фамилиями погибших, добавились 76 фамилий умерших от ран в медсанбате. Посередине возвышалась высокая стелла. К захоронению вела дорога с деревьями, посаженными ветеранами войны посёлка.

Источник: Книга Памяти 1965 года посёлка Междуречье.

2. Семилетняя война

Вновь и вновь историческая память возвращает нас в прошлое, заставляя как бы переживать те события, сочувствовать их участникам или осуждать их, искать причину роковых поступков, опираясь на факты и документы.

В современной немецкой литературе иногда можно встретить публикации об «ужасах» русской оккупации Пруссии 1758 – 1762 годов, о страшной болезни – чуме, якобы занесённой в эти края русскими войсками, о разграбленных и сожжённых ими деревнях. Так ли это было на самом деле?

Да, действительно, русские войска в 1758 году заняли Пруссию. Но исторические свидетельства говорят о том, что намерения завоевать Пруссию в правящих кругах России не существовало. Правда, в ходе войны был момент, когда императрица Елизавета Петровна пыталась склонить союзников к тому, чтобы законодательно оформить русское владение Пруссией, но по ряду причин присоединение не произошло. И вовсе не потому, что это не удалось с военной точки зрения. Русская армия была всё же сильнее прусской. И за счёт численности войск, и за счёт вооружения. Но союзники отводили ей вспомогательную роль, поэтому, как правило, в войне активно участвовала лишь небольшая часть русской армии – 40-60 тысяч человек, причём без захватнических целей. На территории же прусской провинции развернулась тыловая база русской армии.

Особенности правления русской администрации оказались здесь достаточно далёкими от примет и приёмов оккупационного режима. Наоборот, эта провинция оказалась в льготных условиях по сравнению с предшествующим периодом прусского правления и даже с положением в то время в русских губерниях. Например, за первые полтора года Семилетней войны Фридрих II, кроме обычных налогов, обложил край займом в 600 тысяч талеров. В следующие полтора года, уже при русском правлении, расходы местных жителей на содержание русской армии составили около 90 тысяч. Были ещё и российские поставки хлеба населению края при неурожае, и строительство русскими инженерами защитной дамбы в Лабиау, Гумбинненских (в районе

нынешних Королевских) ворот в Кёнигсберге. «Русская» дамба в Балтийске (прежде крепость Пиллау). Название сохранилось с тех самых пор.

Уж коль взаимные контакты России и Германии налаживаются во многом именно через нашу Калининградскую область, то объективная оценка событий далёкого прошлого на этой земле будет способствовать ясности видения этого прошлого. Такова наша цель.

Подробные описания событий периода Семилетней войны, имевших непосредственное отношение к прусской провинции, было сделано в воспоминаниях участника войны Андрея Тимофеевича Болотова.

Казалось бы, очень далека от нас по времени эта война в Европе. Но незримые нити времени существуют. Они связывают с современной жизнью Калининградской области не только имена и деяния полководцев, государственных мужей, но и имена солдат, младших офицеров, простых русских людей, судьбы, которых оставили зримый след в инженерных сооружениях города и края.

Образы героев привлекают внимание, исторические места области помогают почувствовать дух прежних времён, понять происходившее тогда, а может быть, в чём-то и современную действительность.

Кретинин. Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кёнигсберге. 1758-1762.

Поле сражения при Гросс-Егерсдорфе 1757 года.

Справа от дороги за рекой Ауксинне и произошло знаменитое сражение при Гросс-Егерсдорфе 1757 года – правое крыло русской армии тогда опиралось на замок Норкиттен, а левое – на замковую гору Шлоссберг, т.е. Бочаги. Там в поле в 90-е поставили памятный обелиск. А в 2017 году установили два креста – православный и католический в память убитым на поле сражения в ходе 7-летней войны.

В 1757 году через Норкиттен к Гросс-Егересдорфу проследовали российские войска под командованием фельдмаршала Апраксина. В ходе Семилетней войны замок на горе Норкиттен – весьма большой помещичий дом горел и был сильно повреждён.… В 1807 году солдаты Франции завершили его разрушение. А в 1820 году на другом месте, там, где мы видим сейчас, был построен новый замок и превращён в поместье с угодьями и хозяйственными постройками. Со временем здесь строились жилые дома, домен некоторое время сдавался в аренду, затем вернулся в руки князей. После войны здесь было колхозное хозяйство. Сейчас на этом месте разруха и запустение. Остался лишь один жилой дом.

Гросс – Егерсдорф.

В переводе с немецкого – Большая охотничья деревня. Всё так. Название есть – деревни нет. Название одного из самых значимых сражений периода Семилетней войны: битва при Гросс – Егерсдорфе 19/30 августа 1757 года.

Битва двух фельдмаршалов. С прусской стороны Иоганна фон Левальда, с русской – Степана Апраксина.

Сражение продолжалось недолго – около десяти часов – зато имело далеко идущие последствия.

Но обо всём по порядку.

В середине 18-го века в Европе столкнулись интересы двух немецких государств – Австрии и Пруссии. Прусский король Фридрих II, как говорят сейчас «побеждал за явным преимуществом». Захват австрийской Силезии грозил в перспективе падением Вены. Россию не устраивало возникновение у себя под боком нового мощного государства, и потому она присоединилась к союзническому блоку Австрии и Франции, против союза Англии и Пруссии.

В результате в мае 1757 года русская стотысячная армия вышла из Лифляндии – в направлении Восточной Пруссии.

25-го июня взяв Мемель – войска двинулись в направлении Тильзита и далее Гумбиннена.

Командующий прусской армией Левальд, всё это время отсиживался недалеко от Велау (Знаменск) – периодически получая данные разведки. Оснований для волнения, как он считал, не было. Та информация, которой он располагал о качестве русской армии, её боеспособности и таланте командования, были не в пользу русских. В абсолютной неспособности вести серьёзные боевые действия такой армией, был уверен и сам король Пруссии - Фридрих II. Более того, он даже наделил Левальда полномочиями вести переговоры после победы над русскими. Как и на каких условиях принять от России её предложения о мире.

Поэтому в ставке прусской армии всё было хорошо. Плохо стало чуть позже.

Зная о том, что армия Апраксина переправилась в районе Норкиттена (пос. Междуречье) на левый берег Прегеля – прусский фельдмаршал выдвинул ему навстречу свои войска, чтобы в ходе одного сражения решить все вопросы.

В распоряжении Левальда находилось 22 батальона пехоты и 50 эскадронов кавалерии – всего 25-28 тысяч человек. У Апраксина численный состав около 55 тысяч. Численное превосходство здесь кажущееся, так как большая часть русского

войска, в силу разных причин, участия в сражении не принимала. Бой был тяжёлый и кровавый. С переменным успехом.

Как было написано в журнале военных действий Апраксина «храбрые наши полки стояли сперва как непреоборимая стена; они отстреливались, сколько было сил от неприятеля и целые два часа сдерживая его наглость и стремление».

Всё решил характер и воинская доблесть генерал-майора Петра Румянцева. Его полки стояли за лесом – в резерве. Узнав о том, что в центре сражения наша армия несёт большие потери, не испросив разрешения командующего (промедление грозило поражением), Пётр Румянцев – оставив орудия и патронные ящики, провёл свои полки через лес и ударил в левый фланг противника, чем вызвал панику и бегство пруссаков с поля боя.

Всё, что произошло дальше, до сих пор является предметом дискуссий историков и учёных.

Остатки армии прусского фельдмаршала отошла назад к Велау. По данным официального журнала, русские потеряли в сражении 1348 убитыми и 5 129 ранеными. Пруссы потеряли гораздо больше. Только число подобранных и похороненных трупов солдат, превысило 3 тысячи. Много погибших осталось в лесу, часть сгорела в деревнях.

Дорога на Кёнигсберг была открыта. Но Апраксин, вместо преследования противника, разбивает походный лагерь, не помышляя ни о каком преследовании. Так, в бездействии, он пребывает целую неделю.

Разумных причин для объяснения этого факта нет.

И лишь 25-го августа предпринимает попытку обхода армии Левальда с правого фланга, но прусский фельдмаршал, не приняв боя отступил.

Далее вовсе происходит непонятное. 27 августа Апраксин переправляет армию назад через Прегель, и уходит войска в сторону Тильзита.

По возвращению в Россию его предадут суду. Не дождавшись окончания которого, фельдмаршал Степан Фёдорович Апраксин скончается.

Версий его ухода назад в Россию, после победы под Гросс – Егерсдорфом несколько, но среди них нет ни одной убедительной.

Первая – кончился фураж и пропитание, впереди была зима и потому войска не стали развивать наступление. Не забудем, что это был август, когда до зимы ещё три-четыре месяца, а до Кёнигсберга всего несколько дней хода.

Вторая – в отряде калмыкцких всадников началась эпидемия оспы, вследствие чего, они вынуждены были увести свои отряды домой.

Третья – она, пожалуй, многое объясняет – Императрица Елизавета Петровна на тот момент была не совсем здорова, и речь уже шла о престолонаследнике, коим был Карл Петер Ульрих – внук Петра Первого и племянник Елизаветы – родившийся и живший в Германии. Этот молодой человек, когда ему исполнилось 14 лет, был привезён в Россию. По крещении в православную веру, Карл Петер стал Петром Фёдоровичем.

Пётр Фёдорович был большим поклонником прусского короля Фридриха II, чьё войско так неразумно разгромила под Гросс-Егерсдорфом русская армия. Неловкий получился момент. Какое уж тут взятие Кёнигсберга? Но опять случился конфуз. Елизавета Петровна была в полном здравии и продолжала царствовать ещё в течении пяти лет, а российским императором Петер Ульрих станет лишь в 1762 году.

Здесь показателен слог, которым Апраксин обращается к императрице в конце своей реляции, сразу по окончании сражения:

«...теперь, всемилостивейшая государыня, мне более не останется, как неусыпное старание приложить о вящих прогрессах для достижения всевысочайшего вашего императорского величества намерения и с раболепнейшим к монаршеским стопам припаденнем себя и всю мою фамилию императорско-монаршеской щедроте препоручить». 20 августа 1757 года.

По возвращению в Россию фельдмаршал был отстранён от командования армией, арестован и заключён под стражу по обвинению в государственной измене.

Видимо доводы о недостатке фуража и эпидемии оспы, не возымели должного действия.

По материалам работы *http://imperative.eu/koenigsberg/gross-jaegersdorf/*

https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/special_posts/%D0%B3%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81-%D0%B5%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B4%D0%BE%D1%80%D1%84-%D1%88%D1%82%D1%8B%D0%BA-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82-%D0%BF%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%83/

В Семилетнюю войну (1756—1763) между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией с одной стороны и Пруссией, Великобританией (в союзе с Ганновером) и Португалией — с другой русская армия впервые по-

настоящему вышла на европейскую арену и сразилась со считавшимся величайшим полководцем века — Фридрихом И. Из четырех больших сражений русские войска не проиграли ни одного, а в трех одержали решительную победу. Забытый ныне генерал-фельдмаршал Петр Семенович Салтыков наголову разбил прусского героя в Кунерсдорфской битве (1759).

«Вспоминая эти столь поучительные страницы истории и столь славные битвы, имена которых начертаны на боевых знаменах, остается лишь удивляться тому, как все это могло быть забыто и заслонено войнами долгого царствования Екатерины II, которой пришлось иметь дело с противниками, стоявшими намного ниже ее. В сущности, она воевала опять с теми же шведами, поляками и турками. Зато кампании русской армии в Семилетнюю войну можно воистину считать великой военной школой XVIII столетия», — пишет Альфред Рамбо в книге «Русские и пруссаки. История Семилетней войны», которая впервые выходит на русском языке в России в 2004 году, хотя была написана автором в 1895. До сих пор отечественный читатель узнавал о Семилетней войне из сочинений А. Т. Болотова (СПб., 1871—1873), Д. Ф. Масловского (М., 1886—1891), Н. М. Коробкова (М., 1940), публикаций историков П. П. Пекарского (1858), М. И. Семевского (1862) и некоторых других, а также из архивных материалов. Книги эти и публикации очень ценны, интересны, но давно стали раритетами. А другие (современные) публикации явно уступают в полноте и аргументированности предлагаемому читателям сочинению известнейшего французского историка и литератора Альфреда Рамбо (1842—1905).

Он был профессором истории в лицеях Нанси, Буржа и Кольмара, написал и защитил диссертацию «О Греческой империи в IX веке» на степень доктора литературы. Для этого первого своего ученого труда он изучил языки: греческий, русский, польский и сербский. Достигнув сразу известности в научном мире Франции и Восточной Европы, он получил кафедру в Каэнском университете и посвятил курс лекций истории французского владычества в Германии в 1792—1811 гг. Этот курс был издан в двух томах и имел значительный успех.

Спустя два года он отправился в Россию, объясняя своим приятелям с чисто пророческим предвидением, что «там, а нигде иначе, можно найти союз, который восстановит европейское равновесие в нашу пользу; эту страну надо изучать во всех ее видах: правительство и народ, историю и литературу, земледелие и финансы, армию и флот».

Он исколесил всю Россию, перечитал бесчисленное множество русских книг, занимался в архивах, основательно познакомился с прошедшим и настоящим русского народа, усовершенствовался в русском языке. Результат всего этого — целый ряд трудов: «История России от ее основания до наших дней», «Эпическая Россия: исследование о русских былинах», «Французы и русские: Москва и Севастополь» (в состав этого сочинения вошла его статья «Русские в Севастополе», которая наделала много шума, поскольку доказывала, что память о Севастополе одинаково дорога и славна для обеих наций, и заслужила сочувственный отзыв императора Александра III, тогда еще наследника, который в ответ на присланную ему автором статью поздравил

его с содействием в сближении обеих наций). Затем появились «Собрание инструкций, данных французским посланникам и агентам за границей» (в России) с примечаниями и, наконец, «Русские и пруссаки» об участии России в Семилетней войне.

Рамбо руководил кафедрой истории в Сорбонне и написал «Историю французской цивилизации», которая представляет картину постепенного развития всех отраслей национальной жизни; краткую «Историю Французской революции», один из лучших сжатых очерков этой эпохи, и свод разнообразных сведений о французских колониях под названием «Колониальная Франция». Кроме этого он издал вместе с другом и коллегой, академиком Эрнестом Лависсом, громадную «Всеобщую историю» от IV века и в продолжение нескольких лет редактировал «Revue Bleue», где задолго до посещения Кронштадта французскими моряками проповедовал необходимость для Франции союза с Россией.

Жюль Ферри публично сказал ему: «Вы более дипломатов содействовали этому событию», и французское правительство наградило его за услуги в сближении Франции и России орденом Почетного легиона.

Появление «русских» книг Рамбо совпало (и, вероятно, не случайно) с происходившим в конце века русско-французским сближением, вызванным усилением Германии. Союз двух держав был оформлен соглашениями 1891—1893 гг. в военной и политической сферах. Этому как нельзя лучше соответствовали русофильские взгляды Рамбо, подчас даже вредившие объективности его исследований. По воле судьбы он вместе с Эрнестом Лависсом стал широко известен у нас в советское время благодаря изданной академиком Е.В. Тарле в 1938 г. стотысячным тиражом «Истории XIX века», которая, по словам Тарле, «может быть сопоставлена по научной основательности только с «Кембриджской новой историей». Характеризуя Альфреда Рамбо как историка-слависта, Тарле назвал его «знатоком новой русской истории».

Альфред Рамбо продолжил традиции блестящих французских историков — братьев Тьерри, Жюля Мишле, Ипполита Тэна, соединявших в своих трудах строго научные исследования с высокими литературными достоинствами. Сейчас в России это качество приобретает первостепенное значение, поскольку жизненное восприятие истории, духовная связь с предками являются ключевыми факторами в формировании национального характера.

Книг Рамбо «Русские и пруссаки» насыщена информацией, написана легко и изящно.

Д.В. СОЛОВЬЕВ – переводчик книги В. Рамбо «Русские и пруссаки. История Семилетней войны»

АЛЬФРЕД РАМБО
Русские и пруссаки.
ИСТОРИЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Глава четвертая

БИТВА ПРИ ГРОС-ЕГЕРСДОРФЕ (30 августа 1757 г.)

Левальд достаточно долго мог надеяться на то, что русского вторжения не произойдет и все ограничится демонстрациями, а некие благоприятные влияния в Петербурге, как рассчитывал и сам Фридрих II, на неопределенно долгое время задержат сокрушающий поток. У Левальда были основания ожидать поддержки как со стороны прусского корпуса в Померании, так и со стороны британского флота, который, несомненно, будет действовать против русских эскадр Ревеля и Кронштадта. Но теперь перед ним вдруг открылась страшная реальность: на его маленькую армию надвигались почти 90 тыс. солдат. Русскому вторжению, подобному нашествию варваров, предшествовали тучи всадников, чуть ли не потомков Аттилы. День за днем ему сообщали то о падении Мемеля, то о взятии Тильзита, и, наконец, о переходе врага через Неман уже в саму Пруссию. Померанский корпус не появлялся, и ничего не было слышно о британском флоте. Не мог он рассчитывать и на самого Фридриха, который только что потерпел ужасные поражения у Колина и под стенами Праги (июль 1757 г.). Кроме угрозы превосходящих сил неприятеля по фронту и на обоих флангах, Левальд мог опасаться еще и высадки русского десанта у себя в тылу в случае прорыва русской эскадры к Пиллау. Тогда ему пришлось бы очистить половину всей провинции вплоть до сдачи столичного города Кёнигсберга.

Он уже обсуждал с берлинским правительством вероятность полного отступления. Из лагеря Фридриха прибыл поручик фон Гумбольдт, который за 14 дней проделал 1800 км и привез Левальду письмо короля (от 11 июля). В нем были лишь слова о доверии, сопротивлении до последней крайности и самых энергичных действиях:
«Вы непременно побьете один из русских корпусов, каким бы сильным он ни был». Король в своих письмах к фельдмаршалу рекомендовал ту же самую тактику, что и в своей депеше от 12 июня: «Остается только один выход: обрушиться на первый же корпус, который посмеет приблизиться к вам, и разбить его, а потом и все остальное!» Иначе говоря, использовать разобщенность русских сил и разгромить их поодиночке. К счастью для Левальда, Пиллау был защищен от нападения, и он мог не опасаться, по крайней мере некоторое время, за пути к отступлению.

В первый же день вторжения в Пруссию 220 конногренадер и 180 чугуевских казаков под командою ротмистра де ла Роа достигли деревень Каттенау и Куммельн. Поверив жителям, что поблизости нет никаких прусских войск, этот офицер остановился со своими людьми в деревне, а казакам разрешил идти на Нибуцин. Они тоже были обмануты и подверглись внезапной атаке черных гусар Малаховского. После короткой схватки их отбросили к Куммельну, а оттуда вместе с конногренадерами к Каттёнау.

Они были спасены лишь появлением ещё нескольких эскадронов русской кавалерии, которые опрокинули Малаховского и гнали его до наступления ночи. Таким образом, стычка закончилась в пользу русских, но для них все началось с пагубной неосмотрительности.

Болотов идет еще дальше и говорит, что эта стычка, «сделав во всем нашем войске великое о храбрости пруссаков впечатление, умножила тем в сердцах множайших воинов чувствуемую и без того великую от пруссаков робость, трусость и

боязнь»<...> Он также присовокупляет к этому: «... всего важнее и достопамятнее,... что не только неприятельские войска, но самые прусские обыватели возмечтали себе, что все мы хуже старых баб и ни к чему не годимся. Почему ополчились уже на нас и самые их мужики и начали стараться причинять нам повсюду вред и беспокойство. <...> [Апраксин], будучи разгорячен и раздосадован всем тем, дал то злосчастное повеление, чтоб впредь, ежели где подобное тому случится и обыватели поднимут на нас руку, не щадить бы и самих жителей и разорять селения таковые. Но таковое несчастное повеление не успело излететь из его уст, как тотчас нашими казаками, калмыками и другими легкими войсками употреблено было во зло. Они, будучи рассылаемы всюду и всюду для разведывания о неприятеле, не стали уже щадить ни правых, ни виноватых, но во многих местах от жадности к прибыткам начали производить великое разорение и жителей не только из селений разгонять, но оных мучить, бить, грабить, дома их опустошать и такие делать злодейства, бесчеловечия и беспорядки, какие одним только варварам приличны и кои не только влияли величайшую к нам ненависть и злобу, но и покрыли нас стыдом перед всем светом... Учиненные ими разорения самим нам обратились после в существенный вред и сделали то, что все предпринимаемые в сие лето и толь многочисленные труды приобрели нам только единое бесславие, а пользы не принесли ни малейшей».

Таким образом, недисциплинированность нерегулярных войск с первых же шагов на прусской земле отбила у побежденных то миролюбие и даже доброжелательность, которые Болотов заметил в самом начале кампании, после чего и последовали все жестокости крестьянской войны.

С 6 по 10 августа Апраксин находился в Гумбиннене, где посетил ратушу и привел к присяге обывателей. Через несколько дней он приказал наказать крестьян, пойманных с оружием в руках: одни были повешены, другим отрубили пальцы правой руки. 8-го он собрал военный совет, на котором решили идти к Инстербургу, находящемуся при слиянии Инстера и Прегеля, чтобы соединиться с Фермором. Левальд, со своей стороны, проникнувшись советами Фридриха, вознамерился воспрепятствовать этому и по возможности разбить сначала Апраксина, а потом и Фермора. Инстербург защищала конница Малаховского, на помощь которому из Кёнигсберга направлялись: принц Голштинский по правому берегу Прегеля и генерал Дона по левому. Для обеспечения сообщений между обоими берегами у Таплакена и Бубайнена были наведены мосты.

Обе армии уже подошли близко друг к другу. 7 августа выступил русский авангард Штофельна. 8-го он вступил в бой у Гервишкемена и Питкине, где Малаховского поддерживали вооруженные крестьяне. Инстербург был взят, затем оставлен и снова захвачен, а 11-го в него вступил сам Апраксин, которому Малаховский безуспешно пытался чинить помехи и препятствия.

Внезапное продвижение русских расстроило наступательные планы Левальда. Его авангард достиг уже Заалау, когда они захватили Инстербург, и пруссакам пришлось отступить. 13 августа сюда же подошел корпус Сибильского, а 18-го неподалеку, в Георгенбурге, встал лагерем и Фермор. Таким образом, все русские

силы объединились под командованием самого Апраксина, что составило внушительную массу в 89 тыс. чел. Теперь уже не могло быть и речи, чтобы Левальд напал, а тем более разбил эту армию по частям. Отныне ему оставалось лишь защищать оба берега Прегеля, при впадении в который реки Алле у Велау он устроил свои магазины.

Его главная квартира располагалась на высотах у Каленена, весьма удобных для обороны, а передовые посты стояли в Заалау и Зимонене по правому берегу Прегеля и в Норкиттене на левом. Все леса по обоим берегам охранялись кавалерией и множеством вооруженных крестьян, озлобленных опустошительными набегами нерегулярной русской конницы.

Чтобы прощупать противника, Апраксин, пользуясь своим превосходством, несколько раз посылал по обоим берегам сильные разведывательные отряды. Например, 18 августа 5 или 6 тыс. нерегулярной кавалерии под командой генерала Кастюрина спустились по левому берегу, как бы направляясь к Кёнигсбергу. Такое же число во главе с Краснощековым действовало на правом берегу, угрожая Каленену. Почти везде им пришлось иметь дело с черными гусарами и крестьянами. Позиция Левальда с центром у Каленена, которую на флангах прикрывали лес и болото, была достаточно разведана. По левому, не занятому пруссаками, берегу Кастюрин смог беспрепятственно пройти вплоть до Алленбурга. Его даже упрекали за то, что он не пытался сжечь магазины в Велау или совершить набег на Фридрихсбург или Кёнигсберг.

Русскому главнокомандующему оставалось лишь спуститься по правому берегу и сбить позицию пруссаков у Каленена. Казалось, что именно к этому и идет дело: 20 августа Апраксин приказал идти на Заалау, однако неожиданно изменил направление удара, повернув через Алленбург на Кёнигсберг. Главной причиной этого был недостаток провианта для войск. Правда, люди отнюдь не голодали, а Болотов говорит даже об изобилии. Прусские крестьяне доставляли в достаточном количестве крупный скот, деревни изобиловали всяческой птицей и мелкой живностью. Казаки, калмыки, гусары, даже драгуны, продавали все это за бесценок своим сотоварищам из пехоты. И все-таки овец, свиней и птицы не могло хватить на всех. С другой стороны, тот же Болотов упоминает о недостатке зерна и соли. Но более всего армия нуждалась в фураже. Можно представить себе, сколь

меня гвардии сержант Курсель убит и гренадер два человека ранено, вахмейстер гусарский убит, и несколько человек офицеров и гусар ранено ж, також и подо мною лошадь, одним словом, в толикой был опасности, ч т о одна только Божия десница меня сохранила…» Соловьев. Т. XXIV. С. 991.

Однако приказания его вполне соответствовали возникшей ситуации. Сибильскому было предписано утвердиться на высотах Зиттенфельде перпендикулярно фронту других полков, так чтобы атакующие оказались внутри простреливаемого сектора. Корпус Лопухина получил приказ построиться на опушке леса в ордер баталии, опираясь под прямым углом на правый фланг Сибильского. Так же должен был расположиться и корпус Фермора, примкнув своим левым флангом к правому флангу Лопухина. Резерв (Румянцев) оставался до получения новых приказаний в охранении обоза.

Левальд должен был заметить эти новые построения русской армии и особенно столь опасную для него позицию корпуса Сибильского, который растянулся далеко по флангу любой атаки пруссаков и угрожал даже их арьергарду. Впрочем, может быть, туман помешал ему отчетливо увидеть все это.

Около пяти часов утра, не дожидаясь подхода главных сил кавалерии, драгуны принца Голштинского атаковали стоявших перед ними гусар и казаков и опрокинули их. Затем, пройдя через Удербален и Даупелькен, они обрушились на 2-й Московский и Выборгский полки, которые охраняли восточное дефиле, но, встретив картечь и мушкетный огонь, отошли обратно к Удербалену. Тем не менее, очистив равнину, принц Голштинский дал возможность выстроить прусские линии для атаки. Поскольку восточное дефиле было загромождено менее других, именно там начали строиться полки корпуса Лопухина. По второму дефиле в свою очередь начали дебушировать и становиться в ордер баталии на опушке леса с востока к западу Ростовский, Вятский, Черниговский, Муромский и Нижегородский полки.

Плохо было то, что между 2-м Гренадерским и Ростовским полками образовалось большое незаполненное пространство. Именно на это слабое место и обратился натиск прусской пехоты.

Левальд не мог следовать рецептам Фридриха II: сначала канонада, потом кавалерийская атака и только после этого вводить в бой пехоту. Его артиллерия была слабее неприятельской, главная кавалерийская колонна еще только подходила, а принцу Голштинскому пришлось отступить. Оставалось сразу же использовать пехоту, и она с напором атаковала по фронту корпус Лопухина, которому угрожало полное уничтожение еще до построения линий.

Сибильский, стоявший перпендикулярно к Лопухину, мог лишь косвенно помочь ему из-за болотистой местности по фронту, вступать на которую он не решался. К тому же у него не было и соответствующего приказа. Поэтому пять полков Сибильского и три Лопухина, составлявшие их продолжение, оставались только зрителями начавшегося боя. Служивший в Архангелогородском полку Болотов оставил яркое описание происходившего:

«Первый огонь начался с неприятельской стороны, и нам все сие было видно. Пруссаки шли наимужественнейшим и порядочнейшим образом атаковать нашу

армию, вытягивающуюся подле леса, и, пришедши в размер, дали по нашим порядочный залп.
Это было в первый раз, что я неприятельский огонь по своим одноземцам увидел. Сердце у нас затрепетало тогда, и мы удивились все, увидев, что с нашей стороны ни одним ружейным выстрелом не было ответетвовано, власно так, как бы они своим залпом всех до единого побили. Пруссаки, давши залп, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походе свои ружья и подошед еще ближе к нашим, дали по нашим порядочный другой залп всею своею первою линиею. Тогда мы еще больше удивились и не знали, что делать, увидев, что с нашей стороны и на сей залп ни одним ружейным выстрелом ответствовано не было. «Господи, помилуй! Что это такое? — говорили мы, сошедшись между собою и смотря на сие позорище со своего отдаленного холма. — Живы ли уже наши и что они делают? Неужели в живых никого не осталось?» Некоторые малодушные стали уже в самом деле заключать, что наших всех перебили. «Как можно, — говорили они, — от двух таких жестоких залпов и в такой близости кому уцелеть?» Но глаза наши тому противное доказывали. Коль скоро несколько продышалось, то могли мы еще явственно наш фрунт чрез пруссаков видеть; но отчего бы такое молчание происходило, того никто не мог провидеть. Некоторые из суеверных стариков помыслили уже, не заговорены ли уже у наших солдат ружья; но сие мнение от всех нас поднято было на смех, ибо оно было совсем нескладнейшее.
Продолжая смотреть, увидели мы, что пруссаки и после сего залпа продолжали наступать далее и на походе заряжали свои ружья, а зарядив оные и подошед гораздо еще ближе, дали по нашим третий преужасный и препорядочный залп. «Ну! — закричали мы тогда. — Теперь небойсь, в самом деле наших всех побили!» Но не успели мы сего выговорить, как, к общему всех удовольствию, увидели, что не все еще наши перебиты, но что много еще в живых осталось. Ибо не успели неприятели третий залп дать, как загорелся и с нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами, без порядка, но гораздо еще сильнее неприятельского. С сей минуты перестали уже и пруссаки стрелять залпами. Огонь сделался с обеих сторон беспрерывный ни на одну минуту, и мы не могли уже различить неприятельской стрельбы от нашей. Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особливо из наших секретных шуваловских гаубиц, которые по особливому своему звуку и густому черному дыму могли мы явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы, которая, равно как и оружейная, сделалась с обеих сторон наижесточайшая и беспрерывная».

Туман, дым битвы и горящих деревень не позволяли смотревшим видеть происходившие атаки. «Уже в десяти шагах ничего не было видно», — утверждал Левальд. Из пушек и ружей стреляли почти в упор, схватка шла как в темноте, представляя собой уменьшенное подобие сражения при Эйлау. Корпус Лопухина отчаянно защищался и выказывал при царившем беспорядке стоическую храбрость, вообще присущую русской нации. Дрались уже штыками. Был убит генерал Зыбин,

смертельно раненный Лопухин попал в руки пруссаков. Но в конце концов оба эти полка дрогнули и были отброшены в глубь леса.

Именно в этот момент Румянцев («Неизвестно по чьему приказу», — пишет г-н Масловский) пробил себе дорогу через скопление повозок и фур и ввел в пустой промежуток между 1-ми 2-м русскими корпусами четыре полка. Пруссаки были отброшены на равнину. Теперь русские линии сомкнулись по всей длине, и надежда возродила отвагу сражающихся.

На правом фланге гренадеры Языкова под защитой батарей отбили атаку драгун Шорлемера еще до того, как успела построиться дивизия Фермора, и этим спасли столь важную позицию. Не сумев сбить их, прусская кавалерия ударила по левому флангу с такой яростью, что опрокинула всю стоявшую там конницу и гнала ее до самого русского обоза в Норкиттене. Видя это, гренадеры Языкова повернулись кругом и произвели залп по пруссакам. Несколько шуваловских гаубиц поливали неприятеля дождем ядер.

Блестящая атака пруссаков дала двоякий результат: с одной стороны, далеко отбросила русскую конницу, которая в этот день так больше и не появлялась, а с другой — на несколько часов лишила прусскую кавалерию возможности новой атаки. Русская пехота на этом фланге, избавившись от страха перед прусскими эскадронами, сама перешла в наступление против стоявших перед ней батальонов, ударила во фланг первой линии Левальда и даже начала стрелять им в спину.

Было уже девять часов утра. Левальд ввел в бой свой последний резерв — выдвинул вторую линию, состоявшую только из гарнизонных полков Мантейфеля и Сидова. Солдаты одного из батальонов, оглушенные ужасным огнем и растерявшиеся от обволакивавшего их дыма, начали стрелять по своей же первой линии, «вследствие фатальной оплошности», как написал Левальд в донесении Фридриху II. Пехота дрогнула и стала откатываться, часть ее разбежалась по равнине, преследуемая до опушки Норкиттенского леса.

На правом фланге, так же как и в центре, успех переходил к русским. Бездействовал только корпус Сибильского. Известно, как в то время, когда вооружение пехотинцев было столь примитивно, они избегали выходить на открытую местность, если поблизости оказывалась неприятельская кавалерия. Возле Удербалена сконцентрировались драгуны принца Голштинского, Шорлемера и Платена и черные гусары Рюша. Они прикрывали свою пехоту и следили за передвижениями Сибильского. Поэтому прежде всего надо было избавиться от них. Тут-то и произошло то, о чем столь подробно пишет Болотов, но чего, судя по всему, он так и не понял: «На самом левом фланге нашего корпуса стояли наши донские казаки. Сии с самого еще начала баталии поскакали атаковать стоящую позади болота неприятельскую конницу. Сие нам тогда же еще было видно, и мы досадовали еще, смотря на худой успех сих негодных воинов. Начало сделали было они очень яркое. Атака их происходила от нас хотя более версты расстояния, но мы могли явственно слышать, как они загикали — «Ги! Ги!» и опрометью на пруссаков поскакали. Мы думали было сперва, что они всех их дротиками своими переколют, но скоро увидели тому противное.

Храбрость их в том только и состояла, что они погикали и из винтовок своих попукали, ибо как пруссаки стояли неподвижно и готовились принять их мужественным образом, то казаки, увидя, что тут не по ним, оборотились того момента назад и — дай бог ноги. Все сие нам было видно; но что после того происходило, того мы не видели, потому что казаки, обскакивая болото, выехали у нас из глаз. Тогда же узнали мы, что прусские кирасиры (ошибка: в этой битве прусские кирасиры вообще не участвовали) и драгуны сами вслед за ними поскакали и, обыскивая болото, гнали их, как овец, к нашему фрунту. Казакам некуда было деваться. Они без памяти скакали прямо на фрунт нашего левого крыла, а прусская конница следовала за ними по пятам и рубила их немилосердным образом. Наша пехота, видя скачущих прямо на себя и погибающих казаков, за необходимое почла несколько раздаться и дать им проезд, чтоб могли они позади фрунта найтить себе спасение. Но сие едва было не нашутило великой шутки. Прусская кавалерия, преследуя их поэскадронно в наилучшем порядке, текла как некая быстрая река и ломилась за казаками прямо на нашу пехоту. Сие самое причиною тому было, что от сего полку началась по ним ружейная стрельба; но трудно было ему противиться и страшное стремление сей конницы удержать.
Передние эскадроны въехали уже порядочным образом за казаками за наш фрунт и, рассыпавшись, рубили всех, кто ни был позади фрунта. Для сего-то самого принуждено было оборотить наш фрунт назад. Но все бы сие не помогло, и пруссаки, въехавшие всею конницею своею в наш фланг, смяли бы нас всех поголовно и совершили бы склонявшуюся уже на их сторону победу, если бы одно обстоятельство всего стремления их не удержало и всем обстоятельствам другой вид не дало. Батарея, о которой я выше упоминал, по счастию, успела еще благовременно обернуть свои пушки, и данный из нее картечью залп имел успех наивожделеннейший, ибо как ей случилось выстрелить поперек скачущих друг за другом прусских эскадронов, то, выхвативши почти целый эскадрон, разорвала тем их стремление и скачущих не только остановила, но принудила опрометью назад обернуться.
Те же, кто вскакали за наш фрунт, попали как мышь в западню.
Пехота тотчас опять сомкнулась, и они все принуждены были погибать наижалостнейшим образом. Наша кавалерия их тут встретила и перерубила всех до единого человека».

Известно, что Болотов не любил казаков. Как у цивилизованного человека у него были свои предрассудки против этих полудикарей. Он повсюду нарочито преувеличивает совершавшиеся ими эксцессы, а здесь облыжно называет их «негодными воинами». Его извиняет лишь непонимание сути дела. Ведь казаки и не предназначены для атак на тяжелую кавалерию, они должны лишь беспокоить неприятеля, вывести его из терпения и по возможности заманить в какую-нибудь ловушку. При Грос-Егерсдорфе казаки просто-напросто применили свою излюбленную тактику, известную еще скифам Геродота и нередко приносившую

успех в битвах с турками и татарами. На сей раз она удалась по отношению к немцам: драгуны Шорлемера и принца Голштинского, которые долго не поддавались на провокации казаков, все-таки не смогли удержать себя от преследования. Среди тумана и дыма они не заметили, как их заманивают под огонь 18 батальонов и 40 полковых пушек, под сабли драгун, конногренадеров и калмыков Сибильского. Так великолепная прусская кавалерия попалась в ловушку, и лучшая ее часть погибла (подобная тактика часто бывала успешна даже против французов в 1803 – 1814 годах: «Весь день наш полк преследовала целая туча казаков, которых атаковали наши егеря, но никак не могли достать их, поскольку эта конница всегда полным галопом возвращалась под защиту русской артиллерии, которая неожиданно открывала свои пушки и наносила нам чувствительные потери» - Сражение при Гутштадте).

Благодаря этому неожиданно исчезло то препятствие, которое удерживало Сибильского в бездействии — теперь местность перед ним была расчищена. Весь его корпус пришел в движение, готовясь к атаке: пехота, регулярная кавалерия, эскадроны гусар, казаки и калмыки. Прусская пехота маршировала и сражалась с самого рассвета; уже пять часов она находилась под убийственным огнем пушек, изголодавшаяся и обессиленная. Один только полк Кальнайна потерял почти половину людей. Прусская артиллерия была вынуждена умолкнуть, кавалерия отбита от правого фланга русских и изрублена на их левом фланге. Опасались атаки Фермора, и когда появился свежий корпус Сибильского, это выглядело уже устрашающе. Отступление сначала происходило в полном порядке, но мало-помалу, убыстряясь, превратилось в бегство. Через четверть часа поле битвы опустело, и армия Левальда исчезла в том же лесу, из которого она вышла утром.

Было уже десять часов, русские выиграли битву на всех пунктах и заняли оставленные неприятелем позиции. Повсюду раздавались победные крики «Ура!», в воздух взлетали тысячи шляп.

Палили из захваченных у врага пушек и ружей. Это была первая победа русской армии в настоящей европейской войне, где русская пехота явила себя всему миру. Болотов рисует нам впечатляющую
картину поля битвы:

«Не успели нас распустить из фрунта, как первое наше старание было, чтобы, севши на лошадей, ехать смотреть места баталии. Какое зрелище представилось нам тогда, подобного сему еще никогда не видавшим! Весь пологий косогор, на котором стояла и дралась прусская линия, устлан был мертвыми неприятельскими телами, и чудное мы при сем случае увидели. Все они лежали уже как мать родила, голые, и с них не только чулки и башмаки, но и самые рубашки были содраны. Но кто и когда их сим образом обдирал, того мы никак не понимали, ибо время было чрезвычайно короткое, и баталия едва только кончилась.

Я жы we могли довольно надивиться тому, сколь скоро успели наши погонщики, денщики и люди сие спроворить и всех побитых пруссаков так обнаготить, что при всяком человеке лежала одна только деревянная из сумы колодка, в которой были патроны, и синяя бумажка, которой они прикрыты были. Сии вещи, видно, никак уже

были не надобны, а из прочих вещей не видели мы уж ни одной, так что даже самые ленты из кос, не стоившие трех денег, были развиты и унесены».

Победа русских была неоспорима. Неприятель отступил на всех пунктах, оставив 29 пушек — почти половину всей артиллерии Левальда, что касается знамен, то Апраксин пишет в своем донесении: «Знамен получить невозможно было, ибо сколь торопен ни был побег пруссаков, они, однако же, старание приложили знамена в одно место собрать и в безопасность привесть, чему вблизости позадь их лес много способствовал».

Однако потери русских представляются значительно большими, чем у пруссаков, возможно, вследствие внезапного начала битвы. По данным г-на Масловского, они составили: 1449 убитых и 4494 раненых у русских и, соответственно, 1818 и 2237 у пруссаков. Апраксин пишет, что пруссаки потеряли 4600 чел., не считая 600 взятых в плен. Такую же цифру указывает и А. Шефер.

С обеих сторон не были пощажены и начальники: убиты три русских генерала (Лопухин, Зыбин и Капнист, командовавший слободскими казаками), семеро ранены (начальник штаба Веймарн, командующий артиллерией Толстой, шеф инженеров Дюбоске и генералы Ливен, Мантейфель, Вильбуа и Племянников). Русский офицерский корпус потерял 38 чел. убитыми и 232 ранеными.

Что касается пруссаков, то под Левальдом было убито две лошади, но сам он не получил ни единой царапины. Присланный к нему Фридрихом опытнейший советник фон Гольц замертво пал рядом с ним; граф Дона и еще семь генералов были ранены. Апраксин не удержался от высоких похвал своим подчиненным:

«Ваше Императорское Величество приметить изволите (из числа потерь), колико они (офицеры) исполняли свою должность. Словом сказать: никто не пренебрег оной, а буде кто презирал что-либо, то только жизнь свою, ибо ни один из раненых с места не сошел и раны перевязать не дал, пока победа не одержана и дело совсем не кончено. Буде кто из генералов сам не получил, то, конечно, под тем лошадь, а под иным две ранены».

Из 31 бывшего в строю генерала пострадала почти треть!

Следует отдать должное и солдатам: русская артиллерия показала свое превосходство, а пехота после первого замешательства сумела собраться, несмотря на отсутствие приказов, и выстоять в разрозненных рукопашных схватках. Если бы не цепкая стойкость 1-го Гренадерского полка на правом фланге и не жертвенный героизм 2-го Московского и Выборгского полков в центре, все было бы потеряно уже с самого начала. Воистину, Грос-Егерсдорф стал именно солдатской победой.

Г-н Масловский пытается защитить Апраксина от обвинений Болотова в недостаточности разведок и отсутствии какой-либо диспозиции перед сражением, одним словом, в его бездействии как командующего. Он показывает, что план действий Апраксина имел много хороших сторон. Однако все эти оправдательные аргументы представляются нам второстепенными, а совершенные ошибки вполне очевидны. Во-первых, выбор лагеря у Норкиттена с двумя реками в тылу и столь близко от пруссаков, что те слышали русские барабаны, вследствие чего было

невозможно выступить на марш без риска привлечь к себе неприятеля. Во-вторых, совершенный при подобной близости фланговый марш тремя или четырьмя колоннами, разделенными друг от друга множеством препятствий. Кроме того, нагромождение артиллерии и обозов в узких дефиле и бездействие корпуса Сибильского до самого конца битвы. Во всей армии оказался только один генерал, проявивший себя настоящим тактиком, — это был Румянцев. Фридрих II отдает именно ему честь этой победы. (В издании Oeuvres posthumes (T. 2. 1789. S. 1) такой оценки роли П.А. Румянцева не найдено.) Румянцев своей атакой двадцатью батальонами во фланг и тыл прусской пехоты исправил ошибки главнокомандующего, и благодаря этому была одержана победа. Недостатки планов Апраксина привели к тому, что русская армия не смогла использовать свой численный перевес.

В лесу оставалось много пушек и масса бездействующих людей. На самом деле пруссаков победила армия, имевшая отнюдь не 55 тыс. чел. Если бы Апраксин ввел в действие все свои силы, он не просто победил, а уничтожил бы противника. Успех был одержан как-то незаметно, таково впечатление Болотова и впоследствии историка Соловьева. Его можно отнести не только к самой армии, но и ко всему русскому народу. Как ни странно, эта столь достойно выигранная битва не оставила в национальном сознании ощущения победы. Предание приписывает умирающему Лопухину такие слова: «Я напишу царице, что Апраксин погубил всю армию».

Но и Левальд не выказал себя великим тактиком. Он атаковал русских по фронту, не беспокоясь о том, что на фланге у него стоял корпус Сибильского. Намереваясь прорваться внутрь леса, он обвинил солдат в излишней, как у русских, осторожности. Не воспользовался он и преимуществами своих хорошо обученных войск и тем самым оставил неприятелю все выгоды численного превосходства. Конечно, обстоятельства складывались против него, делая решающую победу невозможной. Но если бы он обошел русские позиции и бросил на их фланги и тылы свою мощную кавалерию, то привел бы неприятеля в непоправимое замешательство. В аналогичной Норкиттену позиции Наполеон встретил русских при Фридланде в 1807 г. Однако главная ошибка Левальда заключалась в его непременном желании сразиться с Апраксиным. Последующие события показали, что и без боя он смог принудить его очистить всю Восточную Пруссию.

Получив донесение Левальда о происшедшей баталии, Фридрих II отнесся к нему не столь строго, как можно было ожидать. Он выразил старому генералу свое полное удовлетворение за проявленную храбрость, приписав все остальное случайностям войны, и не принял заявленную Левальдом отставку. Но в глубине души король был уязвлен этим поражением и долгое время не мог простить своим прусским «медвежьим шапкам» поражения от этих «варваров». Тогда Фридрих еще не испытал на себе всех качеств русской армии, ему еще предстояло встретиться с нею у Цорндорфа и Кунерсдорфа. Только увидев ее в действии, он перестал пренебрегать ею, ибо убедился, что она может побеждать не одного Левальда, но и других полководцев.

8 августа 1757 г. жители Петербурга были разбужены в четыре часа утра сто одним пушечным выстрелом, которые возвещали о победе над прусской армией.

Велика была радость Елизаветы при получении донесения Апраксина. Она щедро наградила всех начальников, которых представлял фельдмаршал, а также и Петра Ивановича Панина, принесшего ей счастливое известие. Напротив, великий князь, как сообщал французский посланник, «публично выказывал свое неудовольствие одержанной победой и не умел скрыть чувство печали. Сие произвело в высшей степени неприятное впечатление на всех русских, которые увидели, чего им следует опасаться, если когда-нибудь сей принц будет царствовать над ними». Великая княгиня, со своей стороны утешала и ободряла британского агента Вильямса, вынужденного покинуть Петербург. Молодой двор все так же оставался на стороне пруссаков и англичан.

Впрочем, Людовик XV ничего и не делал для того, чтобы привлечь к себе Екатерину — именно в этот момент он добился у саксонского двора удаления Станислава Понятовского. Подобные настроения великокняжеской четы становились для союзников тем более неприятными, что в сентябре у Елизаветы повторился серьезный приступ болезни. Но сама она твердо стояла на стороне коалиции. Говоря о своем племяннике, великом князе, она сказала: «Почему только нет у него брата!» Ей приписывали намерение оставить трон не ему, а его сыну, бывшему тогда еще ребенком.

Что касается великого канцлера Бестужева, то он так и не сумел возвратить себе доверие союзных дворов. Посланники Франции и Австрии непрестанно обвиняли его перед Елизаветой, и она соглашалась с графом Эстергази, что это «злой и скверный слуга», но не знала, куда определить его после отставки. «Дайте ему стотысячный пенсион, — советовал ей австрийский посланник, — и вы получите на этом тысячу процентов». Союзные дворы не сомневались в том, что фельдмаршал выслуживается не только перед канцлером. Именно Бестужеву вменяли медлительность Апраксина, который, кроме того, заискивал еще и перед великой княгиней.

В Вене и Париже не очень-то были довольны даже его победой 30 августа. Последующие события лишь усилили озабоченность союзников.

ГЕРОИ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Александрович Румянцев.

Когда заходит речь о самых известных и успешных полководцах в истории России, имя Петра Александровича Румянцева редко называется в числе первых. Между тем именно он явился основоположником принципов наступательной стратегии и тактики, которые принесли славу русской армии.

Свои детские и юношеские годы Петр Румянцев провел под руководством отца — Александра Ивановича, который выдвинулся при Петре I, затем подвергся опале и ссылке при Анне Иоанновне, но вскоре был прощен и успешно продолжил карьеру; с 1736 г. начальствовал над Малороссией, одновременно участвовал в дипломатических и военных делах, достиг чина генерал-аншефа. Знаменитым был дед (по матери) Румянцева — боярин Артамон Матвеев, ближайший советник и друг царя Алексея Михайловича, убитый мятежными стрельцами в 1682 г.

Принадлежность к древнему роду Румянцевых сулила маленькому Пете большую карьеру на государственной службе.

Сам мальчик при этом никак не стремился соответствовать ни высокому происхождению, ни большим надеждам родителей. Пётр рос самым настоящим хулиганом, который наводил ужас на округу и заставлял отца с матерью краснеть от стыда.

Пётр Румянцев с детства отличался пылким темпераментом, живым воображением и быстрым умом. С шести лет он был зачислен рядовым в гвардию, но получил по преимуществу домашнее воспитание и образование.

В 1739 году 14-летний подросток был определён на службу в дипломатическую миссию России в Берлине.

Отец рассчитывал, что этот статус образумит сына, но получилось наоборот — европейский воздух свободы ударил Петру в голову, и юноша пустился во все тяжкие. Спустя год из дипломатической миссии Пётр Румянцев был уволен с формулировкой «за мотовство, леность и забиячество». Хулигана и бузотёра определили для обучения в Сухопутный шляхетский корпус.

И напрасно — единственным человеком, который находил на него управу, был Румянцев-старший. Папа попросту порол сына, как сидорову козу, и на какое-то время это помогало.

А в шляхетском корпусе без надзора отца Пётр Румянцев продолжал развлекаться, да так, что всего за четыре месяца от его шалостей взвыли самые опытные и стойкие преподаватели, взмолившиеся — заберите его от нас, ради Бога, пока от учебного заведения хоть что-то осталось.

Из-за неусидчивости и шалостей распоряжением генерал-фельдмаршала Миниха юный Румянцев был направлен в армейский полк подпоручиком.

Вскоре он принял участие в русско-шведской войне 1741 — 1743 гг.

За два года войны Пётр Румянцев вырос в чине до капитана и был удостоен высокой чести — ему поручили доставить Елизавете в Петербург донесение о

заключении Абоского мира - Абоский мирный договор подписан при непосредственном участии его отца-дипломата, завершившего русско-шведскую войну.

За Абоский мирный договор отец получил графское достоинство «со всем нисходящим потомством», начиная с сына, которому тогда было 18 лет. Составленный отцом графский герб имел девиз (на латинском языке): «Не только оружием»; со временем он станет символичным и для сына.

По прибытии в Петербург молодой офицер получил чин полковника и был назначен командиром Воронежского пехотного полка.

Молодой граф окунулся в «удалую жизнь», его проказы так донимали отца, что тот писал Петру: «Мне пришло до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас…»

По настоянию родителей Румянцев женился на княжне Е. М. Голицыной. Брак оказался не очень удачным, супруги прожили в согласии только шесть лет — молодые люди друг к другу никаких чувств не испытывали, и их отношения всегда оставались холодными, несмотря на то, что у них родилось трое сыновей...

Нетрудным испытанием для него стало участие в демонстративном походе русского корпуса на Рейн для поддержки Австрии, которой угрожала Пруссия (1748 г.). После смерти отца в 1749 г. Румянцев, вступив во владение большой собственностью, постепенно переменился, посерьёзнел. Ровнее пошла и его военная служба. Смерть отца оказалась для Петра Румянцева настоящим потрясением, после которого он совершенно изменился. Вчерашний гуляка стал серьёзным человеком, целиком посвятившим себя военной службе.

В 1755 году Петру Румянцеву был присвоен чин генерал-майора, а годом спустя началась Семилетняя война, в ходе которой и раскрылся в полной мере его полководческий дар.

30 августа 1757 года в сражении с прусской армией при Гросс-Егерсдорфе генерал Румянцев командовал резервом из четырёх пехотных полков — Гренадёрского, Троицкого, Воронежского и Новгородского, — который располагался по другую сторону леса, окаймлявшего Егерсдорфское поле.

В разгар битвы, когда русский правый фланг под ударами пруссаков начал отступать, Румянцев без приказа по собственной инициативе бросил свой свежий резерв против левого фланга прусской пехоты. Залп и штыковая атака солдат Румянцева склонили чашу весов в сражении в пользу русской армии. Пётр Румянцев был произведён в генерал-поручики и получил под командование дивизию.

В 1758 году имя Румянцева стало наводить страх на опытных прусских военачальников. Уже в январе того года войска русских генералов Румянцева и Салтыкова заняли всю Восточную Пруссию. Летом 1758 года генерал Румянцев во главе конницы прикрывал манёвры русской армии и не дал пруссакам ни единого шанса нанести удар по основным силам.

В прошлом 2017 году в Калининграде в честь 260-летия сражения при Гросс-Егерсдорфе появилась улица Генерала – фельдмаршала Петра Румянцева. А в посёлке Муждуречье Памятный обелиск в честь победы российского оружия под Гросс Егерсдорфом был установлен в 1957 году.

По материалам работ http://www.rusdiplomats.narod.ru/rumyancev-ai.html

http://deduhova.ru/statesman/petr-aleksandrovich-rumyantsev-3adunajskij/

https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post254424961

Степан Фёдорович Апраксин.

Фельдмаршал. Командующий русской армией начального периода Семилетней войны. Его имя упоминается в отечественной историографии, как правило, в связи с битвой при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 года, и последующими за этим событиями.

Его предки вписали немало славных страниц в историю нашего государства.

Род графов и дворян Апраксиных хорошо известен на Руси, потому как «служили многия службы государству» и многие пали на поле битвы. Не случайно, что в фамильных гербах Апраскиных присутствуют воинские атрибуты: сабля, пушки, шлем.

Степан Фёдорович родился 30 июля 1702 года. Его отец – Апраксин Фёдор Карпович – был царским стольником. Он умер, когда мальчику было всего пять лет. Мама маленького Стёпы Елена Леонтьевна (в девичестве Кокошкина) повторно выйдя замуж за начальника Тайной розыскной канцелярии Андрея Ушакова, во многом этим браком помогла в последующей карьере сына.

Он получил хорошее образование, прекрасно владел немецким языком.

В 1718 году был зачислен солдатом в Преображенский полк, и уже через 10 лет дослужился до звания гвардейского капитана. Влиятельный отчим перевёл пасынка в Семёновский полк, где тот получил звание секунд-майора. Затем служба в штабе и в 1739 году Степан Апраксин становится генерал-майором. Через семь лет, он уже генерал-аншеф, с наградами, чинами и деньгами. Таких в армии называли «паркетный

начальник», поскольку звании и чины получил не на поля боя, а в штабных и придворных баталиях.

В 1757 году Россия вступила в Семилетнюю войну. Степан Фёдорович был назначен главнокомандующим, с соответствующим должности воинским званием – фельдмаршал. В мае месяце 100-тысячная русская армия под его командованием выступила из Лифляндии по направлению к Неману. При этом сам фельдмаршал ещё не знал, то ли пойдёт в Силезию, то ли на Кёнигсберг. Приказ был отдан идти на столицу Восточной Пруссии.

В июне были взяты Гумбиннен (Гусев) и Инстербург (Черняховск). Дорога на Кёнигсберг была открыта. Его прикрывала армия прусского фельдмаршала Левальда, численностью около 40 тысяч человек. Но Апраксин решил не форсировать события, и изменил направление главного удара, поведя войска в обход – на Алленбург (пос. Дружба). Армия, переправившись на левый берег Прегеля, остановилась вблизи деревушки Гросс-Егерсдорф. Разведка доложила Левальду, тот не стал ждать и пошёл в атаку. Сражение началось ранним утром 19 августа и оказалась полной неожиданностью для нашей армии. Русские, прижатые к лесу, болотистой низине, оврагу и столпотворению собственного обоза, отчаянно бились.

Дело могло закончится поражением, если бы не решительность Петра Румянцева. Молодой генерал, не дожидаясь приказа свыше, прорубился с четырьмя своими полками через лес и ударил в левый фланг армии Левальда. Пруссы в панике бежали.

Вместо преследования убегающего противника, Апраксин стал лагерем чуть дальше места сражения, и так простоял неделю. Затем отдал приказ идти на Тильзит и возвращаться в Россию. Какие цели преследовал Степан Апраксин? Неизвестно, но в армии поговаривали о предательстве. Левальд был разбит. До Кёнигсберга три дня походного марша. Но фельдмаршал ушёл с поля выигранного сражения, оставив на поле битвы тысячи убитых солдат. Жертвы оказались напрасны. По возвращению в Россию Апраксина обвинят в государственной измене, арестуют и отдадут под суд.

Степан Фёдорович Апраксин не дождётся решения суда. На одном из допросов он скончается от апоплексического удара.

По материалам работ о Семилетней войне

https://morky.livejournal.com/172234.html

https://www.sedmitza.ru/lib/text/443420/

Лопухин Василий Абрамович.

Российский военачальник, генерал-аншеф. Происходил из древнего дворянского рода.

«Дворянский род Лопухиных занимал важнейшую роль в социальной иерархии тогдашнего общества. Но нельзя сказать, что Лопухиным везло в жизни. Замешанные в придворные перевороты, авантюры и интриги Лопухины все чаще погрязали в противоправиях и злоупотреблениях. Над родом Лопухиных висел злой рок, который зловещей мистической тенью окутал всю их последующую историю. Стоит хотя бы вспомнить скандально известного своими служебными злоупотреблениями калужского губернатора Дмитрия Ардалионовича Лопухина, разоблаченного в 1802 году Особой комиссией, которую возглавлял сенатор, поэт Гавриил Романович Державин, прославившийся своей неподкупностью и справедливостью. Этот скандально известный на всю губернию случай вошел в основу сюжета Гоголевского ревизора. А случилось все в точности как описано у Гоголя. Надо сказать, злоупотребления Лопухина были широко известны калужским обывателям. Так, Лопухин ложно обвинил И. Н. Гончарова, брата А. Н. Гончарова, владельца Полотняного Завода, в том, что в его доме происходит незаконная карточная игра, и на этом основании, грозя ему ссылкой в Сибирь, заставил Ивана Николаевича уничтожить вексель на 20000 рублей, которые Лопухин был должен Гончарову. Более того, еще 3000 рублей он взял у него "взаймы". По приказанию помещика Хитрово был убит его брат, но убийца смог откупиться, дав губернатору взятку в размере 75 тысяч рублей. А у калужской помещицы Хвостовой Лопухин вообще отнял ее имение для своего городничего Батурина». (Зловещий рок рода Лопухиных. О. В. Мосин, С. А. Мосина)

Участник Семилетней войны (1756–1763 гг.) родился в семье Авраама Федоровича Лопухина, брата первой супруги Петра I царицы Евдокии Фёдоровны, казненного в 1718 г. по делу царевича Алексея. Образование получил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. После его окончания выпущен в армию прапорщиком. Под знаменами генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. С января 1737 г. командир Кексгольмского пехотного полка. Во главе полка штурмовал Очаков, участвовал в сражении при Ставучанах и взятии крепости Хотин. В 1740 г. пожалован чином генерал-майора. В составе войск генерал фельдмаршала П.П. Ласси сражался со шведами в ходе Русско-шведской войны 1741–1743 гг.

Представлял тип профессионального военного, чуждого дворцовых интриг, поэтому его не коснулась опала семьи по так называемому «делу Лопухиных» об антиправительственном заговоре в 1743 г. В 1756 г. произведен в генерал-аншефы.

В составе действующей армии, вступившей в Восточную Пруссию, руководил 2-й дивизией. В сражении при Гросс-Егерсдорфе командовал левым флангом русской армии, принявшей на себя основной удар пруссаков. Основная битва шла в центре. Те прусские полки, что были на правом прусском фланге, и наступали во фронт - даже не дошли до русской линии, завязли в бою и отступили. Зато остальные, как и предполагалось, практически разбили фланг второй дивизии Лопухина. Правда, на это им понадобилось несколько часов – русские полки так и не побежали, бросив линию, а стояли насмерть, постепенно оттесняемые в лес, откуда их подкреплял резервами Салтыков. Наконец, сам комдив Лопухин был уже смертельно ранен и захвачен пруссаками, генерал-поручик Зыбин убит. В самый критический момент, как и полагается, через лес, прямо во фланг немцам неожиданно продрались засадные полки Румянцева. После его удара и контратаки полков 2-ой дивизии немцы побежали. Лопухина отбили, но он умер на руках у солдат.

К 10 часам утра сражение закончилось. С нашей стороны потери (ранеными и убитыми) оценивают в 5,4 тыс. человек, потери немцев в 5 тысяч человек.

В победной «Реляции» императрице командующий генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин пишет: «Главная наша потеря в том состоит, что командовавший нашим левым крылом храбрый генерал Василий Абрамович Лопухин убит, но своею неустрашимою храбростью много способствовал одержанию победы, толь славно жизнь свою скончал, что почтение к своим добродетелям тем ещё вящше умножил… Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе Вашего императорского величества прямое усердие. Быв вдруг тремя пулями весьма тяжко ранен, однако же, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля и здоров ли фельдмаршал? И как ему то и другое уверено, то последние его были слова: теперь умираю спокойно, отдав мой долг всемилостивейшей государыне».

В 1764 г. останки Лопухина были перевезены в Москву и перезахоронили в родовой усыпальнице в Андрониковом монастыре рядом с женой.

За воинские заслуги был награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Анны, золотой шпагой «За храбрость» с бриллиантами. Народные песни о генерале В. А. Лопухине являются наиболее многочисленными среди песен о Семилетней войне и в дальнейшем были очень популярны в армии во время Отечественной войны 1812 года. В память о нем в деревне Щелканово Калужской губернии сохранилась, к сожалению, в весьма плачевном состоянии, его родовая усадьба и прекрасный храм Рождества Христова, завершенный строителями в год гибели воина.

По материалам работ Зловещий рок рода Лопухиных
http://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsettingsolegmoidokumentyzlojroklopuhinyhrtf.shtml

https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post327562762

Неловкое положение Апраксина и Бестужева.

Летом 1757 года русское войско было отправлено на войну против Пруссии.

Начальство над ним поручено было генерал-аншефу Степану Федоровичу Апраксину. Этот человек в военном деле не ознаменовал себя ничем блестящим в предшествовавшее время, кроме разве того, что, бывши еще не в слишком высоких чинах, участвовал в войнах Миниха против турок.

Это был тщеславный, изнеженный, облени вшийся боярин, хотя не без природных способностей. Английский посол Вилиамс, знавший его лично, сообщает, что он был большой щеголь и, отправляясь в поход, послал своего адъютанта в свой дом привезти ему двенадцать полных костюмов, точно так, как будто он собирался не воевать, а рисоваться перед дамами.

По приговору другого англичанина, Мичеля, 54-летний Апраксин, несмотря на свои огромные богатства, был очень расточителен и способен на подкуп, что и подавало прусскому королю повод говорить, что стоит послать ему значительную сумму денег, чтоб побудить его замедлить свой марш под какими-нибудь предлогами.

Степан Фёдорович был человек огромных размеров: исполинский рост, богатырская ширина в плечах и нездоровая полнота. Недруги и завистники, а и тех, и других у Апраксина было немало, за глаза называли его «боровом». Говорить ему это в лицо было опасно. Не всякий решится задирать человека, который на добрых две головы возвышается над любой толпой. Современники отмечали, что мало кто любил пышность и роскошь так, как Степан Апраксин. Генерал-фельдмаршал испытывал какое-то звериное влечение к богатым нарядам, дорогим кушаньям и, особенно, редким лошадям. Это, не считая всяческих мелочей. Известно, что Апраксин заказал себе мебель из Франции. В этом даже есть какая-то жизненная ирония. Мебель надобно держать дома, но сам генерал-фельдмаршал дома почти не бывал. Жизнь его проистекала в походах, хотя само осознание того, что обладаешь чем-то дорогим, даже если что-то дорогое находится вне поля зрения, может сделать человека счастливым. И тем не менее, свою французскую мебель Апраксин за собой в походы не возил, хотя личный обоз генерал-фельдмаршала чем-то напоминал императорский.

Телег в обозе Апраксина было больше, чем в обозе его же армии. Везли его более пятисот лошадей; а когда приходилось стоять, тут добывались и ставились великолепные, обширные палатки, где отправлялись шумные пиршества с музыкою и пальбою. Подчиненные говорили о нем, что он привык более пировать за сытными

обедами, валяться в пуховиках, чем довольствоваться походною пищею и неприветливым ночлегом под дождем.

Однажды он отправил адъютанта из Риги в Петербург за новой одеждой. В годы Семилетней войны возил за собою по Пруссии серебряную посуду. Из всего этого сложилась репутация Апраксина, как первого Петербургского франта. Впрочем, любовь к роскоши развилась у него ближе к концу жизни.

Положение, в котором очутился Апраксин, будучи призван волею императрицы к начальству над войском, было критическое, и это сознавали как он, так и Бестужев. Императрица ненавидела прусского короля, но малый двор с великим князем и великою княгинею во главе относился совсем иначе к Пруссии и Англии. Великий князь постоянно восторгался прусским королем и старался копировать его, а великая княгиня казалась более расположенною к Англии, чем к Франции.

Случись смерть императрицы, - а при ее частых припадках болезни этого можно было ожидать, - и вся политика России изменилась бы. Вместо союза против Пруссии образовался бы в Европе союз за Пруссию, и Россия, управляемая новым государем, приняла бы в таком союзе первенствующее значение. Нужно было Апраксину искусно лавировать - идти вперед на войну, исполняя волю государыни, и в то же время оглядываться - что делается позади, в Петербурге.

По материалам работ Осторожный Апраксин https://diletant.media/articles/32395352/

Алексей Петрович Бестужев –Рюмин.

Родился в 1693 году. Граф.

Выдающийся российский дипломат середины 18 века.

Большой интриган и великий мастер закулисных дел. Впрочем, таким, наверное, и должен быть дипломат.

Дважды был приговорён к смертной казни, и оба раза её успешно избежал. Участник всех возможных дворцовых переворотов, случившихся при дворе российских императоров и императриц.

Канцлер, генерал-фельдмаршал и первоприсутствующий в Сенате.

В период царствования Елизаветы Петровны, старался проводить самостоятельную политику.

В военном ведомстве его единомышленниками считались А.Б. Бутурлин и С.Ф. Апраксин.

Держал под своим контролем почтовое ведомство, что позволяло вскрывать и дешифровывать депеши иностранных дипломатов.

По его инициативе была создана «Конференция при Высочайшем дворе». По сути, кабинет министров. Конференция состояла из 10 лиц и должна была собираться два раза в неделю. Пользовалась законодательной властью и давала распоряжения Сенату и Синоду.

В сентябре 1756 года, Россия объявила Пруссии войну.

В мае 1757 года российская армия вошла в пределы Восточной Пруссии, а в конце августа нанесла поражение фельдмаршалу Левальду в битве при Гросс-Егерсдорфе. До Кёнигсберга два-три дня хода. Но главнокомандующий русской армией Степан Апраксин, получив письмо от Бестужева-Рюмина с требованием вернуть армию назад в Россию, принимает решение оставить Пруссию, и переправившись через Прегель, уводит войска обратно в Тильзит.

У канцлера в этом эпизоде Семилетней войны, был свой интерес. Императрица Елизавета Петровна в ту пору тяжко хворала. Речь шла о престолонаследнике. Царский трон должен был получить племянник Елизаветы Пётр Фёдорович (будущий император Пётр III). Но такой расклад в силу разных причин, не устраивал Бестужева-Рюмина. Он смотрел дальше. Его целью было возведение на трон супруги Петра – Екатерины, и здесь требовалась поддержка армии.

Далее случилось то, что случилось: Елизавета Петровна пошла на поправку. Замыслы интригана были раскрыты. Апраксина сняли с должности главнокомандующего и отдали под суд, а канцлера приговорили к смертной казни.

По свидетельству современника, во время ареста Бестужев «сардонически улыбался», сохранял весёлость и «даже угрожал своим врагам».

Вскоре смертная казнь была заменена ссылкой в Можайский уезд. Большая часть имущества оставлена. Алексей Петрович в месте ссылки построит новый дом, который назовёт «обителью печали», где и проживёт до середины 1762 года, когда царский престол займёт Екатерина. Бестужев-Рюмин будет немедленно возвращён в Петербург. Ему вернут все отобранные награды и звания, а также назначен пансион в 20 000 рублей в год. Екатерина переименовала канцлера в генерал-фельдмаршала, назначила «первым Императорским советником», правда без получения официальной должности… В общем всё хорошо получилось у Алексея Петровича.

Растроганный старик дважды предлагал Сенату и комиссии о дворянстве поднести Екатерине титул «матери Отечества», но императрица оба прошения отклонила. Не глянулась ей, видимо, должность «матери». Но Бестужев-Рюмин не расстроился, а

вовсе наоборот – ушёл с головой в религию. Построил в Москве у Арбатских ворот храм во имя св. Бориса и Глеба, где и был в апреле 1766 года погребён.

И что тут не говори – талантливый человек. Без сомнения.

А. Рамбо. Русские и Пруссаки

Глава пятая

ОТСТУПЛЕНИЕ АПРАКСИНА

Почему же победа 30 августа 1757 г., столь воодушевившая друзей России и повергнувшая в уныние ее врагов, не дала никакого результата? Почему она окончилась поспешным отступлением и почти полным уходом с завоеванной территории?

Почему разбитый при Грос-Егерсдорфе Левальд смог в конце концов оказаться чуть ли не победителем?

После своего успеха Апраксин не преследовал неприятеля, хотя было всего десять часов утра, а корпус Сибильского так и не побывал в бою. Главнокомандующий мог объяснить это очень большим риском наступления по болотистой и лесной местности.

Он отправил Левальду любезное письмо, в котором заверял, что все прусские пленники могут рассчитывать на хорошее обращение, и, кроме того, предлагал обменять их на захваченных русских.

Левальд тем временем перешел Прегель и занял весьма сильную позицию у Вилькенсдорфа. Болотов удивлялся всему этому:

«...увеселяли мы уже себя предварительною надеждою, что скоро и весьма скоро увидим мы уже и славный их столичный город Кёнигсберг и вступим в места, наполненные изобилием во всем; и как все нетерпеливо желали, чтоб скорее сие совершилось, то не успел настать третий день после баталии, и мы в оный поутру услышали биемую зорю, а не генеральный марш, то все начинали уже гораздо поговаривать: «Для чего мы тут стоим и мешкаем так долго?».

2 сентября Апраксин выслал большую разведку. Надо было или атаковать пруссаков, или обойти их с правого фланга. Однако он не решился на это, ограничившись только занятием позиции по Алле, от Алленбурга до сожженного Бюргерсдорфа. Не пытались захватить даже Велау, господствовавший над слиянием Алле и Прегеля, где находились магазины Левальда. На другой берег Алле был послан Краснощеков, а казаки Серебрякова доходили до Фридланда и блокировали Велау.

Апраксин понимал, что нельзя идти на Кёнигсберг, не разбив пруссаков еще раз, но он считал это невозможным — 30 августа полки потеряли слишком много людей и оставалось рассчитывать лишь на быстрые подкрепления, столь необходимые для войск, обескровленных огнем, железом и болезнями.

8 октября Левальд отошел от Вилькенсдорфа к Велау и Тапиау, словно освобождая путь для отступления русской армии, а Апраксин принял решение начать отход к Тильзиту и линии Немана.

На созванном по этому поводу военном совете рассматривались два плана: один, рискованный, заключался в том, чтобы атаковать Левальда; другой, строго расчетливый, предусматривал отступление. Совет почти единодушно высказался за последнее, полагая возможным в таком случае возобновить сообщение с Россией, переформировать армию, приготовиться к новому наступлению и, в частности, захватить порт Лабиау на Куриш-Гафе.

В донесении от 14 сентября Апраксин так объясняет свое решение:

«Не я ретировался, но его (неприятеля), из крепкого места выжив, оное Вашему Величеству в подданство подвергнул; и так со всякою честью и славою к Тильзиту поворотил для того, чтобы утомленное толикими маршами войско в голодной земле какому-либо несчастью не подвергнуть. Я весьма удостоверен, что неприятель не может хвалиться, что он своими военными хитростями победоносное оружие принудить мог свой поворот к Тильзиту <...> учинить. <...> Равным образом и высокие союзники нарекать не могут, когда колинскую над прусской армиею победу вспомянут...»

Он напомнил, что ни Фридрих II после победы при Лобозице, ни австрийцы после Колинского сражения не преследовали неприятеля.

9 сентября, направив казаков Демолина, Краснощекова и Серебрякова демонстрациями сдерживать пруссаков на линии Алле, Апраксин отдал приказ выходить из Ал л енбурга на Инстербург. Первые три дня армия шла с запада на восток, огибая большой Астравишкенский лес, после чего повернула прямо на север.

Отступление оказалось очень тяжким: удушающая жара и густая пыль в воздухе от песчаной почвы внезапно сменялись изнурительными проливными дождями. Вдоль дороги валялось множество лошадиных трупов. Апраксин приказал сжечь большую часть повозок, чтобы было чем тащить артиллерию. Уже не хватало продовольствия и фуража. Среди людей начались болезни, в том числе и заразные: тиф, оспа, цинга, дизентерия.

Окруженный казачьей завесой, Левальд в течение нескольких дней ничего не знал про уход Апраксина из Алленбурга. Известившись об этом, он спешно

развернулся во фланг неприятелю и стал тревожить его кавалерией. 19 сентября генерал Рюш и принц Голштинский атаковали русских, подбирая отставших и захватывая пленных. Апраксину пришлось спешно очистить Гумбиннен и сжечь там свои магазины. Одновременно малую войну против захватчиков возобновили и крестьяне. Но если русские и совершали тогда какие-то эксцессы, то это было оправдано как репрессии за нападения обывателей.

По мере приближения к Тильзиту дороги становились все хуже и хуже. Снова пришлось пожертвовать частью повозок, но их оставалось еще столько, что переправа через Инстер заняла целых четыре дня, с 16-го по 19-е. Авангард Левальда, преследовавший русских почти по пятам, вступил 19-го в Инстербург, и жители смогли наконец отречься от своей присяги царице.

Генерал Рюш нападал на конвои и захватил много скота и муки. Теперь Апраксин уже не считал необходимым щадить чужую страну. Превращая ее в пустыню, он, по крайней мере, задерживал врага. Не прошло и двадцати дней после победы, а его армия превратилась в армию преследуемую. Малаховский, Рюш и герцог Голштинский вели на ее флангах такую же войну, как и казаки 1812 года против Великой Армии Наполеона. Апраксин хотел дать своим войскам хотя бы короткий отдых у Зесслакена, но в тот же день вынужден был уйти при приближении Левальда, который теперь уже не отрывался от него. Оба противника почти одновременно подошли к окрестностям Тильзита. 23 сентября Апраксин совершил торжественный въезд в город, встреченный всем магистратом при звоне колоколов и пушечных залпах. Надобно было внушить населению должное почтение.

Но Апраксина снедало внутреннее беспокойство. Ведь именно Тильзит он назначил крайней точкой своего «маневра», да и Конференции обещал задержаться лишь для приготовления к новому наступлению. А теперь, чтобы только закрепиться здесь, надо было давать новое сражение. На следующий день принц Голштинский и Левальд заняли самые близкие к Тильзиту деревни. В небольшом соседнем городке Рагнит жители вместе с гусарами Малаховского прогнали русский гарнизон.

Царская армия оказалась в тяжелом положении — число одних только больных достигало 9 тыс. Солдаты были деморализованы: развал интендантства породил повальное мародерство и грабежи. Вспомним, что в такой же стране и при таких же условиях Великая Армия 1812 года начала разлагаться еще до вступления в Россию. Мародерство ожесточало обывателей, а их месть влекла за собой еще более жестокие репрессии.

Город Рагнит, отданный казакам и волжским варварам, был разграблен и сожжен. Из его жителей не менее двадцати поплатились своей жизнью. Таким образом, Тильзит надо было защищать среди враждебной местности, где уже начинался голод. Не представлялось возможным подвезти что-нибудь и по Неману.

толь же неблагоприятной оказалась тактическая обстановка: в случае сражения тыл опирался бы на реку, а фланги на враждебные города — Тильзит и Рагнит. Пылкий кавалерист генерал Демолин заявил, что вся местность перед Тильзитом вообще непригодна для действий конницы и артиллерии — топкая, болотистая и заросшая кустарником, где все преимущества будут на стороне местных обывателей.

24 сентября военный совет решил удерживать Тильзит как можно дольше до завершения переправы через Неман и, пользуясь передышкой, отправить всех ненужных лошадей в Курляндию, а две трети нерегулярных войск отослать обратно в Россию, оставив только 4 тыс. донцов. Остальные никуда не годились, поелику, лишь озлобляя обывателей, лишали не только их, но и саму армию всякого пропитания.

Переправить армию обратно через Неман также было делом нелегким. Никто не мог предвидеть заранее все те обстоятельства, из-за которых ее положение стало столь критическим: смелое наступление Левальда после поражения; дожди, задерживавшие и изматывавшие войска; моральное и санитарное их состояние; наконец, отпор со стороны населения. А пока на укреплениях Тильзита производились ремонтные работы и там устанавливали пушки. Одновременно строили два дополнительных моста через Неман.

24 сентября по свайному мосту прошла кавалерия, 25-го началась переправа пехоты, и еще через день были готовы оба новых моста. 27-го с утра до ночи армия еще продолжала переходить на другой берег, и наконец 28-го арьергард оставил Тильзит и Рагнит, предварительно уничтожив весь провиант и все воинские припасы, которые не удалось взять с собой. Для устрашения жителей на крыши домов были навалены груды соломы, но их все-таки не запалили, хотя мосты сожгли. Все операции поддерживались огнем артиллерии, на который пруссаки не замедлили ответить. 29-го Левальд занял Тильзит, а Малаховский уже выслал разведку вслед русской армии. Выстрелы с бастионов оказались последними за всю кампанию 1757 г.

Было очевидно, что дело не ограничится отступлением за Неман — придется уйти даже за границу Пруссии, отказаться от завоеванных территорий и потерять все плоды Грос-Егерсдорфской победы. Побежденные получили полный и безоговорочный реванш.

После 9 октября положение армии еще более ухудшилось: надо было везти 15 тыс. больных и раненых; в обозе почти совсем не оставалось лошадей для перевозки клади; по пути приходилось бросать множество экипажей и повозок. Из арьергарда все время доносились выстрелы — прусская кавалерия тревожила отступавших, не ввязываясь в настоящий бой, но неотступно сопровождала неприятельскую армию. Апраксин с основными силами шел на Мемель, а еще одна колонна следовала восточнее, более коротким путем, чтобы скорее выйти из прусских владений. 16 октября Апраксин достиг Мемеля.

Он решил сохранить, по крайней мере, этот первый и последний трофей столь успешно начавшейся кампании, где пока еще развевались царские знамена. Фельдмаршал оставил там гарнизон в 10—12 тыс. чел. под началом Фермора, а с остальными силами прошел через Самогитию (Самогития — историческое название территории, находившейся на прусско-литовском побережье Балтийского моря) и остановился на зимних квартирах в Курляндии.

Но если в Петербурге ликовали после победы 30 августа, то теперь были поражены тем, что Апраксин вместо продолжения наступательных действий намеревался идти назад. Во весь голос возопили посланники Франции, Австрии и Саксонии. Граф Эстергази все еще радовался донесениям Сент-Андре, австрийского военного агента при русской армии, однако и сама армия, и ее командующий получили весьма суровую оценку одного прикомандированного к ней австрийского офицера:

«Ежели принять во внимание, сколь мало порядка в сей армии, то и не следует удивляться всем несчастьям и бедам, в оной происходящим <...>.

Когда фельдмаршал Апраксин встретился с толикими препонами продвижению его армии, каковое сходствует с переселением некоего варварского народа, принужден он был, прежде чем вступить в Пруссию, отправить обратно избыток повозок и лошадей, как советовал ему генерал де Сент-Андре, а также избавиться от большей части своих татар, каковые пригодны лишь на то, чтобы опустошать занятую местность. Надо было что-то делать с множеством повозок, которыми сообща владели солдаты.

При известии о Кошеницкой баталии в Богемии (имеется в виду битва при Колине 7 июня 1757 г.) имевший вполне определенные инструкции фельдмаршал Апраксин решился вступить в Пруссию и совершил сие, не приняв даже малейших мер предосторожности. Он счел вполне достаточным выслать вперед казаков и калмыков, которые подвергали все вокруг грабежу и разорению, так что для шедшей за ними армии уже ничего не оставалось. Сей генерал дал обитателям Пруссии наикрепчайшие заверения в защите и восстановлении порядка и дисциплины, и жители сей Провинции поспешали со всех сторон для принятия присяги, безропотно доставляя все, что от них требовали. Но едва утвердились они в своей доверчивости, как воспоследовали всяческие обиды, поджоги домов, убийства, насилия, взламывание церквей и святотатства, вплоть до извлечения из земли мертвых тел. От сих неслыханных ужасов сия столь процветающая и изобильная страна, где любая другая армия могла бы безбедно существовать в течение долгого времени, превратилась в истинную пустыню. Все сии жестокости принудили несчастных

обывателей бросить свои земли и бежать от русских варваров в надежде найти у прусской армии убежище и оружие для мщения. <...>

Все неудачи сей кампании объясняются: 1. Неспособностью командующего, который позволил руководить собой злонамеренным людям: 2. его амбициями, алчностью и нежеланием действовать.

<...>

Хотя согласно всеобщему мнению русский солдат хорошо переносит всяческие тяготы, однако опыт показывает, что эти с виду столь крепкие люди вследствие дурной пищи менее выносливы, нежели наши. Сие подтверждается еще и тем, что в течение трех лет Россия выставила более 150 тыс. рекрутов, но при этом ее пехота уменьшилась к концу кампании с 50 тыс. до 20.

За одно лето число больных достигло 10 тыс., равно как столько же насчитывалось и умерших. Из всего сказанного следует, что нельзя рассчитывать на серьезную помощь со стороны сей державы, каковая, обладая великими природными богатствами, столь плохо исполняет свои обязательства и не в состоянии при нынешних порядках что-либо противупоставить хорошо дисциплинированным войскам.

При первом знакомстве с русской армией более всего поразил меня ее авангард, состоявший из двух полков кавалерии и пяти пехотных: едва тащившиеся малорослые лошади и люди самой дурной наружности. Пехота, насчитывающая едва 20 тыс. чел., находится в крайне жалком состоянии. Через два лье после авангарда я встретил колонны повозок, но ничто не указывало на то, что за ними идет армия. По дороге едва брели больные, и многие почти замертво падали по обеим ее сторонам. Тут же замешалась и целая толпа мародеров вкупе с погонщиками, сопровождавшими по трое, а то и более, каждую корову и каждого

быка. Саму армию я нашел лишь в двух лье, но не увидал не только двух линий, но даже и одной в должном порядке. Мне сказали, что у русских не принято становиться лагерем на две линии, а предпочитается угол, полумесяц или каре, так чтобы штаб и обоз всегда были в центре. <...>

Повседневная армейская служба такова же, как и все прочее.

Фельдмаршал Апраксин никогда не дает себе труда разведывать неприятельские позиции, и его генералы неукоснительно следуют сему примеру. Вследствие сего получались одни только ложные известия о местонахождении и маршах пруссаков. Аванпосты и передовые разъезды дело здесь неслыханное. Все передоверено казакам и калмыкам, кои обычно ничем, кроме грабежа, не занимаются.

Фельдмаршал никогда не прибегает к услугам шпионов, зато г-н Левальд держал при самом фельдмаршале гоффурьера — придворный квартирмейстер, который почти всякий день ходил в прусский лагерь, дабы сообщать, что происходит и о чем говорят не только в русских полках, но и у самого главнокомандующего. Сему несчастному, когда он был разоблачен, удалось спастись...» - из донесения офицера, посланного гр. Эстергази к русской армии в Пруссии.

Однако посланники Франции и Австрии, раздраженные подобными донесениями, были недовольны больше Бестужевым, нежели самим Апраксиным, и громко обвиняли великого канцлера в измене, а фельдмаршала подозревали в сговоре с ним и с молодым двором.

Именно тогда Бестужев тесно сблизился с Екатериной. Видя у царицы ухудшение болезни и понимая все ничтожество великого князя, он придумал такой план, который принес бы великой княгине императорскую корону или в качестве соправительницы мужа, или как регентше при сыне. В своих мемуарах Екатерина признается, что великий канцлер сообщил ей о своем замысле, но она не придала никакого значения «подобному вздору» и сожгла это компрометирующее письмо. Но все-таки великая княгиня была готова к любому развитию событий и даже рискнула сказать в присутствии всех иностранных посланников и самого Лопиталя: «Никакая женщина не сравнится со мной по смелости; в этом я дохожу до безумия».

Однако, сколь бы ни осмелели Екатерина и Бестужев, какие бы рискованные планы они ни вынашивали, для них все-таки не было никакой пользы в том, чтобы кампания 1757 г. окончилась унизительной катастрофой. Если они рассчитывали на армию и если, как утверждал Вильямс, «Апраксин был всецело предан великой княгине», у них не могло быть ни малейшего интереса, чтобы эта армия была разбита, а ее главнокомандующий совершенно опозорился! Напротив, Бестужев не уставал побуждать Апраксина, дабы тот прекратил это обескураживающее отступление. Екатерина также писала к нему в том же смысле, и если эти письма вменялись ей потом как государственное преступление, то вовсе не потому, что она давала фельдмаршалу дурные советы, а из-за недопустимости для нее, всего лишь великой княгини, переписываться с командующим армией.

Таким образом, никакие политические соображения не повлияли на отступление Апраксина, оно объяснялось чисто военной необходимостью, и г-н Масловский, используя архивные документы, с очевидностью доказал это.

При первых известиях об отступлении Конференция, осаждаемая протестами посланников, даже не знала, что и отвечать. 24 сентября им было сказано, что все

объясняется лишь нехваткой фуража, отчего армии и пришлось сделать несколько маршей в обратном направлении. Апраксину сразу же послали приказание возобновить наступление и хотя бы попытаться взять Лабиау. Но 25 сентября Апраксин сообщал об отступлении в Курляндию, а 3 октября заявил, что не имеет возможностей к возобновлению военных действий. 5-го объявлен новый указ царицы: Коллегии иностранных дел предписывалось сообщить союзным дворам о состоянии дел, при котором «справедливо мог наш фельдмаршал рассудить, что не только для нас, но и для самих союзников наших несравненно полезнее сохранить к будущей кампании изрядную армию, нежели напрасно подвергать оную таким опасностям, которые ни храбростью, ни мужеством, ни человеческими силами отвращены быть не могут».

Приходилось обещать наступление в скором будущем, хотя армия на самом деле была неспособна на это, что и подтвердил военный совет 9 октября. Тем не менее в главную квартиру пришло письмо, подписанное самой царицей, где фельдмаршалу Апраксину повелевалось: 1. удерживать Мемель; 2. наступать на Лабиау; 3. угрожать Кёнигсбергу; 4. Разгромить Левальда, если он перейдет через Неман. В ночь на 17 октября собрался военный совет, где было решено, что если и можно удерживать Мемель и даже побить Левальда, коль скоро он отважится на наступление, но снова занять Восточную Пруссию и угрожать Лабиау или Кёнигсбергу нет никакой возможности.

Присутствовавшие на этом совете генералы были не только людьми военными, но еще и придворными. Они проявили глубокое чувство долга и даже в некотором смысле смелость, противясь приказу, подписанному Елизаветой. Решение оказалось единодушным, и Фермор, который вскоре сменил Апраксина, выразил то же мнение, что и он. Совет посчитал невозможным выполнить такой приказ «без подвержения к истреблению всех людей и лошадей голодом, а потому их совершенному и безоборонному от неприятеля всей армии разбитию; прежде получения точного высочайшего повеления о невзирании ни на какую видимую всей армии бесплодную погибель в то не вдаваться».

Однако царица не могла отдать такого официального приказания. Тем не менее нужно было хоть как-то удовлетворить посланников, а для этого требовался козел отпущения или искупительная жертва. Ею и оказался Апраксин. 28 октября он был отрешен от должности и предан суду. Его заменил Фермор. Назначенный судить Апраксина военный совет весьма затруднился признать фельдмаршала виновным, поскольку в этом случае пришлось бы считать его сообщниками всех генералов действующей армии. Опалу разделил с ним только начальник штаба Веймарн.

Отстранение Апраксина вызвало в армии горячие сожаления.

Хоть она и жестоко пострадала под его командою, однако чтила в нем того, кто привел ее к первой победе над немцами. Секретарь фельдмаршала Веселицкий писал 25 ноября Бестужеву:

«Отбытие Его Превосходительства генерала-фельдмаршала и кавалера Степана Федоровича Апраксина в Санкт-Петербург между солдатами к разным гаданиям повод подало. Сожаление их потому весьма велико; они себе за крайнее несчастие поставляют, что такого главного командира, которого весьма любят и почитают, лишились; они друг к другу сими экспрессиями прямо отзываются: «В кои-то веки Бог нас было помиловал, одарив благочестивым фельдмаршалом, да за наши грехи опять его от нас взял. А от нечестивых немцев какого добра ждать? Ведь одноверцы: ворон ворону глаза не выклюет; где им так радеть и стоять, как наши природные! Ведь и в баталии наши же православные, кои с правдою и с верою всемилостивейшей нашей матушке Елизавете Петровне служат, убиты», и прочая сим подобная. Одним словом, внутреннее их о том неудовольствие, что при армии первоначальные особы иноземцы, весьма легко приметить можно. Мне, яко наипоследнейшему рабу Ее Императорского Величества, такие общие их разговоры, в рассуждении нынешних конъюнктур, весьма важными показавшись и понимая, сколько вреда и опасности от недоверия к главным командирам родиться может, а напротив того, от любви и доверенности какую пользу и благополучие ожидать надобно, по ревности и усердию моему в предостережение Ее Императорского Величества интересов, за необходимо нужное почел, как слух до меня дошел, Вашему Сиятельству всенижайше о том предоставить и поправление того глубокому Вашему проницанию предать».

Однако начатое против Апраксина следствие внезапно приняло совсем неожиданный оборот. В его бумагах были найдены письма Бестужева и даже три записки великой княгини.

Великому князю, ненавидевшему свою жену и затаившему обиду на канцлера, пришла в голову весьма странная идея пожаловаться графу Эстергази, который посоветовал ему довериться царице. Петр последовал этому совету и покаялся во всем, что говорил и делал прежде, оправдывая себя дурными советами Бестужева и Екатерины. Елизавета была тронута и простила племянника, а свой гнев перенесла на его советчика. Коалиция вице-канцлера Воронцова, секретаря Волкова и Шуваловых, интриговавшая против канцлера, восторжествовала. 25 февраля, прямо на заседании Конференции, Бестужев был арестован. Однако он успел уничтожить свои бумаги и предупредить великую княгиню, что для нее нет ничего опасного. Тем не менее с одной стороны ей угрожал гнев тетушки, с другой — вражда мужа. Понятовскому удалось передать Екатерине письмо, в котором он предупреждал, что ее хотят отправить обратно в Германию. Почти сразу же арестовали самых близких ее

конфидентов: Елагина, Ададурова и ювелира Бернарди. Был выслан голштинский посланник Штамбке.

Специальная комиссия в составе Никиты Трубецкого, Бутурлина, Александра Шувалова и секретаря Волкова начала следствие по делу Бестужева. Ему был предложен ряд вопросов: для чего он искал милости у великой княгини и скрыл ее переписку с Апраксиным? какова была цель его встреч и разговоров со Штамбке и Понятовским? «Его Высочеству Великому Князю говорил ты, что ежели Его Высочество не перестанет таков быть, каков он есть, то ты другие меры против него возьмешь; имеешь явственно изъяснить, какие ты хотел в Великом Князе перемены и какие другие меры принять думал». Затем велено было объяснить, «каким образом Апраксин вошел в такой кредит у Великой Княгини и кто его в оный ввел?»

К счастью для обвиняемых, они успели заранее уничтожить все важные документы. Комиссия о многом догадывалась, но не могла ничего доказать. Кроме того, она не решалась слишком углублять следствие, опасаясь, что виновными окажутся слишком многие высокопоставленные особы. Было признано, что Бестужев:

«1. Клеветал Ее Императорскому Величеству на Их Высочеств, а в то же время старался преогорчить и Их Высочеств против Ее Императорского Величества.

2. Для прихотей своих не только не исполнял именные Ее Императорского Величества указы, но еще потаенными происками противился исполнению оных.

3. Государственный преступник он потому, что знал и видел, что Апраксин не имеет охоты из Риги выступить и против неприятеля идти ... вместо должного о том донесения вздумал, что может то лучше исправить собственно собою и вплетением в непозволенную переписку такой персоны, которой в делах никакого участия иметь не надлежало <...>.

4. Будучи в аресте, открыл письменно такие тайны, о которых ему и говорить под смертною казнию запрещено было».

Комиссия приговорила его к смерти, но предала дело монаршему милосердию. Бестужев содержался под арестом до апреля 1759 г., после чего был сослан в одну из своих деревень. Что касается Апраксина, то он умер во время следствия.

Саму великую княгиню не вызывали в Комиссию и не отослали обратно в Германию, но подвергли своего рода домашнему аресту и опале, продлившейся до 1759 г. Лишенная своих высланных или арестованных друзей, Понятовского и голштинского посланника, чьими советами она пользовалась, находясь под строжайшим полицейским надзором, томясь в печалях и слезах, Екатерина искала все-таки какие-то средства, чтобы оправдаться. Она привлекала на свою сторону

духовника Елизаветы и писала императрице самые смиренные письма, унижаясь еще более, чем сама признает в своих мемуарах. Ей удалось добиться двух аудиенций и наполовину оправдаться.

У нее вовсе не было той «неукротимой души», которая «ни перед чем не сгибается», как охарактеризовал ее один из новейших историков. После падения Бестужева и триумфа Воронцова, когда молодой двор оказался в опале и вышел из борьбы до весны 1759 г., союзным дворам уже представлялось, что партия выиграна, по крайней мере в Зимнем дворце. Кардинал де Берни писал 24 марта 1758 г.: «События в России могут спасти наше отечество», однако Лопиталь был не столь оптимистичен, хотя довольно быстро утешился после печального исхода кампании Апраксина: 2Я не уверен, что следует полагать сии неудавшиеся действия неблагоприятными для мира, поелику русское правительство уже не может заявлять какие-либо затруднительные для сего претензии». Он также не считал, что опала Апраксина и замена его Фермором могут помочь русской армии: «У нее нет вождя, а ныне назначенный ничуть не лучше генерала Апраксина. По отсутствию дисциплины, трусости и грабительству сии войска не только не могут предпринять что-либо в нынешнем году, но будет невозможно сформировать новую армию и к будущему лету».

Лопиталь и австрийцы заблуждались. В недисциплинированности и грабеже можно было обвинять только нерегулярные войска, но даже и им никак нельзя приписывать трусость. Плохая осведомленность французского посланника подтверждается тем, что в кампанию 1758 г. русская армия явилась в еще большем числе и еще более грозная, чем прежде.

Подобная строгость по отношению к русским совершенно несправедлива.

Кампания 1757 г. завершилась для австрийцев, сначала побежденных у Праги и победивших при Колине, разгромом в Лейтенском сражении. Легкие победы Ришельё в Ганновере, при Гастенбеке и Клостер-Зевене, окончились росбахской катастрофой.

Русские дебютировали блестящей победой и кончили трудным отступлением. Никто из союзников не имел права бросить камень друг в друга. По общему результату действий русская армия вполне выдержала сравнение со всеми своими союзниками.

Пётр III.

Российский император. Полное имя – Пётр Фёдорович, хотя по рождению был наречён Карлом Петером Ульрихом.

Место рождения – город Киль. Германия (Гольштения, ныне Шлезвиг – Гольштейн, Германия).

Год рождения – 1728-й.

Мать – Анна Петровна Романова – дочь Петра Первого.

Отец – герцог Карл Фридрих Гольштейн- Готторский.

Жизнь Карла - Петра, была поделена на две части: 1728 – 1741гг. – Германия. 1741 – 1762 гг. – Россия.

Он рано потерял родителей, что, конечно, сказалось на общем развитии будущего престолонаследника.

По приезду в Санкт-Петербург мальчик поразил всех своей невоспитанностью и дурными манерами. Ко всему русскому и России недоросль относился с презрением. Его кумиром был король Пруссии Фридрих II. По этой причине многие опасались, что в случае вступления на трон, Пётр Фёдорович – такое имя получил при крещении в православие – заключит с Пруссией мирный договор, который аннулирует итоги Семилетней войны. Что в последствии и случилось. Заняв российский трон Пётр III вернул Восточную Пруссию Фридриху обратно, сведя на нет все итоги Семилетней войны. Подписание мирного договора с Пруссией воспринялось тогда в России, как государственная измена, национальное унижение и предательство.

Но это чуть позже. В Россию из Германии его выписала императрица Елизавета Петровна – назначив престолонаследником.

Несколько лет молодой человек обучался в Москве и Петербурге различным наукам: математической географии, прагматической истории, военному делу, танцам, статистике, нравственности, французскому языку и много ещё чему, что обязан знать будущий император.

В 1745 году его женили. Молодую супругу звали Екатерина Алексеевна, она же София Федерика Августа Анхальт – Цербстская, она же будущая императрица Екатерина Великая.

Именно Екатерина и свергла с престола своего мужа, путём дворцового переворота.

Но это произошло не так скоро.

25 декабря, прямо на Рождество скончалась Елизавета Петровна. Пётр Фёдорович вступил на престол. Короноваться он, подражая своему кумиру Фридриху, не стал.

История ему отвела 186 дней правления, за которые он успел принять 192 документа: манифесты, именные и сенатские указы, резолюции.

Его отрешили от власти в июне 1762 года. Карл Петер Ульрих порядком всем надоел, и, в первую очередь, своей супруге. Поскольку Екатерина Алексеевна была женщина более вменяемая нежели Пётр Фёдорович, то смена власти произошла относительно безболезненно для всех, принимавших в этой смене участие.

Вот, как описывает события 1762 года А. С. Мыльников: «Днем 28 июня 1762 г. в столичном Казанском соборе при стечении публики и высшего духовенства в присутствие Екатерины был оглашен манифест о её вступлении на самодержавный престол. Между тем Петр III развлекался с придворными в Ораниенбауме, а утром этого дня направился в Петергоф, надеясь найти там свою супругу — на следующий день было намечено торжественное празднование дня Петра и Павла. Лишь с опозданием в несколько часов, случайно и из вторых рук узнал он, что, так сказать, заочно лишился российского трона. Бывшего самодержца арестовали и препроводили конвоем в Ропшу».

Скончался бывший император через несколько дней после переворота. Причина смерти неизвестна по сию пору. По официальной версии это был «приступ «геморроидальных коликов, усилившийся от продолжительного употребления алкоголя и поноса.» Хотя поговаривали, что смерть была насильственной и убийцей называли Алексея Орлова.

Как бы то ни было, но человек, явившийся, пусть и косвенной причиной бесславного оставления фельдмаршалом Апраксиным поля боя после выигрышного сражения при Гросс-Егерсдорфе – закончил свои дни так, как закончил.

По материалам работ о Семилетней войне

https://morky.livejournal.com/172234.html

https://www.sedmitza.ru/lib/text/443420/

Иоганн фон Левальд.

Старый прусский хитрый лис. Фельдмаршал. Генерал-губернатор Восточной Пруссии 1748-57, 1762-68. Всё видел. Везде воевал. Изо всех передряг выходил без особых репутационных потерь. После утраты Германией территории Восточной Пруссии, был генерал-губернатором Берлина 1759 – 62 гг.

Кавалер прусского ордена «Чёрный орёл».

Родился 24 июня 1685 года в Легиттене (п. Тургенево).

Семья принадлежала к поместному дворянству. Мать Левальда происходила из известного рода баронов фон дер Тренк.

Военную карьеру начал двадцатилетнем юношей, вступив в полк «Белой гренадёрской армии». Боевое крещение получил в битве при Венло в 1702 году. Затем служил в Бартенштайне и Фридланде. Был комендантом Пиллау, Мемеля и Кёнигсберга.

Во время Семилетней войны командовал корпусом прикрывавшем Восточную Пруссию.

Ему уже 72, но Левальд успешно отражает наступление шведского корпуса, пытавшегося захватить Штеттин, и далее встаёт своей 30-тысячной армией вблизи Велау (Знаменск), в ожидании предполагаемого прихода русских.

Вот такой опытный пруссак противостоял армии под командованием фельдмаршала Апраксина в сражении вблизи местечка Гросс-Егерсдорф, 19 августа 1757 года.

Левальд не стал долго раздумывать о тактике и стратегии боя, а получив сообщение своей разведки, что русские войска в районе Норкиттена (Междуречье), перешли на левый берег Прегеля – сразу приступил к атакующим действиям. Плохую службу Левальду оказало всеобщее мнение о дееспособности русской армии. Она представлялась чрезвычайно низкой. Вплоть до того, что король Фридрих ещё до начала вторжения русских войск на территорию Восточной Пруссии, уполномочил Левальда вести с русскими мирные переговоры о их сдаче. Поспешили, однако: разгромленная армия Левальда позорно бежала с поля боя, после фланговой атаки генерала Румянцева. Прусский фельдмаршал мог только благодарить Бога, хорошую лошадь и подковёрные игры в столице Российской империи, что не попал в плен, и что в защищаемый им Кёнигсберг, через пару дней не вошли русские войска.

Впрочем, особых нареканий со стороны Фридриха почтенный фельдмаршал не получил, а как раз наоборот, получил должность генерал-губернатора Берлина.

Затем в 1762 году он снова возвращается в Пруссию, где так же пребывает в должности генерал-губернатора, вплоть до самой кончины в 1768 году.

Лет ему было 83. По тем временам – глубочайший старик.

Похоронен Иоганн фон Левальд на церковном кладбище Юдиттен кирхи.

По материалам работ о Семилетней войне

https://morky.livejournal.com/172234.html

http://belreferatov.net/levald-iogann-fon/

Какие реформы хотел провести Карл Петер Ульрих...

Положение, в котором очутился Апраксин определило его поведение (со временем историки так и станут называть его «осторожный Степан Апраксин») - случись смерть императрицы... и вся политика России изменилась бы. Вместо союза против Пруссии образовался бы в Европе союз за Пруссию, и Россия, управляемая новым государем, приняла бы...

Какие реформы хотел провести Карл Петер Ульрих... простите, Пётр III?

Пётр III был убеждённым германофилом и, получив власть, первым делом без какой-либо компенсации вернул прусскому королю Фридриху II все завоёванные русскими войсками территории. Для служилого дворянства и всей России это было шоком.

По свидетельствам современников, Пётр III уделял государственным делам очень много времени: «Уже с утра он был в своём рабочем кабинете, где заслушивал доклады <…>, потом спешил в Сенат или коллегии. <…> В Сенате за наиболее важные дела он брался сам энергично и напористо».

За 186 дней царствования Петра III, согласно официальному «Полному собранию законов Российской империи», было принято 192 документа. Многие из них стали фундаментом для последующего царствования Екатерины II. Среди важнейших законодательных инициатив императора можно назвать:

Манифест о вольности дворянства. 18 февраля 1762 года Пётр III издал Манифест о вольности дворянства. Документ освобождал представителей знатного сословия от обязательного прохождения гражданской и военной службы, а также разрешал им беспрепятственно выезжать из страны и самостоятельно распоряжаться земельными владениями. Этот манифест улучшил отношения между дворянами и императором, что способствовало централизации власти.

Уничтожение Тайной канцелярии. 21 февраля 1762 года Петром III был издан Манифест об уничтожении Тайной розыскной канцелярии — центрального государственного органа следствия и суда России, проводившего допросы и пытки политических заключённых. Впрочем, попасть под действие этого ведомства мог любой человек — достаточно было донести на него и обвинить в государственном преступлении.

Указ о свободе внешней торговли. 4 марта 1762 года Пётр III подписал Указ «О свободной для всех торговле», который открывал новые возможности для большинства сословий Российского государства. Документ поощрял использование отечественного сырья в производстве и отменял многие промышленные привилегии и

монополии. Также в Указе содержалось требование бережного отношения к лесам как одному из важнейших богатств России.

Прекращение преследования старообрядцев. Именно Пётр III полностью прекратил преследование старообрядцев, которое продолжалось со времён реформы Никона. Поэтому на раскольничьих окраинах страны фигура императора была достаточно популярна.

А планировал провести Пётр III реформы по переделке русской армии по прусскому образцу. При нём офицеры начали носить узкий прусский мундир, а за малейшее нарушение дисциплины наказывали шпицрутенами. Впрочем, завершить реформу армии правитель не успел.

Пётр III намеревался неким образом осуществить реформу церкви по протестантскому образцу.

Пётр III начал реформу по секуляризации церковных земель, целью которой было изъятие части владений церкви, упразднение ряда монастырей, а также определение содержания для епархий и некоторых обителей. Благодаря этой реформе у государства появилось бы множество новых земель, которые оно могло использовать для своих нужд. Полностью реформа была завершена Екатериной II.

Издание 25 мая 1762 года Петром III указа об учреждении Государственного банка и введении в обращение бумажных денег могло стать важной вехой в формировании банковской системы, ведь этот документ был призван способствовать бурному росту торгово-промышленной деятельности в государстве. Но дворцовый переворот, приведший к свержению Петра III, не позволил реализовать данный Указ и создание российского центрального банка задержалось ещё почти на 100 лет.

В народе фигура Петра III была довольно популярна. Считалось, что после Манифеста о вольности дворянства он собирался издать Манифест о вольности крестьянства, но сделать это ему помешали представители знатного сословия, убившие монарха. Именно по этой причине Емельян Пугачёв и некоторые другие самозванцы, подбивая народ на восстание, выдавали себя за чудом спасшегося Петра III, который намерен побить предателей-дворян и дать простому люду волю. Никаких достоверных свидетельств о том, что Пётр III на самом деле собирался освободить крестьян, не сохранилось.

По материалам работы Какие реформы хотел провести Пётр III?

http://www.aif.ru/dontknows/eternal/kakie_reformy_hotel_provesti_petr_iii

Григорий Петрович Милорадович.

Заграничный паспорт ему был выдан графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским.

«Заграничный паспорт выданный Григорию Петровичу Милорадовичу Граф Пётр Румянцов-Задунайский. Чиню ведомо всем до кого сие принадлежит в областях Ея Императорского Величества, а в землях высоких патентантов господ командующих всякого по чину и достоинству услужно прошу, чтоб предьявителю сего, штаба господина генерал-майора и кавалера Милорадовича, адъютанту Григорию Милородовичу до Кёнигсберга едущему в надлежащем пути, туда и обратно, с его служителями чинен был свободный пропуск и показываемо всякое благодеяние, обнадеживая, что все из тех областей проезжающие в Империи Всемилостливейшей моей Государыни Императрицы, взаимно свободный пропуск и всякое пособие получать. В свидетельство чего сей паспорт, рукою моей подписанный и печатью утверждённый, дан в Малой России в местности моей Вименках. Марта 20-го дня 1778 года. Гр. Румянцов-Задунайский.»

В 1778 году Григорий Петрович с гувернёром графа Кайзерлинга Иваном Лукьяновичем Данилевским (обучал катехезису, наблюдал за уроками, которые давали профессора в университете, и неотступно следил за нравственным поведением Григория) был в Кёнигсберге. Вместе с ним в Германию для получения образования поехал его двоюродный брат **Михаил Андреевич Милорадович**, сын Черниговского губернатора. В Кёнигсберге молодые люди остановились у графа фон Кейзерлинга и обер-президента Домгарта. Граф Кейзерлинг в письме своему отцу очень хвалил Григория его брата и их наставника.

Оба обучались в Кёнигсбергском университете под руководством знаменитого Канта.

Григорий Петрович часто вспоминал о своём десятилетнем пребывании за границей в немецких университетах. Ему особенно льстило воспоминание тех похвал, который делал ему кёнигсбергский профессор Иммануил Кант. Всю свою жизнь до самой смерти Григорий Петрович получал немецкие газеты и журналы, которые он читал по утрам.

Михаил Андреевич Милорадович.

Русский генерал от инфантерии (1809), участник походов Суворова, войны 1812 года, военный губернатор Санкт-Петербурга, человек большого личного мужества, кавалер многих российских и европейских орденов.

Боевой генерал Милорадович навсегда остался примером беззаветного служения России, а его неожиданная смерть от рук декабристов стала горьким упреком россиянам за внутренние распри.

Михаил Андреевич происходил из сербского рода, переселившегося в Россию при Петре I. Его отец был участником русско-турецких войн екатерининской эпохи, и в звании генерал-поручика стал наместником Малороссии. Будущий герой Отечественной войны 1812 г., его сын Михаил получил домашнее образование, а также прослушал некоторые курсы в европейских университетах и военных школах. Еще в детстве Милорадович был зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк, в его рядах он участвовал в русско-шведской войне 1788-1790 гг., а в 1796 г. получил звание капитана. Подтянутый, молодцеватый и исполнительный офицер при Павле I быстро выдвинулся и уже в 1798 г. стал генерал-майором и командиром Апшеронского мушкетерского полка.

По храбрости Милорадович не уступал никому из известных полководцев, но по удаче ему не было равных. «Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей, – писал адъютант Ф. Глинка, – он не смущался; переменял лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развевались по воздуху».

Михаил Андреевич, стараясь избежать кровопролития, отказался во время мятежа декабристов вести конногвардейский полк против восставших, вместо этого он лично поскакал на Сенатскую площадь, где, приподнявшись на стременах и достав золотой клинок, обратился к солдатам:

«Скажите, кто из вас был со мной под Кульмом, Лютценом, Бауценом?» Тихо стало на площади. «Слава Богу, – воскликнул Милорадович, – здесь нет ни одного русского солдата!»

Возникшее на площади замешательство было прервано одиночным выстрелом Каховского, поставившего точку в жизни этого доблестного и справедливого человека.

Полжизни провел Милорадович в жарких боях и схватках, рисковал часто и помногу, но оставался жив. И смерть в мирное время от руки соотечественника стала укором и уроком для России. Единственным, что утешило Михаила Андреевича перед смертью было то, что пуля, извлеченная из его тела была не ружейная, а значит – не солдатская. Перед самой смертью он продиктовал свою последнюю волю. Среди прочего там значилось: «Прошу Государя Императора, если то возможно, отпустить на волю всех моих людей и крестьян».

Баловень судьбы, сквозь все битвы он прошел без единой царапины, хотя не раз лично возглавлял штыковые атаки и личным примером воздействовал на своих солдат.

Сохранились воспоминания о его поведении в бою при Басиньяно 1799 г., когда генерал разъезжал под пулями и картечью неприятеля:

«Смерть угрожала собственно ему, когда французский стрелок нацелил по нем в трех шагах из-за куста и неприятельский офицер, наскакав, взмахнул уже саблею, чтобы разрубить ему голову, но Провидение оказало ему в сей день явное покровительство свое. Три лошади убиты под ним, четвертая ранена. В сем-то сражении, видя общее замешательство войск, он схватил знамя и, закричав: «Солдаты! Смотрите, как умрет генерал ваш!» – поскакал вперед...

Войной он жил, и без войны скучал. Имел редкий дар говорить с солдатами и, не щадя себя, делил с ними все невзгоды военного времени. Солдаты очень любили его – за беспредельную храбрость и доброе отношение к подчиненным. Он не был стратегом, но был великолепным тактиком. Вера в своих солдат, в успех и личный героизм зачастую переламывали исход, казалось бы, предрешенного боя.

Михаил Андреевич имел открытое, веселое лицо, искренний, прямой характер. Вдали от армии франтоватый Милорадович слыл первым танцором, вел крайне расточительную жизнь и славился любовью к женщинам, хоть и погиб убежденным холостяком. «Не понимаю, какой интерес жить без долгов», – шутил генерал. После его смерти проданного имения едва хватило на покрытие долгов».

По материалам статьи ресурса 100 Великих полководцев

http://100.histrf.ru/commanders/miloradovich-mikhail-andreevich/

«Шуваловская» пушка – единорог.

В отечественную историю она вошла не только именами Апраксина, Лопухина и Румянцева, но также и именем Петра Ивановича Шувалова – **создателя знаменитой «шуваловской» пушки – единорога**. Именно его изобретение во многом решило победный исход того сражения. Вот как писал о графе Шувалове один из его сподвижников М.В. Данилов: «граф был человек замыслов великих и предприимчивый, который еще до сего чина выдумал одну гаубицу, желая быть фельдцейхмейстером, в которой дуло было не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а как оное орудие стреляло широко одной дробою»

Первое упоминание о новом орудии датировано 2 июля 1753 г., когда П. И. Шувалов подает в Сенат проект и чертежи гаубицы:

«с овалистым калибером, из которого рассуждается в стрелянии картечами лутчий способ».

Члены Правительствующего Сената, находившегося в то время вместе с императорским Двором в Москве, одобрили проект П.И. Шувалова. Было принято

решение призвать из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации генерал-майора М. Толстого, которому отдать чертежи с таким приказанием:

«чтоб наисекретнейшим образом по тому чертежу две оные гаубицы вылиты были немедленно» и при сенаторе П.И. Шувалове «пробы учинены».

Итак, 19 августа 1757 года. Восточная Пруссия. Поле боя возле деревушки Гросс-Егерсдорф.

Именно здесь впервые были опробованы эти орудия. Участник того сражения, командир роты Архангелогородского полка Андрей Болотов, вспоминал:

«В сие время привезены были в полки новые и славные секретные шуваловские гаубицы. Мы удивились, увидев сии огнестрельные орудия, и не могли довольно начудиться, для чего дулы прикрыты у них медными сковородками, и замкнуты, и опечатаны. К сим пушкам и близко никого не допускали. Но всегда стоял подле ее особливый человек, а для стрельбы определен был в каждый полк особливый артиллерийский офицер с особой канонирской командой, которой под смертной казнью запрещено было о них сказывать».

В критический момент боя, когда поражение казалось неизбежным, русские казаки заманили окрылённых мнимым успехом прусских кирасиров прямо под залпы новых русских пушек. Это был решающий момент битвы, завершившейся победой русской армии.

К слову, единорогом эта пушка была названа по имени мифического зверя – единорога, изображённого на гербе Шуваловых.

По материалам работ о Семилетней войне

https://morky.livejournal.com/172234.html

Иван Абрамович Ганнибал.

«И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь Чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.»
Александр Пушкин «Моя родословная»

Иван Абрамович Ганнибал – двоюродный дед поэта. Знаменитый русский военачальник. Награждён орденом св. Александра Невского и орденом св. Владимира. Главнокомандующий Черноморским флотом. Один из основателей Херсона. Но заслуги и ордена будут чуть позже.

Нам Иван Абрамович интересен тем, что впервые, как искусный артиллерист, проявил себя в августе 1757 года в битве при Гросс-Егерсдорфе. Именно он, поддержал огнём шуваловских единорогов прорыв полков Петра Румянцева во фланг армии Левальда. Тем самым обеспечив русским победу в том сражении.

Родился старший из 11 детей «арапа Петра Великого» - Абрама Петровича Ганнибала - 5 июня 1735 года в усадьбе Карьякюла, недалеко от Ревеля.

В 1744 году, вопреки воле родителей, 9-летний мальчик был записан в военную службу и определён для обучения в Петербургскую морскую артиллерийскую школу Окончив её, учился в Морском шляхетном корпусе. Служил в морской артиллерии, участвовал во многих морских сражениях, проявив мужество, храбрость и изобретательность.

Во время русско-турецкой войны 1768-74 гг. находился в десанте русского флота на Средиземном море.

Будучи цехмейстером морской артиллерии в чине бригадира, командовал в Наваринском бою. Принимал участие в знаменитом Чесменском сражении 1770 года. Тогда же был награждён орденом св. Георгия 3-й степени.

В 1772 году произведён в чин генерал-майора. В 1775 году награждён орденом св. Анны.

Под руководством и при участии Ивана Абрамовича, в 1778 году был заложен город Херсон.

25 июля того же года он был назначен главным командиром Херсонской крепости. Ганнибал ревностно принялся за исполнение возложенного на него поручения. Сформировав 12 рот мастеровых, он заготовил лесные материалы в верховьях Днепра и доставил их на место, нанял внутри России более 500 плотников, в короткое время устроил верфь и в августе заложил укрепленный город. Через три года уже существовал новый город с дворцом, адмиралтейством, литейным домом, арсеналом, верфями, казармами и частными домами, крепость была снабжена гарнизоном и 220 орудиями, на верфи строились различные суда, в гавани находились военные и купеческие корабли, в городе основались торговые иностранные дома.

1 января 1779 года произведен в чин генерал-поручика.

В 1780 году ему было пожаловано 10 тыс. десятин земли.

В 1784 году вышел в отставку в чине генерал-аншефа.

Остаток жизни провёл в своём имении Суйда под Петербургом.

Умер 12 октября 1801 года, похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

По материалам работы Кретинина Г. В.

Под Российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758—1762. Калининград, 1996.

Даниил Исаакович Дебоскет.

Примерно до второй половины XIX века о Семилетней войне мало, что было известно в России. Российскому просвещённому обществу, прежде всего дворянству, имевшему тесные контакты с заграницей, были навязаны односторонние, часто искажённые взгляды на её основные события.

Постепенно в XIX веке появились и отечественные литературные труды об этом, среди которых стоит выделить «Записки» А. Т. Болотова и крупномасштабное исследование Д. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну».

В 1940 году в нашей стране вышла большая монография профессора Н. Коробкова «Семилетняя война». В 1948 году Военно-исторический архив выпустил узкоспециальный сборник документов с тем же названием.

Вот, пожалуй, и все известные отечественные труды на эту тему. Да ещё тонкая нить воспоминаний очевидцев...

Даниил Исаакович Дебоскет (фр. de Bosquet) (р. 1703 — после 1761 (?) — российский военный инженер французского происхождения, генерал-аншеф, картограф.

Родился в семье французских эмигрантов в Бранденбурге.

Прошёл курс обучения инженерному делу и математике. В 1726 году поступил на русскую военную службу.

Участвовал в походе русской армии в Пруссию в 1757 г. Входил в состав Военного совета армии. В Гросс-Егерсдорфском сражении 30 августа 1757 г. был ранен. Автор первого плана Гросс-Егерсдорфского сражения, составленного им 22 ноября 1757 г.

План этого сражения снабжён текстовым описанием – один из первых графических документов истории Семилетней войны. Впоследствии им как ценным и правдивым свидетельством часто пользовались русские и зарубежные историки. Он сохраняет своеобразие прежних времён, колорит, присущий той эпохе. Ну и конечно, позволяет военным, учёным, краеведам объективно оценивать ход и итоги сражения.

22 сентября 1762 года Дебоскет стал кавалером ордена Святого Александра Невского. С 1766 года — генерал-аншеф.

Выдающимся образцом инженерного и архитектурного искусства является подпорная стена Даниила Исааковича де Боскета (известная также как стена Дебоскета) — массивная противооползневая подпорная стена, построенная для укрепления склона юго-восточной территории Ближних пещер Киево-Печерской лавры в середине XVIII в. Названа в честь военного инженера Даниила де Боскета, который руководил работами по возведению стены, а также внёс значительный вклад в строительство фортификационно-оборонительных сооружений Киева.

Лит.: Семилетняя война. М., 1948. С. 163, 189, 864, 914; Кретинин Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758—1762. Калининград, 1996. С. 15, 77, 81.

Шуваловы

Русский дворянский и графский род, история которого прослеживается с XVI века.

Происхождение фамилии Шуваловых не славится древностью рода: она выдвинулась из «мелкой дворянской стати» в преобразовательную эпоху Петра Великого, а затем вознесена была наверх почестей, богатств и всевозможных отличий одним из дворцовых переворотов, которыми так богат петербургский период русской истории.

По сохранившимся рядным записям и актам видно, что во второй половине XVI столетия в Костромском уезде был помещик Дмитрий Шувалов. И вот от него-то тянется не меньше пяти поколений этой фамилии до дней Петра I, причем первоначальные представители этого рода постоянно являются в среде дворян-землевладельцев Костромской области. Как и все дворяне, они зачастую являются на службе царской: так, одного из них — Андрея Семеновича мы встречаем под стенами Смоленска, он был воеводой (1616), другого — Михаила Ивановича — в боях с крымскими разбойниками;

Старший брат Михаила — Максим — убит в одной из таких схваток, именно: в злополучном для россиян походе 1687 года.

Один из родственников Андрея, Данило, состоял московским стрелецким сотником (1636) и впоследствии был пожалован в бояре (1669). Все это, впрочем, были обыкновенные служилые люди, масса которых составляла оплот и силу тогдашней Руси.

Но вот в лице одного из сыновей Максима — Ивана Максимовича, Шуваловы начинают мало-помалу выходить из безвестности. Этот Иван Максимович Старший (умер 1736 г.), правнук Андрея Семеновича, был при Петре Великом полковником и комендантом в Выборге, а при Петре II — был генерал-майором и имел Александровскую ленту, занимался составлением карты морских и речных берегов, определял границу между Россией и Швецией и содействовал заключению Ништадтского мира. Умер губернатором в Архангельске.

Именно своему отцу, Ивану Максимовичу, обязаны началом военно-придворной карьеры двое его сыновей - старший Александр и младший Петр. В последние годы царствования Петра Великого И.М. Шувалов, тогда еще комендант Выборга, имел случай определить своих сыновей пажами к Высочайшему двору. Не было секретом, что образованием пажей того времени была сама служба, участие в обедах и ассамблеях, "мир, двор, путешествия, походы и балы", но не серьезная учеба.

Александр и Петр состояли в числе молодых дворян при дворе цесаревны Елизаветы Петровны и в решительную для нее ночь на 25 ноября 1741 года явились в числе усерднейших и преданных ее сторонников. Достигнув цели, взойдя на престол, дочь Петра Великого самою щедрою рукою осыпала своих партизанов милостями; между прочими 5 сентября 1746 года оба Шуваловы были возведены в графское Российской империи достоинство. При этом Александр Иванович в царствование Елизаветы же достигает сана генерал-фельдмаршала и в течение многих лет является главою страшной тайной канцелярии, а брат его Петр, человек значительно его способнейший и с обширными сведениями, служит генерал-фельдцейхмейстером, президентом военной коллегии, наконец, фельдмаршалом.

Сыновья, внуки и правнуки этих двух Шуваловых постоянно являются на высших ступенях служебной иерархии, и многие из них состоят в числе приближеннейших ко двору лиц.

Граф Пётр Иванович Шувалов (1711 — 4 (15) января 1762)

Глава русского правительства на исходе царствования Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал, конференц-министр, камергер, сенатор, реформатор и изобретатель. Отец писателя Андрея Шувалова, от которого происходят последующие графы Шуваловы.

Граф Шувалов, при всех слабостях своих, оказал важную услугу Отечеству улучшением артиллерии нашей, чем содействовал победам Российских войск в Пруссии.

Полевая "секретная" гаубица образца 1753 года системы П. И. Шувалова. Изготовлена в 1753 году в Москве. После успешных испытаний гаубицы сенат приказал "хранить в арсенале за печатью, дабы имеющаяся в ней инвенция, кроме

наружности, никому открыта быть не могла". Дальность стрельбы 532 м. Идея создания гаубицы, специально предназначенной для стрельбы картечью была предложена П. И. Шуваловым. Разработку нового орудия осуществили майор Мусин-Пушкин и пушечный мастер Михаил Степанов.

В послепетровское время артиллерийское дело в России находится в застое, артиллерийское ведомство возглавляется людьми далёкими от артиллерии.

В итоге российская артиллерия и качественно, и количественно отстаёт от современной ей западноевропейской, что, в условиях подготовки к большой европейской войне, позднее названной Семилетней, является серьёзной проблемой. Основными недостатками российской артиллерии в указанный период являются малая мобильность, связанная с высоким весом орудий; большое разнообразие калибров; слабая подготовка артиллеристов (на всю страну — единственная артиллерийская школа с одним учителем, к тому же, горьким пьяницей, подозреваемым в убийстве троих человек).

Положение кардинально меняется с назначением П. И. Шувалова генерал-фельдцейхмейстером, то есть главой артиллерийского ведомства в 1756 году. Ещё в 1753 году он предложил Сенату изобретённую им «секретную гаубицу». Назначение Шувалова на пост генерал-фельдцейхмейстера стимулирует изобретательскую активность, в короткий срок появляется много новых проектов, среди которых имеются как дельные, так и пустые, и нереализуемые. В целом, этот всплеск изобретательства приводит к созданию оригинальных российских типов орудий, лучшие из которых сохранились без изменения на вооружении российской армии до второй половины XIX века и послужили образцами для подражания в Европе.

По материалам публикации https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post248353366/

Годы пажеской службы П. И. Шувалова (с 1726 года уже камер-пажа) при дворе герцога Голштейн-Готторпского - мужа цесаревны Анны, можно считать первыми шагами в его карьере.

Время, проведенное за границей, было для Петра Шувалова периодом продолжения образования и приобретения жизненного опыта. После рождения сына – будущего императора Петра III – герцогиня Анна умирает. Сообщения «Санкт-Петербургских ведомостей» в октябре-ноябре 1728 г. о возвращении из Киля судна с телом Анны Петровны, где в списке состава траурного эскорта значился гоф-юнкер Петр Шувалов, подвели черту под недолгим периодом его пребывания за границей. Кстати, в то время в Киле произошло событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Шувалова – знакомство с ближайшей подругой Елизаветы, фрейлиной цесаревны Анны – своей будущей женой Маврой Егоровной Шепелевой. Именно эти обстоятельства – удачная женитьба и близость к императрице, как считали многие,

определили успех карьеры Шувалова и облегчили путь к осуществлению всех его начинаний и "прожектов".

Восточная Пруссия в российско-прусских отношениях.

Введение диссертации 1999 года. Г. В. Кретинин.

Объявление Россией себя правопреемницией бывшего СССР привело к образованию в центре Европы полуанклава - Калининградской области в составе России. Политически, экономически, географически подобное положение существовало ещё с 1946 года, когда была образована Кёнигсбергская, переименованная затем в Калининградскую область РСФСР. Однако в рамках СССР полуанклавность этого территориального образования не ощущалось ни для самой области, ни для ближайших соседей, ни для России.
<>

Между тем, существование отдалённой от основной территории страны области не является совершенно исключительным событием. Почти два с половиной века тому назад схожая ситуация сложилась в этом же крае. С января 1758 года по август 1762 года провинция прусского королевства, собственно сама Пруссия, входила в состав государства Российского как одно из его губернаторств.
Территория того губернаторства, конечно, была больше территории нынешней области, но существовала подобной нынешней полуанклавности. Несмотря на то, что такой период слишком кратковременен для исчерпывающей оценки подобных полуанклавных образований, всё же, с учётом схожести территориально-географическо обстановки, уже есть необходимость более подробно рассмотреть, напрмер, вопросы управления Россией своим отдельным губернаторством, его правового положения, отношение к этому союзников и противников.
Кроме того, территория нынешней Калининградской области и прилегающие к ней части территорий Польши и Литвы на протяжении 500 последних лет играли важную военно-политическую роль в отношениях России вначале с Тевтонским орденом, затем герцогством, а впоследствии и королевством Пруссии.

Существование Тевтонского ордена в территориальной изоляции от Священной Римской империи, от родственных ему германских княжеств, с учётом его агрессивного характера, требовало поиска союзников в регионах, расположенных на Балтике или имевших к ней непосредственные выходы. Одним из таких союзников оказалась Россия.

Непосредственно вопросы военной помощи Тевтонскому ордену со стороны Московского государства поднимались в 1493, 1517-1520 годах. Однако недостаточная изученность этой проблемы значительно позже, уже в XIX-XX веках, способствовала искажению истинных целей зарождавшегося сотрудничества. Был сформулирован и в немецкоязычной исторической литературе, особенно

послевоенной, неоднократно эксплуатировался тезис о "навязчивой" идее присоединения Пруссии к России.

Действительно, предложения о переходе "под руку" Москвы Ордена, а затем герцогства, периодически появлялись на переговорах дипломатов двух государств (1517, 1656). Известную долю сомнений относительно судьбы этой провинции испытывало даже окружение прусского короля Фридриха Вильгельма III, когда вначале 1807 года в Тильзите со стороны Наполеона было сделано предложение о присоединении Восточной Пруссии к России, а затем в 1812-1813 годах при занятии провинции русскими войсками, преследовавшими отступавший французский корпус Макдональда, в окружении прусского короля вновь возникли подобные опасения, ничего общего с действительностью не имевшие.

На этом фоне особенно выделяется упоминавшийся уже период 1758-1762 годов, когда в ходе войны присоединение прусской провинции к России осуществилось "де-факто", хотя перед началом подобных планов в отношении этой провинции российское руководство не вынашивало.
<>

Конкретное, прикладное значение имело изучение роли прусской провинции в качестве "опоры моста", на котором строились отношения Пруссии и России на рубеже XVII-XVIII веков, а также исследование вопросов правления русской администрации в провинции и вывода российских войск из Польши и Пруссии в Россию на завершающем этапе Семилетней войны 1756-1763 годов.
Наконец, ещё одно обстоятельство. На протяжении большей части своей истории, от орденского периода до 1945 года, Пруссия являлась полуанклавом, изолированным от бранденбургской части государства. В то же время, несмотря на территориальные особенности, Пруссия поддерживала тесные политические, военные, экономические, торговые связи с центрально-германскими землями.
<>

Нельзя не учитывать, что в истории взаимоотношений Пруссии и России прусская провинция занимает особое место в становлении дипломатических, экономических и культурных связей двух стран именно в конце XVII - середины XVIII веков. Данное обстоятельство позволило выделить для исследования два исторических периода: петровский (1697 - 1725) и послепетровский (1725 - 1763).

Подобная периодизация, внешне ориентированная на отдельные события двухсторонних отношений, вцелом вписана в контекст региональной и даже европейской политики. Например, 1697 год не только год первого пребывания Петра Первого в Кёнигсберге и Пруссии, но и год, когда Россия своим Великим посольством сделала весомую заявку на признание её великой европейской державой. 1763 год ознаменовался и завершением Семилетней войны, и в то же время стал моментом утраты прусской провинцией своей особой, исторической роли в Прусском королевстве (хотя связующим звеном между Россией и Пруссией, вначале в культурном, а затем и в экономическом отношениях, провинция осталась). В русской

же истории периоду 1725 - 1763 годам В. О. Ключевским дано наименование "эпоха дворцовых переворотов".

http://cheloveknauka.com/v/21404/d?#?page=1

Геннадий Викторович Кретинин, профессор БФУ им. И. Канта, доктор исторических наук, краевед

Андрей Тимофеевич Болотов.

Продолжение истории моей военной службы и Прусской войны. Занятие Кенигсберга.

Письмо 54-е

Любезный приятель!

Между тем как вышеупомянутым образом и в самую глубочайшую осень 1757 года война в прусских, цесарских и саксонских землях горела наижесточайшим образом, и целые десятки тысяч людей лишались жизни, а того множайшие попадали в полон, поля же обагрялись человеческой кровью, а бесчисленное множество бедных поселян лишались своих домов и всего своего имения, а того множайшие претерпевали тягость от поборов и отнятия у них всех заготовленных ими для своего пропитания съестных припасов и фуража, отдыхали мы в Польше и в Курляндии от своих трудов и всю сию осень и начало зимы препроводили в мире, тишине и наивожделеннейшем покое. Не зная ничего о всех сих происшествиях, жили мы тут на своих покойных квартирах и только что веселились.

<>

Между тем команда над оставшейся в Курляндии и Польше армией поручена была генерал-аншефу графу Фермору. И как сей генерал известен был всем под именем весьма разумного и усердного человека, то переменой сей была вся армия чрезвычайно довольна. Он и не преминул тотчас стараниями своими и разумными новыми распоряжениями оправдать столь хорошее о нем мнение.

Первое и наиглавнейшее попечение сего генерала было о том, как бы удовольствовать всю армию всеми нужными потребностями, а потом овладеть скорее всем королевством Прусским, и через то сколько, с одной стороны, исправить погрешность, учиненную графом Апраксиным, столько, с другой, исполнить желание нашего двора и императрицы, ибо как между тем получено было известие, что король прусский все свое Прусское королевство обнажил от войск, употребив оные, как выше упомянуто, для изгнания шведов из Померании, то, дабы не дать ему время опять армию свою туда возвратить, велено было наивозможнейшим образом поспешить и,

пользуясь сим случаем, занять и овладеть королевством Прусским без дальнего кровопролития.

Вследствие чего не успел сей генерал принять команды и получить упомянутое повеление, как и начал к вступлению в Пруссию чинить все нужные приготовления. И как положено было учинить то, не дожидаясь весны, а тогдашним же еще зимним временем, то с превеликой нетерпеливостью дожидался он, покуда море, или паче тот узкий морской залив, который известен под именем Курского Гафа{5} — и будучи от моря отделен узкой и длинной полосой земли, простирается от Мемеля до самого местечка Лабио{6} — покроется столь толстым льдом, чтоб по нему можно было идти прямым и кратчайшим путем в Кенигсберг войску со всей нужной артиллерией. Нетерпеливость его была так велика, что с каждым днем приносили ему оттуда лед для суждения по толстоте его, может ли он поднять на себе тягость артиллерии.

Но как сие не прежде воспоследовало, как в самом окончании 1757 года, то самое начало последующего за сим 1758 года и сделалось достопамятно обратным вступлением наших войск в королевство Прусское. Граф Фермор еще в последние числа минувшего года переехал из Либавы в Мемель, а тут, изготовив и собрав небольшой корпус и взяв нужное число артиллерии, пошел 5-го числа января по заливу прямо к Кенигсбергу, приказав другому корпусу под командой генерал-майора графа Румянцева в самое то ж время вступить в Пруссию со стороны из Польши и овладеть городом Тильзитом.

Успех дела и похода сего был наивожделеннейший. Войска графа Фермора в тот же день без дальнего отягощения дошли по льду до острова Руса и овладели находившимся тут амтом, а войска, вступившие со стороны из Польши, овладели без всякого сопротивления Тильзитом, где граф Румянцев, услышав, что в городе Гумбинах находился еще небольшой прусский гарнизон, послал было для захвата его войска, но они его уже не застали, ибо он, услышав о приближении наших, заблагорассудил удалиться заранее. Итак, вступили наши во все местечки и города без всякого сопротивления и везде жителей приводили к присяге быть в подданстве и верности у нашей императрицы.

Наконец, граф Фермор, соединившись со всеми пятью колоннами войска, вступившими в Пруссию с разных сторон под командой генерал-поручиков Салтыкова, Резанова, графа Румянцева и генерал-майоров: князя Любомирского и Леонтьева, пошел прямо и без растахов в город Лабио и, придя туда 9-го числа, нашел у тамошнего начальства уже повеление от кенигсбергского правительства, чтоб в случае вступления наших войск, отпускалось нам все, чтоб ни потребовалось, без всякого сопротивления, и повиноваться всем приказаниям графа Фермора.

Из сего места отправил сей генерал полковника Яковлева с 400 гренадерами, с 8 пушками и 9 эскадронами конницы под командой бригадира Демику и с 3 гусарскими полками и Чугуевскими казаками под предводительством бригадира Стоянова прямо к

Кенигсбергу. А как между тем приехали к нему и депутаты, присланные от кенигсбергского правительства с прошением от всего города и королевства, чтоб принято оное было под покровительство императрицы и оставлено при ее привилегиях, то он, уверив их о милости монаршей, отправился и сам вслед за упомянутым передовым войском в упомянутый столичный город.

...Но сколь спокойны были мы, столь беспокоилось правительство наше худыми успехами нашего первого похода. Неожидаемым и постыдным возвращением армии нашей из Пруссии и всеми поступками нашего фельдмаршала графа Апраксина владеющая нами тогда императрица крайне <была> недовольна (Апраксин С. Ф. после битвы при Гросс-Егерсдорфе проявил нерешительность и не закрепил победы своих войск), и хотя для прикрытия стыда и обнародовано было, что сие возвращение армии нашей произошло по повелению самой императрицы и будто для того, что как цесарцы сами уже вошли в Шлезию, то нам не было нужды идти далее продолжать поход свой до Шлезии, и что, сверх того, войска нужны были в своем отечестве по причине болезни императрицыной, однако всем известно было, что это объявлено было для одного вида, а в самом деле все знали, что учинил он то самопроизвольно. А самое сие и навлекло на него гнев от императрицы, почему не успел он возвратиться в Курляндию, как отозван был в Петербург для отдания в поведении своем отчета. Сие обратное путешествие в столичный город было сему полководцу весьма бедственно и несчастно. Лишась всей прежней своей пышности, принужден он был ехать как посрамленный от всех, почти тихомолком, и слухи об ожидаемых его в Петербурге бедствиях столь его беспокоили, что он на дороге занемог и больной уже привезен в Нарву. Но сего было еще недостаточно. Но несчастье встретило его уже и в сем городе, ибо прислано было повеление, чтоб его не допускать и до Петербурга, но, арестовав тут, велеть следовать его нарочно учрежденной для того комиссии. Но сие бедняка сего так поразило, что он в немногие дни лишился жизни, о которой никто не жалел, кроме одних его родственников и клиентов, ибо впрочем, все государство было на него в неудовольствии.

Сим образом погиб сей человек, бывший за короткое перед тем время только знатным и пышным вельможей, и наказан самой судьбой за вероломство к отечеству и поступку, произведшую столь многим людям великое несчастье...

Итак, 11-й день января месяца был тот день, в который вступили наши войска в Кенигсберг, а вскоре за ними прибыл туда и сам главнокомандующий. Въезд его в сей город был пышный и великолепный. Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение оного было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войска и самого командира, а как присовокуплялся к тому и звон в колокола во всем городе, и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшееся во все время шествия, то все сие придавало оному еще более пышности и великолепия.

Граф стал в королевском замке и в самых тех покоях, где до сего стоял фельдмаршал Левальд, и тут встречен был всеми членами правительства

кенигсбергского, и как дворянством, так и знаменитейшим духовенством, купечеством и прочими лучшими людьми в городе. Все приносили ему поздравления и, подвергаясь покровительству императрицы, просили его о наблюдении хорошей дисциплины, что от него им и обещано.

В последующий день принесено было всевышнему торжественное благодарение, и главнокомандующий, отправив в Петербург графа Брюса с донесением о сем удачном происшествии, трактовал у себя весь генералитет и всех лучших людей обеденным столом, а наутро приводим был весь город к присяге, и главное правление всем королевством Прусским началось нашими.

Граф Ви́ллим Ви́ллимович Фермо́**р**

— русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф, генерал-губернатор Смоленска. Во время Семилетней войны командовал русской армией при Цорндорфе, под его руководством русские войска впервые заняли Восточную Пруссию с Кёнигсбергом.

На первый взгляд, в этой истории нет ничего необычного. Выходец из Пруссии, немец, служил в русской армии. Представителей немецкой национальности в России можно было найти во всех государственных структурах. Среди военных же в Европе существовало правило: для приобретения боевого опыта, чинов и званий наниматься волонтёрами в действующие армии других стран. И только углубившись в существо событий, детально познакомившись с обстановкой того времени, начинаешь понимать неординарность происшедшего.

Немного предыстории. Русская армия в ходе Семилетней войны 1756-1763 годов, действующая на территории Пруссии, вначале добилась успеха. Одержав победу в трудном для неё сражении под Гросс-Егерсдорфом, она получила возможность занять столицу Пруссии Кёнигсберг. Однако главнокомандующий генерал-фельдмаршал Апраксин не использовал выгод создавшегося положения. Более того, осенью 1757 года он вообще покинул занятую территорию. Естественно, произошла смена командования, главнокомандующим стал генерал Фермор. Наиболее значимым событием в его жизни оказалась Семилетняя война, в ходе которой он испытал и взлёты, и падения. Под его руководством были заняты Мемель и Тильзит, он участвовал в сражении при Гросс-Егерсдорфе. Возглавив русскую армию, в январе 1758 года занял Кёнигсберг, привёл к присяге русской короне население провинции. В Кёнигсберге он оставался недолго - пока армия располагалась на зимних квартирах. Наступила весна – время активных боевых действий, и Фермор повёл армию к Висле.

По вероисповеданию Фермор был протестантом. Гонения на протестантов в Англии привели к тому, что многие из них переселились на материк, в основном в Пруссию и Россию. Чаще даже так - через Пруссию в Россию.

Например, генерал Е. Ф. Керн, муж Анны Петровны Керн, «виновницы» известных пушкинских строк, - также потомок английских протестантов, из Пруссии перебравшихся в Поволжье. Пруссия и Россия оказались самыми веротерпимыми государствами. Известно, что в Кёнигсберге до 1945 года существовала Французская улица. названная так в честь беженцев по религиозным мотивам из Франции. Кёнигсберг периода Семилетней войны имел 40 тысяч жителей и 18 церквей, причём были храмы для католиков, лютеран, православных христиан.

Пока главнокомандующий русской армии находился в Кёнигсберге, он мог посещать протестантскую церковь. Но вот армия прибыла к Висле, впереди - территория католической Польши. Потребовалась походная протестантская церковь. Увы, в Кёнигсберге об этом не побеспокоились, а спохватились только в Мариенвердере. Помог случай, а по словам героя повествования – «Божий промысел».

Настало время назвать его имя – Кристиан Теге.

Он родился в 1724 году в Мариенвердере, где отец его был сначала адвокатом, потом бургомистром. По стопам отца пошёл и сын, поступив на юридический факультет Кёнигсбергского университета. Однако затем избрал пасторское поприще, перебрался в Галле и там изучал богословие. Занять пасторское место долго не удавалось - и он вернулся в Кёнигсберг, встречался с лучшими учёными и проповедниками. Вне всякого сомнения, Теге знал о Канте, наверняка они встречались, но документальным подтверждением их знакомства мы не располагаем.

В 1758 году ему предложили занять место священника в родном Мариенвердере. Теге прибыл в город накануне вступления туда русских. Жители были в тревожном ожидании. Но войска спокойно прошли через город и разместились на квартирах в его окрестностях. Горожане ожидали первой службы нового священника, на которую прибыл Фермор со своими офицерами. Видимо, содержание проповеди удовлетворило главнокомандующего, ибо с того дня Фермор не пропускал службу. И вот однажды в дом Теге явился русский офицер и велел священнику прибыть в штаб-квартиру. Пастор терялся в догадках. Разговор же был недолог. Фермор сообщил Теге, что он назначается полковым пастором и отправляется в поход с русской армией. Конечно, это было неожиданностью. Перейти на сторону противника - для священнослужителя, для любого гражданина неразрешимая морально-этическая проблема. Теге высказал справедливое нежелание служить против прусского короля. Фермор привёл неотразимый, с точки зрения закона, довод. Пруссия была провинцией Российского государства, жители, высокопоставленные чиновники, учёные, студенты, священнослужители принесли присягу на верность императрице Елизавете. А так как Фермор был генерал-губернатором Пруссии, то население обязано было подчиняться ему. Призыва в русскую армию среди немецкого населения не было, и случай с Теге ввиду его исключительности только подтверждал это правило.

Благоразумнее было подчиниться приказанию. Впоследствии пастор вспоминал: «У нас жива была старая добрая вера в Божий промысел, которому мы и приписали это внезапное назначение».

Скоро у пастора появились новые знакомые. Дело было так. Казаки, действовавшие в авангарде, готовились к переправе через Вислу. Им необходимо было благословение перед походом, но православный протопоп находился в Кёнигсберге. Казаки обратились к Теге. Это вызвало недоумение священнослужителя - как лютеранский пастор может благословить солдат православной веры? Но казачий атаман на это ответил, что все христиане и слово пастора для людей такое же, как протопопово. И не беда, если его немецкий язык никто не поймёт. Русский уважает всякого священника, если знает, что он поставлен законной властью. И ещё атаман попросил, чтобы пастор говорил с чувством, правдиво и чаще упоминал имена Авраама, Исаака и Иакова.

И необычайная служба началась. Стоя на небольшом возвышении у самого берега Вислы, пастор напоминал о древних патриархах, которым так трудно было переселяться из одних мест в другие, неизвестные. Сравнивал это с тем, что предстояло совершить и казакам. Конечно, не все поняли пастора. Но офицеры были тронуты, а казаки крестились всякий раз при упоминании имён Иисуса и Авраама.

Невольная замена православного священника и легла в основу будущих тесных отношений пастора и православного протопопа. О русском священнике было известно, что он был средних лет и среднего роста, добрым по натуре, чистосердечным, весёлым. Протопоп немного знал немецкий и, пользуясь этим, учил пастора обращению с русскими воинами.

Между тем армия вышла в поход и летом 1758 года встретилась под Цорндорфом с прусской армией. Фермор приписывал успех себе, Фридрих II – себе, он остался на поле боя, что давало ему право формально считать себя победителем. Во всяком случае, после сражения обе армии оказались не в состоянии продолжать дальнейшие боевые действия. Пастор Теге в это время находился в плену у пруссаков. Цорндорфское сражение оказалось в его жизни первым и последним. Пастор вёл себя с достоинством, оказывал помощь пленным русским офицерам. В результате размена пленных, Теге вернулся к штабу русской армии. По обвинению в сотрудничестве с пруссаками пастора арестовали и отправили в Санкт-Петербург. Его ждало длительное заключение в Петропавловскую крепость. Путь лежал через Кёнигсберг. Здесь выяснилась причина ареста. Обычные придворные интриги против Фермора затронули представителей его окружения. Освободили и оправдали Теге через два года. Новый губернатор граф Пётр Иванович Панин выделил ему приход в селении Победен, что неподалёку от Кёнигсберга.

Кретинин Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758—1762. Калининград, 1996.

Федор Иванович Краснощеков – казачий атаман.

После окончания Семилетней войны 1756-1763 года, в ходе которой Россия принимала участие на стороне Франко-Австрийской коалиции, в репертуаре донских казаков появилось несколько новых былин, посвященных событиям тех лет. Они распивали на бивуаках в полевых лагерях или в ходе домашних застолий про свои славные дела в Пруссии и Австрии под началом своего атамана Федора Ивановича Краснощекова. В одной из таких былин, которые дошли до наших дней поется:

«Как и шла-то там, прошла царица,
Государыня сама,
Казака-то Краснощекова
Генералом назвала.
Краснощеков-то наш генерал
К пруссу в гости приезжал.
Он без спросу-то, без докладу
К королю в гости попал.»

И хотя никакого тайного визита казачьего атамана к прусскому королю Фридриху Второму в действительности не было, все же некоторая историчность в этом сюжете присутствует. Просто таким образом в народной памяти отложился эпизод августа 1759-го года, когда в сражении при Кунерсдорфе прусский король Фридрих Второй потерял всю свою армию и едва сам не попал в плен к русским казакам, улизнув от них в самый последний момент, сбежав из собственных покоев, оставив в качестве трофея казакам Краснощекова, королевский мундир, который и по сей день хранится в Петербурге в музее.

Имя казачьего генерала Краснощекова оказалось несколько в тени его более известных нам современников.

Федор Иванович Краснощеков (или Краснощеков-младший) родовитый казак, сын другого легендарного Краснощекова-старшего Ивана Матвеевича появился на свет в Черкасске (ныне станица Старочеркасская Ростовской области) в 1710-м году. Судьба его была предопределена обстоятельствами рождения, пока мать нянчила его в младенчестве, отец добывал казачью славу на Северной войне царя Петра. Добывал стоит заметить знатно, так проявил себя в бою, что сам царь Петр приблизил его к себе и не раз давал ему особо важные поручения, которые Краснощеков-старший всегда выполнял, презрев опасности и страх. А когда сын Федор вошел в пору,

постоянно брал его с собой в походах на Персию или на шведа, боевое же крещение Краснощеков-младший получил в 17 лет, участвуя вместе с отцом в рейде против татар, когда казачий отряд Ивана Матвеевича огненным вихрем прошел сквозь аулы немирных татар.

В двадцать лет Федор Краснощёков за свои выдающиеся военные дела был произведен в есаулы. Под селеньем Карамык Федор Иванович со своими казаками четверо суток отбивал атаки крымских татар, удерживая важную стратегическую позицию.

В начале Русско-Турецкой войны Краснощеков младший получает чин полковника будучи двадцати шести лет отроду. В ходе этой войны он и его отряд не раз проявлял себя с наилучшей стороны, так Федор Иванович отличился в боях под Азовом, а во время боевых действий в Крыму его казаки захватили в плен крымского хана.

В 1755 году, в ходе Семилетней войны, императрица Елизавета Петровна за проявленные заслуги, умения и боевую выучку присвоила Федору Ивановичу чин бригадира. Впервые в истории казак получил столь высокое назначение в Русской Армии.

Походный атаман бригадир Ф.И. Краснощеков участвовал в кампании 1757 года. Его казаки отличились в сражении при Гросс-Егерсдорфе в августе того года. Прусский корпус атаковал русскую армию, но был отбит. Казаки полка Серебрякова в этой битве контратаковали полк драгун принца Брауншвейского, полностью уничтожив один эскадрон. Они заманили прусскую кавалерию под огонь русской артиллерии, а затем преследовали и уничтожали расстроенные боевые порядки немецких драгун.

В августе 1758 года казаки под командованием Краснощекова-младшего наголову разбили немецкую конницу генерала фон Зейдлица-Курцбаха считавшуюся до встречи с донцами непобедимой.

Действия легких войск Краснощекова на следующий день после сражения при Кунерсдорфе были отмечены в докладе генерал-майора графа Готтлоб Курт Генрих фон Тотлебена (саксонский авантюрист и русский генерал, прославившийся занятием Берлина в октябре 1760 года; герой популярных в Западной Европе конца XVIII — начала XIX столетия литературных произведений, содержавших элементы авантюрного или плутовского романа, во многом типичный представитель своего времени, «золотого века авантюристов»):

«Нашими казаками и гусарами в двух деревнях и местечке Герице при двух офицерах и 36 человек рядовых 200 человек раненых в полон взяты. И во все сие время преследования неприятеля, гусарами и казаками пленено неприятельских

кирасир, гусар и пехоты 346 человек, капитана, 4 порутчика, 1 корнет и 268 кирасирских и гусарских лошадей в добычу взято, и много неприятеля побито; причем от генерал-майора графа Тотлебена засвидетельствована храбрость и неустрашимость бригадира Краснощекова, полковников Попова, Дячкина и Лукина, а гусарских полков полковника Зорича и князя Амилохварова».

Летом 60-го года казаки Федора Ивановича загнали немца в Берлин, не дав им организовать оборону города. За эти действия генерал-поручик З. Г. Чернышев в рапорте о занятии Берлина императрице писал: «...Краснощекову и гусарскому полковнику Подгоричани он подтвердил им потому ж от меня данное повеление, которые со всею своею ревностью, с известною их храбростию, ничего не мешкая, его адъютанта, гнавшего уже от левой стороны означенной неприятельской пикет, не только подкрепили, но, совокупясь все вместе, догнали настоящей неприятельской арьергард, который состоял пехоты полк Клейстов, один батальон Вуншев, королевских егерей триста человек да кавалерии четыре эскадрона и два эскадрона гусар Клейстовых же, — со всею ополчивостию атаковали...»

Далее, в рекомендации к награждению генерал-поручик в списке отличившихся фамилий Краснощекова напишет первой. И награда найдет героя в конце войны, в 1762 году императрица пожаловала ему золоту саблю, которая стала настоящей реликвией семьи Краснощековых и передавалась от отца к сыну.

Как и отец, Федор Иванович между постоянными войнами и походами заведет семью, женившись на Ефимье Федоровне Грековой представительнице другого именитого донского казачьего рода, которая родила ему двоих сыновей, также связавших свою судьбу с военным делом.

Постоянные сражения множественные ранения и тяжелые походные условия подорвали здоровье казака и скончался Федор Иванович Краснощеков в возрасте всего 53-х лет. Несмотря на свой генеральский чин, благодаря которому он мог спокойно поселиться в столице, Краснощеков - младший предпочел доживать свои дни в родном Черкасске - столице войска Донского. Здесь он появился на свет, здесь же он обрел вечный покой, донской казак, генерал-майор Федор Иванович Краснощеков. И спустя столетия будут донцы петь песни, сложенные про своего атамана, с которым совершили немало славных дел.

По материалам статей *http://hrono.ru/biograf/bio_k/krasnoschekov.php*

http://www.rodon.org/art-080804144414

https://info.wikireading.ru/18574

https://zen.yandex.ru/media/slavjznsky_stan/fedor-ivanovich-krasnoscekov-kazachii-ataman-5acb169fd7bf213a1be893bb

Славный Архангелогородский

Русские полки... Пехотные и гусарские, гренадёрские и уланские... Нет, это не просто воинские образования, различавшиеся только формой одежды, а почти всегда - знаменитые полки, как правило, созданные в том или ином городе и носящие его имя, созданные, как правило, в годину трудных испытаний и с честью выдержавшие эти испытания, завоевавшие славу себе и Отечеству. Большинство из них имели более чем двухсотлетнюю историю. Появившись ещё во времена Петра Великого, они навсегда вошли в русскую историю. Преображенский, Измайловский, Семёновский...

Слава и гордость оружия.

Вот «История 17-го пехотного Архангелогородского полка», составленная полковником Генерального штаба Николаевым. Многие славные страницы истории этого полка написаны на полях Пруссии, в стенах Кёнигсберга. В этом полку имел честь проходить службу поручик А. Т. Болотов. Возможно, это даже самый старый из полков русской регулярной армии, однако официальной точкой отсчёта для него считается 25 июня 1700 год, когда он был сформирован из рекрутов города Архангельска и близлежащих деревень.

Северная война, непосредственное участие в строительстве Петропавловской крепости, войны с турками, и походы, походы, походы... Интересен, например, период, когда командиром полка с 1741 по 1750 года был полковник Болотов Тимофей Петрович – отец знаменитого учёного. То десятилетие, в течение которого Т. П. Болотов возглавлял полк, стало заметной вехой в его истории. Речь идёт не столько о ратных делах, хотя они, конечно, были - полк поддерживал отличную боевую славу, а об отношениях между офицерами, сложившимися в полку благодаря командиру. Честность, справедливость, доброта, уважение к подчинённым, отличное знание службы вызывали уважение к Т. П. Болотову и со стороны командования и со стороны подчинённых, вплоть до нижних чинов.

В полку рос и 10-летний капрал Андрей Болотов. И даже через семь лет после смерти отца, во времена похода в Пруссию, молодой, тогда ещё сержант, а затем подпоручик, Болотов чувствовал тёплое отношение к себе сослуживцев, ещё помнивших старого командира. Да и сам Андрей Болотов пришёлся ко двору. Любитель чертить и рисовать, он создал схемы и рисунки к боевому уставу, чем заслужил благодарность всего полка. И недаром. На всех смотрах архангелогородцы выделялись слаженностью, прекрасным знанием военных приёмов.

Вместе с русской армией Архангелогородский полк прошёл через Шталупёнен, Гумбиннен, Инстербург, Гросс-Егерсдорф, Тильзит в 1757 году. С весны до осени 1758 года полк входил в состав Кёнигсберга и нёс здесь караульную службу. И,

конечно же, жизнь в большом и благоустроенном городе представляла собой приятную перемену после тягот "похода и стоянки в небольших посёлках".

Вторично Архангелогородский полк оказался в Восточной Пруссии уже в другую эпоху - 1807 году. После Прейсиш-Эйлауского сражения полк прибыл в Кёнигсберг, а затем из Пиллау его перевели морем в Данциг для оказания помощи осаждённому прусскому гарнизону. "Разблокировать" Данциг не удалось, и хотя архангелогородцы в полной мере проявили свою доблесть и даже ходили в штыковые атаки, но пришлось тем же путём вернуться в Кёнигсберг для соединения с русской армией.

14-15 июня 1807 года полк принял участие в обороне Кёнигсберга от французских войск. Здесь Архангелогородский полк занимал протяжённую позицию между Бранденбургскими и Фридландскими воротами и задачу свою выполнил успешно.

Впоследствии славы своей полк никогда не уронил. И жаль, что преемников славных традиций, которые могли бы отметить 300-летний юбилей не осталось.

Кретинин Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758—1762. Калининград, 1996.

https://histrf.ru/.../istoriia-17-gho-piekhotnogho-arkhanghie...

Прусская армия середины XVIII века

«Когда кто-либо когда-нибудь захочет управлять миром, он не сумеет сделать этого только посредством гусиных перьев, но лишь в сочетании с силами армий».

Так писал король Фридрих Вильгельм Прусский своему военному министру и главнокомандующему, князю Леопольду Дессаускому (князь Леопольд Ангальт-Дессауский («Старый дессаусец») — фельдмаршал, один из лучших прусских военачальников и военных теоретиков XVIII века, главнокомандующий армией при Фридрихе Вильгельме I), и выполнению этого требования было посвящено все царствование отца Фридриха Великого.

Фридрих Вильгельм поставил себе целью увеличение боевой мощи прусской армии не только путем простого увеличения ее численности, но (и главным образом) с помощью разумной организации, жесткого контроля и напряженной боевой подготовки. Все это быстро выдвинуло прусские войска на одно из первых мест в Европе. После своей смерти 31 мая 1740 года «король-солдат» оставил наследнику армию численностью 83 468 человек. Для сравнения скажем, что в соседней Саксонии, почти равной тогда по площади и количеству населения Пруссии, к тому же не в

пример более богатой, армия насчитывала всего около 13 тысяч солдат и офицеров. Военная казна Прусского королевства исчислялась огромной по тем временам суммой в 8 миллионов талеров.

За все время правления Фридриха Вильгельма I прусская армия практически не имела возможности опробовать свои силы на настоящем противнике. Однако за это долгое мирное время были заложены основы (особенно по части дисциплины), которые позволили его сыну уже на полях сражений первой Силезской войны показать, что армия Пруссии — это грозная сила, с которой лучше не тягаться никому. Еще со времен «Великого курфюрста» Фридриха Вильгельма вооруженные силы королевства комплектовались наемниками, как из числа подданных Пруссии, так и из иностранцев. Рекрутские наборы, столь характерные для других европейских стран, применялись реже. Кроме того, существовала система добровольной записи на службу горожан, из которых комплектовалась ландмилиция — подразделения «городской стражи»: ее личный состав не нес постоянной службы, а лишь время от времени проходил военные сборы на случай войны. Боевая ценность таких войск была крайне низкой, но в случае нужды вполне подходила для несения гарнизонной службы, освобождая регулярные части для боевых действий. Срок службы завербованного солдата или унтер-офицера составлял 20 лет.

Фридрих, при восшествии своем на престол, получил в наследство от отца три инструмента, позволивших ему превратить свое небольшое королевство в одно из ведущих государств Европы. Это отличный, наиболее совершенный для того времени государственно-чиновничий аппарат, богатейшая казна без каких-либо долгов и первоклассная армия. Фридрих Вильгельм I сумел так наладить управление государством, что небольшое Прусское королевство располагало вооруженным силами, сопоставимыми с армией любой крупной державы Европы — Австрии, России или Франции.

Военно-морского флота в Пруссии, как такового, не было. Военная доктрина Гогенцоллернов никогда до конца XIX века не основывалась на морской мощи. Единственное исключение составлял курфюрст Фридрих Вильгельм Великий, который попытался начать строительство собственного флота в померанском Штральзунде и даже сформировал эскадру в 12 вымпелов примерно с 200 орудиями на борту. Однако красным орлам Бранденбурга не суждено было воспарить над морем. Тогдашние хозяева Балтики — шведы быстро пресекли эту попытку, высадившись на вражеском берегу, захватив Штральзунд (и присоединив его, кстати, к своим владениям в Померании) и пустив на дно всю курфюрстовскую эскадру.

Фридрих тоже не проявлял никакого интереса к военно-морскому флоту. Впрочем, у него на это имелись все основания. В конце XVII — начале XVIII веков на Балтике безраздельно господствовал могучий шведский флот, а со времен Петра I его

надолго сменил русский. К этому надо добавить еще и довольно крупный датский военно-морской флот. В этих условиях небольшая Пруссия, не имевшая к тому же никаких традиций кораблестроения и мореплавания, просто не могла создать приемлемого по размерам военного флота, чтобы противостоять любому из этих врагов. Поэтому пруссаки просто сделали вид, что Балтийского моря не существует, и оказались правы — русские и шведские корабли так и не смогли оказать существенного влияния на ход войны, ограничившись высадкой ряда десантов. Осада русскими приморского Кольберга при помощи флота проваливалась дважды, а в третий раз Румянцев взял бы его и без поддержки моряков.

По материалам работы
http://www.k2x2.info/istorija/voiny_i_kampanii_fridriha_velikogo/p6.php

Императрица Елизавета Петровна.

Середина XVIII века в России вошла в историю как «эпоха дворцовых переворотов». В 1722 году Пётр I издал указ о престолонаследии, согласно которому император сам мог назначать себе преемника. Этот указ сыграл злую шутку с самим Петром, который перед смертью не успел выразить свою волю.

Очевидного и безоговорочного претендента не было: сыновья Петра к тому времени умерли, а все остальные кандидаты не находили всеобщей поддержки.

Светлейшему князю Александру Даниловичу Меньшикову удалось возвести на престол супругу Петра I Екатерину, ставшую императрицей под именем Екатерина I. Её царствование продлилось всего два года, а после её кончины на престол взошёл внук Петра Великого, сын царевича Алексея Пётр II.

Борьба за влияние на малолетнего царя кончилась тем, что несчастный подросток простудился на одной из многочисленных охот и скончался накануне собственной свадьбы.

Вельможи, перед которыми вновь встала проблема выбора монарха, отдали предпочтение вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне, дочери Ивана V, брата Петра Великого.

Анна Иоанновна не имела детей, которые могли бы законно занять русский престол, и назначила наследником своего племянника Иоанна Антоновича, которому к моменту восшествия на престол не исполнилось и полугода.

Пользуясь падением авторитета и влияния власти в период регентства Анны Леопольдовны, в ночь на 25 ноября 1741 года 32-летняя цесаревна Елизавета Петровна в сопровождении графа М. И. Воронцова, лейб-медика Лестока и учителя музыки

Шварца со словами «Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною! Как вы служили отцу моему, так и мне послужите верностью вашей!» подняла за собой гренадерскую роту Преображенского полка. Таким образом осуществился четвёртый за 15 лет государственный переворот в ходе которого свергли Ивана VI, его мать, правительницу-регентшу Анну Леопольдовну.

***Императрица Елизавета Петровна сочетала в себе черты обычной женщины и сильного правителя. В исторических источниках сохранились воспоминания о любви императрицы к танцам, платьям. С детства необыкновенно красивая, она проводила отрочество и юность в балах и развлечениях. Росла в Москве, а летом уезжала в Покровское, Преображенское, Измайловское или Александровскую слободу. Отца в детстве она видела редко, воспитанием будущей императрицы занималась его сестра, царевна Наталья Алексеевна, или семья А. Д. Меншикова. Ее обучали танцам, музыке, иностранным языкам, умению одеваться, этикету. Кроме того, Елизавета была весьма набожным человеком.

***После брака родителей стала носить титул цесаревны. Завещание Екатерины I 1727 года предусматривало права цесаревны и её потомства на престол после Петра II и Анны Петровны. В последний год правления Екатерины I при дворе часто говорили о возможности брака между Елизаветой Петровной и ее племянником Петром II, который был влюблен в нее беззаветно. После внезапной смерти юного императора от черной оспы в январе 1730 г. она, несмотря на завещание Екатерины I, являясь все-таки фактически незаконнорожденной, не рассматривалась в высшем свете как одна из претенденток на престол, который заняла её кузина Анна Иоанновна. В её правление (1730—1740 гг.) цесаревна находилась в опале, но недовольные Анной Иоанновной и Бироном возлагали большие надежды на неё.

Первым подписанным будущей императрицей документом стал манифест, в котором доказывалось, что после смерти предыдущего императора лишь она – единственная законная наследница престола. Также она пожелала устроить коронационные торжества в Успенском соборе Кремля и 25 апреля 1742 г. сама возложила на себя корону.

На ход государственных дел во время всего правления Елизаветы Петровны влияли фавориты — братья Разумовские, Шуваловы, Воронцовы, А.П. Бестужев-Рюмин.

Елизавета пришла к власти в стране, втянутой в войну со Шведами. В июле 1741 года шведский король, подстрекаемый Францией, объявил войну России. Шведское войско вошло на территорию Финляндии. Желая заручиться поддержкой финнов, и поднять их на войну со шведами, Елизавета Петровна объявила о том, что в том случае если финны выступят против шведов и помогут России одержать победу, Финляндии будет дарована независимость. В результате Шведы были вынуждены

отступать, поскольку не готовились к войне, как с русской армией, так и с финскими отрадами. Результатов войны со Швецией стало подписание мирного договора (Абоского мира) вблизи Гельсингорфса в августе 1742 года. Согласно этому договору Швеция признавала права России на Прибалтику, а также уступала часть территории Финляндии. Таким образом, Россия закрепила своё положение на Балтийском море и упрочила оборону северо-западных границ.

В 1756 году Россия вновь оказалась втянутой в войну. Это была Семилетняя война. Россия вступила в союз с Францией, Австрией и Саксонии против Пруссии и Англии. Официально, Россия вступила в этот союз для того, чтобы обезопасить территорию Прибалтики от возможного посягательства прусского короля. Принять эту версию сложно, поскольку причины начала этой войны заключаются в разделе прав на американское влияние между Англией и Францией. Пруссия, конечно, обладала очень сильной армией, но никаких предпосылок для ее похода в Прибалтику не было.

Императрица Елизавета Петровна проявила слабость, доверилась французским и австрийским послам, которые убедили ее вступить в этот союз, а заодно и в войну против сильной немецкой армии. Активно войну начали именно немцы. Они разбили Саксонцев в 1756 году, выведя одного союзника из борьбы. Франция и Австрия сражений не искали. В результате 19 августа 1757 года вблизи местечка Гросс-Егерсдорф состоялась крупная битва между российской и немецкой армиями. Россияне победили. Россияне продолжили наступать. В 1758 году они разбили немцев вблизи деревни Цорндорф. В 1759 году одержали победу под Кунерсдорфом. В 1760 году захватили Берлин. В 1761 году русская армия захватила крупную крепость Кольберг. Пруссия балансировала на грани поражения. Английской помощи, кроме, как финансовой, не было.

Основными принципами внутренней и внешней политики новая императрица провозгласила возвращение к петровским преобразованиям. Она упразднила возникшие после смерти отца государственные институты (Кабинет министров и др.), восстановила роль Сената, коллегий, Главного магистрата.

В 1741 г. императрица приняла Указ, по которому признавалось существование «ламайской веры», буддизм был официально принят государственной религией в Российской империи.

В 1744-1747гг. проведена 2-ая перепись податного населения.

В 1754 г. ликвидированы внутригосударственные таможни, что привело к значительному оживлению торговых связей между регионами.

Были основаны Первые русские банки — Дворянский (Заёмный), Купеческий и Медный (Государственный).

Осуществлена реформа налогообложения, которая позволила улучшить финансовое положение страны.

В социальной политике продолжилась линия расширения прав дворянства. В 1746 году за дворянами было закреплено право владеть землей и крестьянами. В 1760 году помещиками получено право ссылать крестьян в Сибирь с зачетом их вместо рекрутов. А крестьянам было запрещено вести денежные операции без разрешения помещиков.

Была отменена смертная казнь (1756 год), остановлена массовая практика изощренных пыток.

После изданных указов о крестьянах и помещиках, на рубеже 50-60 гг. XVIII века произошло более 60 восстаний монастырских крестьян (Башкирия, Урал), которые были подавлены по ее указу с примерной жестокостью.

При Елизавете Петровне были реорганизованы военно-учебные заведения. В 1744 году вышел указ о расширении сети начальных школ. Открыты Первые гимназии: в Москве (1755 г.) и Казани (1758 г.). В 1755 году по инициативе её фаворита И. И. Шувалова основан Московский университет, а в 1760 году — Академия художеств, во главе которого станет один из братьев Разумовских. Созданы выдающиеся знаменитые памятники культуры (царскосельский Екатерининский дворец и др.). Оказывалась поддержка М. В. Ломоносову и другим представителям русской культуры и науки. В 1755 г. стала выходить газета «Московские ведомости», а с 1760 г. первый московский журнал «Полезное увеселение».

В целом внутренняя политика императрицы отличалась стабильностью и нацеленностью на рост авторитета и мощи государственной власти. Таким образом курс Елизаветы Петровны был первым шагом к политике просвещенного абсолютизма.

В основе внешней политики лежало признание 3-х союзов: с «морскими державами» (Англией и Голландией) ради торговых выгод, с Саксонией – во имя продвижения на северо-запад и западные земли, которые оказались в составе Речи Посполитой, и с Австрией – для противостояния Османской империи и усилению Пруссии.

В последний период царствования императрица меньше занималась вопросами государственного управления, перепоручив его братьям Шуваловым, Воронцовым, Разумовским и др.

***В 1744 году заключила тайный морганатический брак с А. Г. Разумовским, украинского казака, сделавшего при ней головокружительную карьеру от придворного певчего до управителя царских имений и фактического супруга императрицы. По

свидетельствам современников она родила нескольких детей, но данные о них неизвестны. Это и послужило причиной появлению самозванцев, именовавших себя её детьми от этого брака. Среди них наиболее известной фигурой стала княжна Тараканова.

Как и для любого руководителя государства, перед Елизаветой остро стоял вопрос о своем приемнике. Изначально предполагалось, что приемником Елизаветы станет Петр Федорович, внук Петра Великого. В 1742 году он официально был объявлен приемником императрицы. Едва только юному Петру исполнилось 16 лет, его женили на дочери немецкого короля, принцессе Анхальт-Цербстской Софии Августе Фредерике, которая приняла христианство и получила имя Екатерины. После этого Елизавета разочаровалась в Петре. Её преемник уделял огромное внимание Германии. Он жил там со своей женой и активно интересовался этой страной. В таких условиях Петр мог быть хорошим немецким принцем, но не российским императором. В 1745 году у Петра с Екатериной родился сын Павел, которого императрица Елизавета Петровна забрала к себе на воспитание. Она видела в нем приемника, и с детства готовила Павла к власти.

Период её царствования — период роскоши и излишеств. При дворе постоянно проводились балы-маскарады. Сама Елизавета Петровна была законодательницей мод. Гардероб императрицы насчитывает до 12-15 тысяч платьев, которые составляют на сегодняшнее время основу текстильной коллекции Государственного исторического музея в Москве.

С 1757 года её стали преследовать истерические припадки. Она часто теряла сознание, и при этом еще открылись незаживающие раны на ногах и кровотечения. За зиму 1760-1761 года императрица только 1 раз была на большом выходе. Красота ее быстро разрушалась, она ни с кем не общалась, чувствуя себя подавленной. Вскоре усилилось кровохарканье. Она исповедовалась и причастилась. Императрица Елизавета Петровна умерла в декабре 1761 года.

Тело императрицы Елизаветы Петровны погребли 5 февраля 1762 г. в Петропавловском соборе Петербурга.

Многие художники писали ее портреты, дивясь красоте императрицы.

В целом годы правления Елизаветы Петровны стало временем политической стабильности в России, укрепления государственной власти и её институтов.

По материалам работы http://kremlion.ru/praviteli/elizaveta/

http://rushist.com/index.php/platonov-lectures/1907-pravlenie-elizavety-petrovny

После смерти императрицы Елизаветы, Петр 3 летом 1762 года заключил союз с немцами. Война была окончена. Семь лет русская армия воевала за интересы Франции

и Австрии, одерживала славные победы. Но малодушный Петр 3 свел эти победы к нулю. Войска просто возвратились на Родину.

А́вгуст Фри́дрих Фе́рдинанд фон Коцебу́

(нем. August Friedrich Ferdinand von Kotzebue; 3 мая 1761 — 23 марта 1819) — немецкий драматург и романист, газетный агент на русской службе в Остзейском крае (издавал в Берлине ряд газет, где проводил прорусскую пропаганду); потом в Германии, был директором придворного театра в Вене и написал ряд популярных драм, благодаря сценичности и пониманию вкусов толпы.

В своё время он был даже популярнее Гёте или Шиллера.

В 1800 фон Коцебу был арестован на границе, так как попал под подозрение, что он — «якобинец» и сослан в Сибирь. Тобольский губернатор Д. Р. Кошелев определил местом жительства ссыльного город Курган Тобольской губернии. Вскоре после прочтения императором Павлом I драмы «Старый придворный кучер Петра III», Павел был настолько восторжен, что помиловал Коцебу в срочном порядке и даже одарил поместьем в Эстонии. Одновременно император назначает его придворным советником и ставит во главе немецкого театра в Петербурге.

В 1802 Август фон Коцебу направлен в качестве политического агента русского правительства в Германию, где выступил горячим противником романтизма и политических идеалов молодой Германии. Редактировал еженедельник «Ernst und Scherz» (в 1803—1806 вместе с Гарлибом Меркелем). Издавая в Веймаре и Мангейме крайне реакционный «Литературный еженедельник» («Literarisches Wochenblatt»).
В 1815 году назначен в Кёнигсберге Генеральным консулом России. Любимчик Александра Первого, памфлетист, именно он раскрыл имена «главнейших» преступников в убийстве отца государя Павла Первого. (В Петербурге ползли слухи, что сын повинен в смерти отца… Коцебу предоставил полный список влиятельных людей на выдворение их из столицы)

Александр Первый учредил с европейскими монархами Священный Союз и вмешивался во внутренние немецкие дела, дабы не допустить революции и задушить её в зародыше.

Ищейки Священного Союза повсюду: в университете, в различных обществах, ведётся шпионаж в пользу России. В прессе появляется статья из русского МИДа: «Записка о нынешнем положении Германии» с призывом к правителям Европы ограничить роль Германии в новом мире, прижать университеты как рассадники вольнодумства.

Русский царь не жалеет денег на подкуп стукачей.

Консулы выполняют роль агента-разведчика, основанная ранее Барклаем-де-Толи – агентурная сеть через военных атташе в европейских столицах.

Августу было неуютно в Восточной Пруссии. Будучи боязливым и, как многие немцы, склонным к мистицизму, он ощущал, что Кёнигсберг таит для него опасность, объяснить которую не мог. От дурных мыслей консул в поте лица пашет на ниве русской дипломатии.

Весной 1815 года в Кёнигсберге в семье Коцебу родился сын, названный в честь русского императора — Александром.

С 1817 года он состоял при министерстве иностранных дел в России и считался командированным в Германию, с содержанием в 15000 рублей в год. Август сменил зловещий Кёнигсберг на Веймар, стал травить клеветой почтенных профессоров и студентов-романтиков. Коцебу заподозрили в шпионаже в пользу России, будучи непопулярным человеком в Германии, он залёг на дно в Мангейме.

Заколот студентом Зандом в Мангейме 23 февраля 1819 г. По одной из версий, убит за свою прорусскую деятельность. Косвенным образом к этому убийству была причастна организация немецкого студенчества — Буршеншафт. Это убийство послужило предлогом для запрета Буршеншафт и отказа от введения конституции в Пруссии и других германских государствах.

Свыше двадцати пьес А. Коцебу и повесть «Опасный заклад» перевёл на русский в начале XIX века Н. П. Краснопольский.

От имени Коцебу образовано обозначение низкопробной драматургии, засилье которой на русской сцене в первой четверти XIX века вызывало протесты сатириков и критиков, — «коцебятина». Интересно, что впоследствии сын А. Коцебу Павел служил начальником штаба командующего русской армии в Крыму М. Д. Горчакова, сына автора термина «коцебятина» Д. П. Горчакова (русский поэт-сатирик и драматург, Горчаков ввёл в русскую литературу форму «святок» (подражание французскому сатирическому «ноэлю»), которая получила развитие в творчестве А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. Первые «Святки» в начале 1780-х годов были посвящены литературным конфликтам).

Позже Павел, второй сын Августа фон Коцебу стал новороссийским генерал-губернатором, старший сын Отто — знаменитым русским мореплавателем, Вильгельм, один из младших сыновей — дипломатическим служащим при генерал-губернаторе в Киеве.

Русский консул Август фон Коцебу оставил целый ряд интересных сочинений мемуарного жанра, среди которых наиболее известны Записки об убийстве Павла I. https://memoirs.ru/texts/Kocebou_Z_1908.htm

По материалам работ http://www.peoples.ru/art/theatre/dramatist/august_kotzebue/

Карл Людвиг Занд

— немецкий студент, убивший консервативного писателя Августа фон Коцебу, занимавшегося травлей студенческих организаций.

23 марта 1819 года в немецком городке Мангейме произошло событие, которому суждено было стать приметной вехой истории Европы, одним из символов наступившего нового времени. В тот день студент Карл Людвиг Занд, войдя в дом к писателю Августу Фридриху-Фердинанду фон Коцебу, с криком: «Изменник Отечества!» нанес ему смертельные удары кинжалом. После чего тем же кинжалом попытался покончить с собой. Убийцу схватили и отправили сначала в госпиталь, затем в смирительный дом.

Весть о преступлении облетела всю Европу, громким эхом отозвалась в России. И не удивительно. Жертвой злодеяния стал 57-летний издатель «Литературного еженедельника» («Das Literarisches Wochenblatt»), популярнейший в Европе романист и драматург, создавший свыше 200 пьес и почти столько же прозаических произведений — романов, рассказов, исторических исследований и мемуаров. Впервые в мирной, даже несколько сонной Германии, «под небом Шиллера и Гете», было совершено политическое убийство, положившее начало серии подобных преступлений во многих странах.

Превосходно знавший русский язык Коцебу многое сделал для знакомства немецких читателей с русской литературой, политикой и хозяйством России. Дважды издавал он свои переводы стихов и од Гавриила Державина. Перевел на немецкий «Слово о полку Игореве». Внимание немецких промышленников и купцов привлек изданный им же «Краткий обзор мануфактур и фабрик России». За деятельность по укреплению немецко-русских культурных связей Коцебу был избран иностранным членом Петербургской Академии наук.

А кто же убийца? Карл Людвиг Занд, студент богословия протестантского Эрлангенского университета, один из вожаков «Германского студенческого союза» («Буршеншафт») и тайного общества «Тевтония», выделялся грубым, диковатым нравом, по любому пустяку дрался и ввязывался в дуэли. Презирал и ненавидел всё иностранное. Отдадим ему должное: 19-летним юношей Занд побывал в рядах борцов с повторно пришедшим на немецкую землю Наполеоном, был участником битвы при Ватерлоо и победного похода союзников на Париж. «Молодые люди, воодушевленные своими монархами, поднялись во имя свободы, но вскоре поняли, что оказались всего лишь орудием европейского деспотизма, который воспользовался ими, чтобы укрепиться... По возвращении он, как и остальные, был обманут в своих лучезарных надеждах», - характеризует настроения Занда Александр Дюма, посвятивший ему главу своей «Истории знаменитых преступлений».

https://www.livelib.ru/…/read-karl-lyudvig-zand-aleksandr-d…

«В убежденности доходивший до ослепления, а в энтузиазме до фанатизма» Занд стал одним из организаторов сходки в замке Вартбург, где студенты-бурши, либеральные профессора и журналисты произносили патриотические речи, пели гимны и жгли книги реакционеров. В числе первых в костер полетела «История немецкой империи от истока до заката» Августа Коцебу. От сожжения книги до приговора автору оставался один шаг.

Афоризм «Каждый человек может убить другого, поэтому все люди равны» был сочинен сбежавшим из гимназии 14-летним мальчиком. Далее Карл Занд записал в дневнике: «Я не смог бы жить в одном городе с Наполеоном и не попытаться убить его, но чувствую, что рука еще недостаточно тверда».

Занда приговорили к смертной казни через обезглавливание и 20 мая 1820 года казнили. В либерально настроенных кругах убийцу Коцебу тотчас провозгласили «мучеником за свободу». Студенты называли его смерть «вознесением», издавались воспоминания и поэтические произведения, прославляющие «подвиг», всюду распространялись портреты. Впервые так ярко проявилась склонность либеральной интеллигенции поддерживать и поощрять любые «революционные» действия, в том числе и террористические, легко переходить «от оружия критики к критике оружием» (Карл Маркс).

Спустя полвека резко поменялось и отношение властей к памяти Карла Занда. В 1869 году, накануне франко-прусской войны и создания Германской империи, в Мангейме, на месте казни, ему был сооружен памятник. Убийца Коцебу взошел в официальный патриотический пантеон.

Материал Геннадия Литвинцева «Кинжал и свобода» отмечен дипломом в номинации «Терроризм: история и современность» в 2013 году.
http://4pera.ru/news/history/kinzhal_i_svoboda/

Александр Евстафиевич Коцебу

Сын Августа фон Коцебу, названный в честь русского императора – Александром.

Воспитывался в Петербургском кадетском корпусе. Еще с юношеских лет он обнаружил большую склонность к живописи; с годами она настолько развилась. В 1838 году оставляет военную карьеру и поступает в Петербургскую Академию искусств, где он пробыл до 1844 года, став позже профессором и академиком.

Рождённый в Кёнигсберге Александр стал художником-баталистом и царским любимцем, избрав для себя баталический род живописи.

За пять лет, которые он провел в стенах Академии, работая под руководством профессора А. Зауэрвейда, Александр Коцебу получил все отличия Академии Художеств: в 1839 г. малую серебряную медаль, в 1840 г. большую, за картину — «Сражение при Ливенберге», в 1843 г. малую золотую медаль за большое полотно — «Битва при Кулевче», и, наконец, за картину «Взятие Варшавы» — большую золотую, дававшую ему право на командировку за границу. Но художнику не удалось тотчас воспользоваться этим правом. Император Николай Павлович обратил внимание на его талант и заказал ему ряд картин; заказ этот удержал его на три года и только окончив его и выставив на Академической выставке 1847 г. исполненные им картины: «Взятие

крепости Шлиссельбурга, в 1702 г.» и «Взятие Нарвы в 1704 г.», Коцебу отправился в заграничное путешествие казенным пенсионером. Он побывал во Франции, в Италии, где посещал мастерские лучших художников, а затем поселился в Мюнхене.

Здесь он подготовился к исполнению нового Высочайшего заказа — написать несколько картин из истории Семилетней войны; по окончании этой работы, для исполнения нового Высочайшего заказа — написать ряд картин, в которых были бы изображены важнейшие события из суворовского похода, Коцебу объездил Италию и Швейцарию и сделал массу эскизов местностей, где происходили эти события.

Долго жил в Мюнхене, исполняя заказанные ему императором Николаем для Зимнего дворца сцены из истории Семилетней войны и Суворовского похода в Швейцарию и Верхнюю Италию: «Осада Нарвы», «Взятие крепости Нотебург», «Сражение под Гросс-Егерсдорфом», «Цорндорфская битва», «Сражение при Цюлихау», «Сражение при Кюнерсдорфе», «Русские в Берлине», «Взятие Кольберга», «Русские в «Битве при Требии» и др.

На годичную выставку Сибирской Академии Художеств 1857 года им были представлены картины: «Переход русских войск чрез Чертов мост в 1799 г.», «Битва при Нови» и «Сражение в Муттенской долине». После того его работы являлись на выставках академии еще дважды, в 1870 и 1871 гг.

В 1857 г. Коцебу за эти картины был признан профессором, а в восьмидесятых годах он получил звание академика.

Важнейшие произведения Коцебу находятся в Зимнем дворце. В музее императора Александра III — «Битва при Лесной».

Блестящий колорит, смелый, всегда полный жизни и правды как в композиций фигур, так и в ландшафте, рисунок — вот достоинства, которыми отличаются произведения этого талантливого баталиста; замечают иногда, что фигуры русских солдат у Коцебу не довольно национальны — объясняется это тем, что Коцебу писал преимущественно за границей, и не мог пользоваться русскими натурщиками; но во всяком случае, о картинах Коцебу Август Фридрих Пехт — германский художник, исторический живописец и портретист, литограф, а также искусствовед, научный писатель и редактор в области искусствоведения — в свое время справедливо заметил, что нет ни одного художника, военные картины которого были бы так естественны и в такой мере, как у Коцебу, вводили бы в данное положение.

Художник не любил Кёнигсберг. Именно там, ещё в раннем детстве, он узнал об убийстве отца, и семья сразу же уехала в Россию, а в родном городе он больше не бывал... Умер в Мюнхене в 1889 году.

По материалам работ https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2673
https://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/7431
https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/56071

Прозоровский, Александр Александрович

Представитель знатнейшего рода Прозоровских, Александр Александрович писал с гордостью: «Предки мои, происходя от российского княжеского колена, с отличностию от современных своих государей были употребляемы».

А. А. Прозоровский принадлежал к ярославской ветви княжеского рода, происходившего от легендарного Рюрика. Его дед, боярин Никита Петрович Прозоровский, в конце XVII в. был воеводой в Новгороде Великом. Другой дед (отец матери), Борис Алексеевич Голицын, был воспитателем, близким советником и другом Петра I, который подарил ему принадлежавшее ранее Борису Годунову имение — Большие и Малые Вяземы недалеко от Звенигорода. Отец — Александр Никитич Прозоровский — один из тех, кого Петр I в 1708 г. послал в Голландию обучаться морским наукам. В 1727 г. из-за полученного на службе увечья он вышел в отставку с чином капитан-лейтенанта и умер в 1740 г., когда его сыну, будущему фельдмаршалу, было около 7 лет.

Точная дата рождения Прозоровского не известна: биографы обычно называют 1732, Н. Ф. Дубровин — 1734 год. Сам же князь писал о времени своего появления на свет: «по исчислению полагаю оное в 1733 году». Поэтому временем рождения А.А. Прозоровского следует считать 1733 г. Это первое существенное исправление фактических ошибок, допущенных в литературе из-за того, что не были известны воспоминания Прозоровского, хранившиеся в семейном архиве.

Получил домашнее воспитание в Ярославле, по обычаям того времени в десятилетнем возрасте зачислен на службу в Семёновский лейб-гвардии полк, одновременно с А. В. Суворовым.

25 апреля 1754 года, как и Суворов, был выпущен в армейский пехотный полк в звании поручика (Суворов попал в Ингерманландский, Прозоровский — во Второй Московский полк). С Суворовым состоял и в родстве: тот был женат на княжне Прозоровской, троюродной сестре Александра Александровича.

Стал полковником в Семилетнюю войну. Был ранен пулей в левую руку в сражении при Гросс-Егерсдорфе, участвовал в осаде Кюстрина, вторично ранен в сражении при Цорндорфе, отличился при Кунерсдорфе и в Берлинской экспедиции 1760 года под началом генерала Тотлебена. В занятом русскими Берлине выполнял обязанности коменданта гарнизона.

По окончании войны и возвращении в Россию продолжил с успехом начатую военную карьеру. Был награждён орденом Св. Анны.

Принимал участие в Войне с конфедератами: в 1767—1768 годах занят усмирением и розысками польских патриотов в Литве, Варшаве, Бердичеве, Кракове. Сопровождал по Польше взятых под стражу епископа краковского и других магнатов Речи Посполитой:

«Купил я им вина, чаю, кофею, сахару и другой столовой провизии, а столовую посуду отправил свою. Белья ж постелю, шлафорки и сертуки, так как они были взяты в одних кафтанах, а уже осенние холода наступили, собрав своё и от офицеров, что у кого было. <...> Не взирая, что они [поляки], по положению их дел поведением нашего двора не могли быть довольны, они не преставали к нам являть всякие вежливости. Каждый в войске нашем офицер, имеющий хорошее поведение, не только в Варшаве, но в земле приниман был преласково!»

Участник Первой русско-турецкой войны (1768—1774). 30 сентября 1770 года, одним из первых российских генералов, получил за победу над турками под Очаковым вновь учреждённый Георгиевский орден.

«За храброе и искусное предводительство при разбитии под Очаковым неприятельской партии, состоявшей в 3 тысячах человек».

Позднее, при Александре I, возглавлял Георгиевскую думу, совет, решавший, кто из представленных к этой награде её достоин.

В 1778 году возглавил войско, направленное в Крым для подавления антирусского восстания. За быстрое и успешное «умиротворение» края награждён Орденом Св. Георгия.

«В 1771 году с конницей учинил в брод через Сиваш переправу в тыл неприятелю и открыл нашим войскам свободный вход в Крым. В 1778 году, предводительствуя знатным отрядом войск в Крыму, содействовал в выполнении всей препорученной ему от Его Императорского Величества секретной комиссии и уничтожением всех неприятельских действий».

В сентябре 1780 года женился на дочери генерал-аншефа М. Н. Волконского, княжне Анне Михайловне Волконской, брак их оказался не очень счастливым. 24(13) июня 1781 году был назначен генерал-губернатором Орловского и Курского наместничеств. Принял это назначение с условием, что будет продолжать числиться в списках российской армии, однако, в июле 1782 года, был сделан генерал-аншефом и сенатором с одновременным исключением из штатных армейских списков. Протесты и просьбы не помогали, поэтому, в начале января 1784 года Прозоровский вышел в отставку. Шесть лет провел в деревне. Помимо обычных занятий сельского хозяина,

посвящал время и литературному труду, приводил в порядок свои записи и воспоминания о минувших военных походах.

В начале марта 1790 года назначается Екатериной II главнокомандующим Москвы. Получает в подчинение войска, находящиеся в Москве, Московской и Смоленской губерниях и в Белоруссии. Награждается Орденом Св. Андрея Первозванного. Известно, что императрица ценила и отличала Прозоровского как надёжного исполнителя её воли, но не любила его за крутой нрав, резкость и излишнюю болтливость. Она тяготилась его посещениями, пусть даже по делу, и за глаза высмеивала его «подьяческие» привычки, вроде употребления к месту и не к месту слова «сиречь». Её переписка с Прозоровским суха и официальна по стилю, ничего личного, речь идёт исключительно о делах.

В тот момент, однако, встревоженная первыми признаками начавшегося, под влиянием успехов Французской революции, брожения умов, она желает иметь в Москве именно такого жёсткого и исполнительного человека, каким был Прозоровский. Его предшественник на посту главнокомандующего, П. Д. Еропкин, в её глазах, человек слишком мягкий по характеру для того, чтобы беспощадно искоренять крамолу. Первым распоряжением Прозоровского на новом посту было увольнение в отставку московского губернатора П. В. Лопухина, известного либерала и масона. Вскоре разразилась гроза над А. Н. Радищевым, преданным суду за своё «Путешествие из Петербурга в Москву». По приказанию императрицы Прозоровский арестовывает Н. И. Новикова и его товарищей. Выполняя инструкции Екатерины, князь вкладывает в дело чрезмерное усердие. В громкое политическое дело вырастает, к примеру, обнаружение в продаже французских календарей: своих лучших людей Прозоровский бросает на поиски и изъятие уже проданных экземпляров. Суровым режимом в Москве он наживает много врагов и недоброжелателей, так и не приобретя ни любви, ни искренней признательности императрицы. В начале 1795 года, наградив напоследок Орденом Св. Владимира, его отправляют в отставку.

Павел I, при своём вступлении на престол, 4 декабря (24 ноября) 1796 года назначает князя командующим 1-й Смоленской дивизией в армии П. А. Румянцева-Задунайского, после смерти последнего 19 (8) декабря 1796 года, Прозоровский принимает командование над армией как старший по чину. Но уже 17 (6) января 1797 года, неожиданно, как и Суворов, отставлен от службы высочайшим указом и удалён в деревню. Формулировка указа: «за вступление в командование не своей частью».

Александр I возвращает князя на службу, назначив его начальником ополчения южных губерний. 10 сентября (30 августа) 1807 года возводится в чин генерал-фельдмаршала и назначается командующим Молдавской армией, действующей против турок. Трудно понять, какие причины заставили Александра возложить такое ответственное задание на 74-летнего старца: одолеваемому болезнями Прозоровскому

успешное ведение кампании уже затруднительно, его действия отличаются пассивностью, предприятия заканчиваются неудачно. Так, штурм Браилова, начатый по настоянию М. И. Кутузова, отбит с большими потерями. Результатом этого становится удаление Кутузова от армии (Кутузов получает назначение в виленские генерал-губернаторы). Прозоровский умирает 9 (21) августа 1809 года в полевом лагере за Дунаем. Со смертью князя Прозоровского, двух его дочерей, и его внучатых племянников (1870) род Прозоровских угас.

По материалам http://feb-web.ru/feb/rosarc/zgp/zgp-679-.htm родословная князей Прозоровских.

***Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского охватывают период с 1756 по 1776 года. В книге дается развернутая характеристика важнейших исторических событий второй половины XVIII века, когда во многом определялось политическое будущее Российской Империи. Во всех этих событиях А. А. Прозоровский принимал самое активное участие, командуя различными соединениями русской армии. Книга содержит воспоминания А. А. Прозоровского о событиях Семилетней войны, о действиях российских войск против польских католических конфедераций, о военных кампаниях, происходивших на Причерноморском и Крымских фронтах Первой русско-турецкой войны.
http://militera.lib.ru/memo/russian/prozorovsky_aa01/index.html

«Восемнадцатое столетие в истории России было переломным: страна окончательно вступила на европейский путь развития. В начале века наша страна воспринималась иностранцами больше как азиатское, нежели европейское государство. В наследство от предыдущего «бунташного» века она получила в значительной степени олигархическое правление и теократическую идеологию, тормозившие экономическое развитие, полное отсутствие стратегических выходов в Балтийское и Черное моря военных и торговых флотов. Слабо организованное и плохо вооруженное войско едва справлялось с бесконечными набегами татар, вторжениями турок, поляков и шведов, а также с внутренними смутами.

В конце XVIII столетия облик России изменился до неузнаваемости. Средневековое Московское царство превратилось в могущественнейшую Российскую империю, европейская территория которой увеличилась почти вдвое, а население — втрое. В состав России вошли земли Прибалтики, Белоруссии, Правобережной Украины, Причерноморья, Крыма, Северного Кавказа. Самая могучая в Европе армия и военный флот надежно защищали рубежи империи, безопасность международных экономических связей и обеспечивали успех ее внешней политики.

Канули в Лету потрясавшие страну местнические споры и разборки боярских родов. Создан централизованный государственный аппарат, которому была подчинена и лишенная былого могущества церковь. Наука, культура и образование приобрели светский характер и набрали невиданные ранее темпы развития. Бурно развивалась промышленность, особенно ее военные отрасли, строительство и торговля.

Значительная часть казны пополнялась за счет внешней торговли, разросшейся благодаря приобретению выходов к морям Атлантического океана, постройке портов и торговых флотов. В русском народе развивалось и укреплялось чувство национального самосознания и гордости за свою родину — могучую и великую Россию.

Небывалому подъему во всех сферах государственного бытия Россия обязана, главным образом, победам своей армии и флота в почти беспрерывных войнах. По существу, за редким исключением, история России в XVIII столетии — это история войн.

Обширные территории, международный авторитет и вес были завоеваны русскими солдатами, офицерами и генералами, не жалевшими в кровопролитных сражениях с многочисленными вражескими армиями сил, здоровья и самой жизни ради славы и могущества своей Родины.

На севере Россия разгромила непобедимую Швецию; на западе оставила от великой некогда Речи Посполитой одно воспоминание; на юге неоднократно побеждала могучую Османскую империю — «Блистательную Порту». Новоприобретенные земли обильно политы кровью русских людей.

Мемуары тех, кто стоял во главе русских войск и лучше кого бы то ни было знал ход судьбоносных для России событий, представляют особый интерес. К сожалению, воспоминаний и дневников крупных военачальников XVIII века опубликовано чрезвычайно мало, а мемуары лиц, имевших в России высшее воинское звание фельдмаршала, можно перечислить на пальцах одной руки.»

Работа подготовлена координатором Проекта «Народный экскурсовод» – Эммой Басовой.